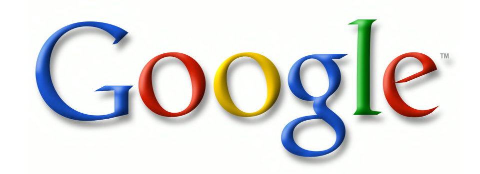
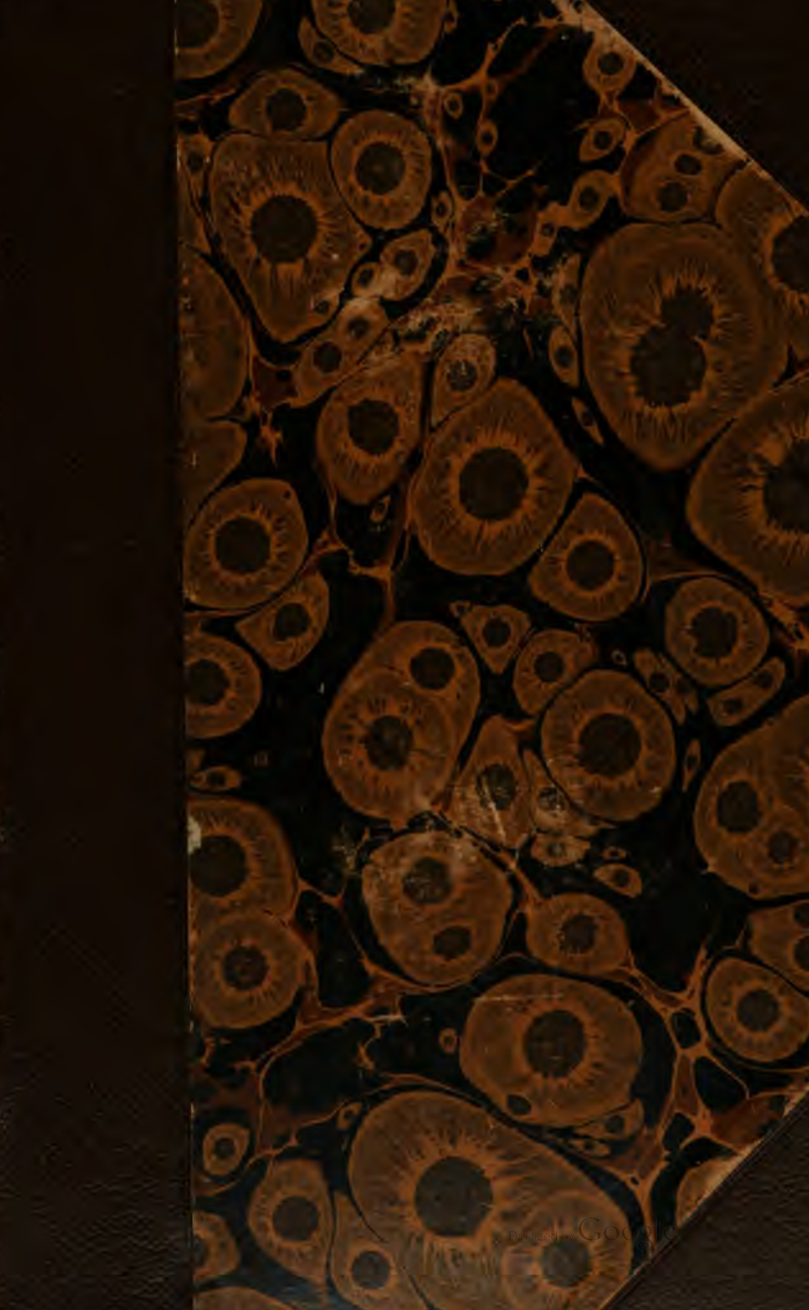

ПЕКИНСКІЯ СОБЫТІЯ.

V. V. Korsakov

В. В. КОРСАКОВЪ.

ПЕКИНСКІЯ СОБЫТІЯ.

ЛИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ УЧАСТНИКА ОБЪ ОСАДѢ ВЪ ПЕКИНѢ

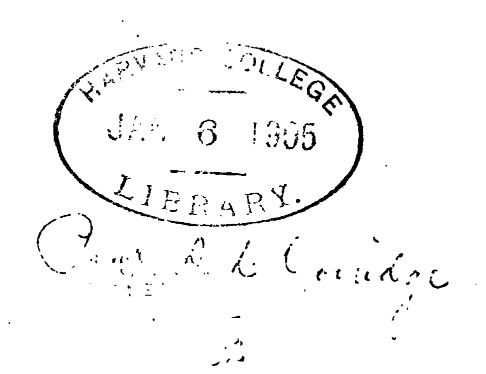
МАЙ—АВГУСТЪ 1900 ГОДА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

1901

HARVARD COLLEGE
JAN 6 1905
LIBRARY.

В. В. КОРСАКОВЪ.

(Во время осады).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ ОЖИДАНІИ СОБЫТІЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НАШЕ СИДѢНЬЕ ВЪ РУССКОМЪ ПОСОЛЬСТВѢ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЪ ОЖИДАНІИ СОБЫТІЙ.

Памяти Вашей, мужественные защитники наши, русскіе и американцы, и освободители наши, русскіе, доблестно павшіе въ стѣнахъ Пекина и при штурмѣ его стѣнъ, посвящаю я, какъ дань моего къ Вамъ глубокаго уваженія и благодарности, эту книгу.

Какъ живые стоите Вы передъ моими очами, положившіе свою жизнь за наше спасеніе. Миръ душѣ Вашей и вѣчная о Васъ память.

В. В. Корсаковъ.

6-го іюня—1-го августа.
1900 года.
Пекинъ.

ОТЪ АВТОРА.

Пережитое тяжелое время осады Пекина оставило въ жизни моей неизгладимый слѣдъ. Такiе историческiе моменты одинъ только разъ переживаются въ жизни, но памятны остаются на всю жизнь.

«Пекинское сидѣнье» было исключительное во всѣхъ отношенiяхъ: оно застало всѣхъ совершенно не подготовленными и не ожидавшими, что могутъ разыграться съ такою быстротою и такою жестокостью событiя среди мирнаго народа, доведеннаго до озлобленiя и отчаянiя.

«Пекинское сидѣнье» застало насъ на далекой окраинѣ, совершенно отрѣзанными отъ родины. Не одинъ разъ мнѣ приходилось смотрѣть въ глаза смерти и много разъ пришлось

пережить и передумать въ самомъ себѣ смыслъ всѣхъ событій, предшествовавшихъ возникшему антиевропейскому движенію, и всегда оставалось одно и то же убѣжденіе: европейская христіанская цивилизація внесла въ среду языческаго, но самобытно-культурнаго китайскаго народа такія лицемѣріе и неправду, что иного исхода, какъ ненависть и презрѣніе у всѣхъ любящихъ свою родину, европейцы и не могли ожидать. Проявленіе этой общенародной ненависти составляло лишь вопросъ времени и обстоятельствъ, ей благопріятствующихъ.

Проживъ болѣе пяти лѣтъ въ Пекинѣ, насмотрѣвшись всего, скажу только одно: такого безсердечія, такихъ деревянныхъ по чувству и мысли людей, какихъ я встрѣчалъ въ Пекинѣ, я нигдѣ въ своей жизни не встрѣчалъ.

Надо ли послѣ этого удивляться, что не только самый миролюбивый человѣкъ можетъ дойти до озлобленія, если его постоянно давятъ и несправедливо обижаютъ, но и народъ, доведенный до отчаянія, возстанетъ противъ своихъ притѣснителей?..

Мы остались живы. При возвращеніи на родину повсюду встрѣтили насъ добрыя, простыя,

любящія сердца, возносившія во время опасности молитвы за наше спасеніе. Не имъ ли, этимъ простымъ любящимъ сердцамъ, не ихъ ли молитвамъ обязаны мы спасеніемъ? Вѣдь любовь все превозмогаетъ, любовь все животворитъ...

Что будетъ дальше? Гдѣ и когда будетъ положенъ конецъ этому кровавому дѣлу, которое въ Китай внесло раззореніе, гибель и голодъ трудолюбиваго народа? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть и очень простъ, и очень сложенъ. Простъ отвѣтъ для дѣйствительно христіанскаго ученія: если Европа на самомъ дѣлѣ, по правдѣ и справедливости, дастъ миръ китайскому народу, не окровавленными руками палачей, держащихъ срубленныя головы, а убѣжденіемъ людей знанія китайскаго народа и знанія человѣческой души вообще (понятіе о справедливости и добрѣ у всѣхъ народовъ одинаково), то и миръ прочный возстановится легко. Если же возстановленіе мира будетъ создаваться жестокостью, насиліями и убійствами, то прочнаго мира быть не можетъ. Злоба никогда не создастъ любви, насиліе и жестокость никогда не внесутъ спокойствія...

Предлагая вниманію читателя свои впечатлѣнія за время «Пекинскаго сидѣнья», я сознаю, что они отрывочны и недостаточны для болѣе яснаго пониманія совершавшихся событій, но всѣ пережитыя событія еще очень живы, о многомъ говорить еще неудобно, спокойнѣе отнестись къ нимъ, какъ къ прошлымъ, трудно...

23-го февраля 1901 года.
С.-Петербургъ.

I.

Первыя сношенія китайцевъ съ европейцами.—Европейскія торговыя колоніи въ Китаѣ.—Войны Китая съ англичанами и французами.

Современное положеніе Китая таково, что невольно заставляетъ обратиться къ прошлому, когда только впервые онъ вошелъ въ сношенія съ европейцами. Въ этомъ прошломъ можно найти многое, что объясняетъ вполнѣ его настоящее. Первыя сношенія китайцевъ съ европейцами, исключая миссіонеровъ, были торговыя. Португальцы первые изъ предпріимчивыхъ мореходовъ высадились вблизи Макао на берега Китая въ 1516 году, построили прежде всего для защиты себя маленькую крѣпостцу, на стѣнѣ которой поставили пушку, а затѣмъ вступили въ торговыя сношенія съ Кантономъ. Первыя сношенія были очень благопріятны, и китайцы охотно принимали пришлыхъ торговыхъ людей, вслѣдствіе чего число желающихъ за-

вести торговлю быстро увеличилось, а вмѣстѣ съ ними проникъ и тотъ дурной элементъ, который портитъ вездѣ все хорошее. Послѣдующія поколѣнія португальцевъ настолько испортили первыя добрыя отношенія, что китайцы заставили многихъ изъ нихъ удалиться изъ страны. За португальцами появляются также на югѣ Китая голландцы; они заводятъ торговыя сношенія, распространяя ихъ и на Формозу, на которой строятъ для себя фортъ и называютъ его Зеландіей. Въ 1637 году появляются впервые на почвѣ Китая англичане съ небольшой флотиліей судовъ. Португальцы, не желая имѣть въ лицѣ англичанъ соперниковъ себѣ въ торговлѣ съ Китаемъ, встрѣтили англичанъ весьма враждебно и сдѣлали даже попытку не допускать ихъ высадиться на берегъ, преграждая путь огнемъ своей пушки съ крѣпостцы. Но англичане оказались сильнѣе: они не только дали отпоръ португальцамъ, отвѣчая огнемъ съ своихъ судовъ, но завладѣли даже и самой крѣпостцей ихъ. Такимъ образомъ португальцы уступили свое первенство англичанамъ, которые прочно утверждаютъ и здѣсь свое торговое господство, какъ оно было уже утверждено ими въ Индіи. Англичане укрѣпляются на Моллукскихъ островахъ и центромъ своего пребыванія избираютъ Маниллу. Въ концѣ XVII вѣка мы видимъ слѣдующее распредѣленіе европейцевъ

на Дальнемъ Востокѣ: англичане въ Индіи и Южномъ Китаѣ, голландцы на Явѣ и Формозѣ, доходя до Южнаго Китая, испанцы на Филиппинскихъ и Маріанскихъ островахъ. Чѣмъ обширнѣе становился наплывъ европейцевъ въ Китай и чѣмъ болѣе китайцы и власти знакомились съ нравами, характеромъ и нравственностью заморскихъ людей, тѣмъ болѣе они становились подозрительными и стали, наконецъ, проявлять враждебное отношеніе, которое поддерживалось еще и тѣмъ, что каждая европейская колонія прежде всего воздвигала укрѣпленіе, вооружала его и тѣмъ самымъ упрочивала подозрительность въ китайцахъ, заставляя ихъ опасаться, что европейцы имѣютъ не одни торговые виды на Китай, но и завоевательные. Страхъ передъ европейскими вооруженіями и тогда уже заставлялъ китайцевъ ставить европейцамъ на каждомъ шагу затрудненія въ вопросѣ по расширенію черты осѣдлости европейцевъ въ Китаѣ. Изъ этого же чувства страха китайцы долгое время не разрѣшали селиться въ Китаѣ ни одной европейской женщинѣ, доказывая, что европейцамъ, какъ торговымъ людямъ, нѣтъ необходимости на чужбинѣ, обзаводиться домашнимъ очагомъ. Только въ 1845 году первая европейская женщина вступила на почву Китая въ Кантонѣ, гдѣ разрѣшено было жить европейцамъ съ семействами. Насколько англичане укрѣплялись на

почвѣ Китая, настолько же голландцы, испанцы и португальцы теряли свое вліяніе. Голландцы были не въ силахъ удержаться на Формозѣ, такъ какъ были не въ состояніи справиться съ морскими разбойниками, которые постоянно дѣлали вооруженныя нападенія на факторіи голландцевъ, подвергая ихъ разграбленію. Напрасно голландцы снаряжали военныя экспедиціи для захвата пиратовъ,—послѣдніе не только всегда исчезали, но даже истребляли голландскія вооруженныя суда. Въ концѣ концовъ, голландцы не выдержали и покинули Формозу. Что касается португальцевъ и испанцевъ, то они вынуждены были подчиниться силѣ англичанъ, которые завладѣли окончательно Маниллою и Макао, колоніями португальцевъ, и объявили себя господами созданнаго положенія. Не могли они конкуррировать съ англичанами и въ торговлѣ. Чтобы какъ-нибудь упрочить свое положеніе, португальцы отправили пословъ къ китайскому богдыхану, но напрасно послы исполняли всѣ унизительныя для европейца и христіанина церемоніи—«кэ-тоу», ничто не помогло, и всѣ ихъ жалобы и просьбы оставлены были безъ послѣдствій. Церемонія «кэ-тоу» является выраженіемъ рабской покорности и до сего дня исполняется во дворцѣ передъ богдыханомъ во время аудіенцій вассальными князьями и чиновниками. Состоитъ эта церемонія въ томъ, что являющійся предъ очи богды-

хана, при входѣ въ залъ, становится на колѣни и трижды кланяется въ землю, «челомъ бьетъ». Поднявшись и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ снова опускается на колѣни и снова трижды кланяется въ землю, а затѣмъ и еще разъ. Послы португальцевъ, исполнивъ эту церемонію, подвергались въ то же время и другимъ унизительнымъ со стороны китайскихъ мандариновъ выходкамъ, придуманнымъ лишь потѣхи ради. Въ данномъ случаѣ китайское правительство было очень дальновидно, относясь съ одинаковымъ подозрѣніемъ ко всѣмъ европейцамъ: оно предоставляло ихъ самимъ себѣ и не вмѣшивалось въ ихъ взаимныя распри. Англичане все расширяли свои торговыя дѣла и свое вліяніе, такъ что къ концу 1792 года они учредили спеціальную торговую англійскую компанію. Директора этой компаніи успѣли даже убѣдить свое правительство въ Лондонѣ въ необходимости отправить изъ Англіи отъ имени короля особое посольство, которое должно было прибыть въ Пекинъ ко дню празднествъ въ честь дня рожденія богдыхана и вручить богдыхану собственноручное письмо короля съ выраженіями добрыхъ чувствъ; такое посольство несомнѣнно послужило бы къ упроченію англичанъ въ Китаѣ. Англійская торговая компанія достигла своего: отъ имени правительства прибылъ лордъ Macarthey въ Пекинъ, получилъ аудіенцію при дворѣ и, преклонивъ колѣно,

вручилъ богдыхану письмо короля. За первымъ посольствомъ послѣдовало второе въ 1806 г., торжественно обставленное и имѣвшее во главѣ лорда Amhorst. Прибывъ въ Пекинъ, посольство однако не могло получить аудіенціи, такъ какъ лордъ Amhorst нашелъ для себя унизительнымъ исполнить церемонію кэ-тоу передъ богдыханомъ, а безъ выполненія этой церемоніи нельзя было разсчитывать на успѣхъ посольства. Пробывъ напрасно нѣкоторое время въ Пекинѣ, лордъ выѣхалъ обратно въ Кантонъ. Такимъ образомъ, попытка начать дипломатическія сношенія Англіи съ Китаемъ потерпѣла неудачу, которая однако нисколько не отразилась на веденіи торговыхъ дѣлъ англійской компаніи, имѣвшей по заключеннымъ съ китайскими властями договорамъ право свободной торговли въ Китаѣ до 1834 года. Съ этого года право свободной торговли распространялось на каждаго англійскаго подданнаго. Пользуясь преимущественной привилегіей вести торговлю въ Китаѣ, англійская торговая компанія была подчинена надзору со стороны 12 торговыхъ старшинъ, избираемыхъ изъ китайскихъ купцовъ и утверждаемыхъ китайскими властями. Эти 12 торговыхъ старшинъ имѣли надзоръ за торговлей англичанъ, взимали пошлины съ привозимыхъ товаровъ, исполняли и полицейскія обязанности; они являлись также и посредниками во всѣхъ возникавшихъ вопросахъ и недо-

разумѣніяхъ между торговой компаніей и китайскими властями, а также несли на себѣ и всю отвѣтственность какъ за упущенія, такъ и за несоблюденіе иностранцами установленныхъ правилъ. Сами же китайскія власти съ европейцами ни въ какія сношенія не входили. Такъ какъ не существовало ни точно установленнаго тарифа, ни точной регламентаціи товаровъ и торговли, то во всѣхъ дѣлахъ и отношеніяхъ царилъ произволъ и безпорядокъ. Все было въ зависимости отъ губернаторовъ, дѣйствовавшихъ черезъ китайскихъ торговыхъ старшинъ, находившихся въ свою очередь въ полной зависимости отъ властителей города. Послѣдствіями такого ненормальнаго положенія дѣла было, съ одной стороны, развитіе въ широкихъ размѣрахъ контрабанды, а съ другой—постоянныя недоразумѣнія и жалобы со стороны англійскихъ купцовъ на произволъ и стѣсненія отъ китайскихъ властей. Отношенія эти съ обѣихъ сторонъ особенно обострились къ концу срока привилегій торговой англійской компаніи, такъ что, когда съ 1834 года всѣ англійскіе подданные получили право торговли въ Китаѣ, явилась неотложная необходимость совершенно измѣнить бывшую до этого времени таможенную систему. Въ виду этого отъ англійскаго правительства командированъ былъ въ Китай лордъ Napier въ качествѣ главнаго инспектора англійской торговли. Прибывъ въ Ки-

тай, лордъ Napier пріѣхалъ прямо въ Кантонъ, не предупредивъ объ этомъ кантонскаго вице-короля и не испросивъ разрѣшенія, вслѣдствіе чего сразу же начался рядъ недоразумѣній. Вице-король Кантона черезъ торговыхъ старшинъ выразилъ лорду за его самовольный пріѣздъ формальное порицаніе и указалъ, что лордъ Napier оскорбилъ обычаи и законы страны, такъ какъ, вопреки установленнымъ обычаямъ, не остановился предварительно въ Макао, откуда и долженъ былъ сообщить о своемъ пріѣздѣ и просить разрѣшенія на въѣздъ въ Кантонъ. Лордъ Napier отказался, однако, принять письмо вице-короля отъ торговыхъ старшинъ и заявилъ, что самъ имѣетъ полномочія отъ своего правительства войти въ личные переговоры съ вице-королемъ относительно дѣлъ, касающихся англійскихъ подданныхъ. Вице-король, не рѣшаясь вступать въ дальнѣйшіе переговоры, обратился съ запросомъ въ Пекинъ, прося указаній, какъ держать себя съ прибывшимъ самовольно «варваромъ», и одновременно издалъ указъ ко всему населенію Кантона, въ которомъ запрещалъ всякому китайцу входить въ какія-либо личныя или торговыя сношенія съ англичанами. Изъ Пекина получилось полное одобреніе дѣйствій вице-короля въ отношеніи лорда Napier'a. Послѣднему ничего не оставалось дѣлать, какъ оставить Кантонъ, въ которомъ, къ тому же, онъ заболѣлъ.

Лордъ выѣхалъ въ Макао, гдѣ и умеръ. Съ отъѣздомъ лорда вице-король снова разрѣшилъ китайскому населенію попрежнему возобновить прерванныя сношенія съ англичанами. Изъ Лондона на мѣсто лорда Napier'а назначенъ былъ сэръ Robinson, которому, во избѣжаніе недоразумѣній и разрыва съ китайскими властями, разрѣшено было исполнять всѣ требованія послѣднихъ относительно остановки въ Макао и испрошенія разрѣшенія пребыванія въ Кантонѣ. Тѣмъ не менѣе и сэръ Robinson отказывался вести сношенія съ вице-королемъ и китайскими властями черезъ торговыхъ старшинъ, отказывался также признать свое подчиненіе этимъ властямъ и требовалъ признанія себя равноправнымъ. Вмѣстѣ съ обострeніемъ личныхъ отношеній осложнялись также отношенія съ китайскими властями изъ-за широко развившейся контрабанды и изъ-за торговли опіумомъ, страсть къ куренію котораго охватывала все больше и больше китайское населеніе. Китайское правительство открыло форменную борьбу противъ опіума. По предписанію изъ Пекина, вице-король началъ преслѣдовать какъ торговлю опіумомъ, такъ и потребителей, примѣняя къ виновнымъ самыя жестокія мѣры наказанія. Уличенные въ контрабандѣ всенародно подвергались смертной казни черезъ повѣшеніе, а потребители заключались въ тюрьмы, имъ отрѣзывали губы, щеки, носъ. Не имѣя возможно-

сти преслѣдовать англичанъ, главныхъ виновниковъ торговли опіумомъ, стоявшихъ только за спинами китайцевъ, китайскія власти приняли намѣреніе производить казнь уличенныхъ китайскихъ контрабандистовъ среди европейскихъ факторій. Случай скоро представился. Осужденный на казнь былъ приведенъ на площадь европейской факторіи; китайскія власти приготовили все необходимое для совершенія казни и готовились уже приступить къ ея выполненію, но въ этотъ моментъ произошло нѣчто неожиданное: всѣ европейцы вышли изъ своихъ домовъ, накинулись на орудія казни, разломали и разбросали ихъ, а китайскимъ властямъ заявили, что у себя въ факторіи европейцы никогда не позволятъ приводить казнь въ исполненіе. Послѣ этого европейцы набросились на густую китайскую толпу, прибывшую глазѣть на казнь, и стали ее разгонять, но толпа стала обороняться, началась общая свалка, и европейцы должны были спасаться въ свои дома, въ которыхъ и забаррикадировались, такъ какъ многолюдная толпа пустила въ ходъ камни, палки, выбивала стекла и стала разламывать двери жилищъ. Европейцамъ, несомнѣнно, пришлось бы очень плохо, если бы ихъ не выручилъ прибывшій военный китайскій отрядъ, который усмирилъ и разогналъ бушевавшую уличную толпу и освободилъ осажденныхъ въ своихъ же домахъ европейцевъ. Инспекто-

ромъ торговли былъ въ то время капитанъ Эллiотъ, который ясно понималъ, что долженъ уступить китайскимъ властямъ, признавалъ справедливость ихъ требованiй относительно борьбы съ контрабандой, почему и предложилъ по вопросу объ этой торговлѣ опiумомъ назначить соединенное съ китайскими властями засѣданiе. На засѣданiи этомъ капитанъ Эллiотъ далъ обѣщанiе китайскимъ властямъ оказывать имъ содѣйствiе и тогда же издалъ предписанiе всѣмъ владѣльцамъ судовъ, которые занимались ввозомъ и торговлей опiума, немедленно представить весь имѣющiйся у нихъ опiумъ къ нему въ управленiе; китайскiя же власти, чтобы ускорить исполненiе этого предписанiя, снова запретили всѣмъ китайцамъ входить съ англичанами въ какiя-либо личныя или торговыя сношенiя. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, всѣ англичане,— а ихъ тогда было въ Кантонѣ около 300 человѣкъ,—остались безъ прислуги, безъ воды, безъ съѣстныхъ припасовъ, безъ топлива. Волей-неволей образовалась коммуна, въ которой европейцы обратились сами въ водоносовъ, поваровъ, дворниковъ, слугъ. Такое положенiе продолжалось недолго, всего три дня, такъ какъ приказъ капитана Эллiота сталъ быстро исполняться, и ему доставлено было свыше двадцати тысячъ гиновъ (гинъ = $1^1/_4$ фунта) опiума, который онъ и препроводилъ отъ себя къ вице-

королю. Вице-король предалъ этотъ опіумъ уничтоженію. Тѣмъ не менѣе жестокія преслѣдованія какъ контрабанды, такъ и самихъ курильщиковъ не достигали своей цѣли: куреніе опіума было уже распространено не только въ Южномъ Китаѣ, но и Сѣверномъ—въ Манчжуріи и даже Пекинѣ. Опіумъ курили всѣ: и мандарины, и чиновники, и торговые люди, и солдаты; чиновники сами принимали дѣятельное участіе въ сокрытіи контрабанды и оказывали ей помощь. Чтобы успѣшнѣе бороться съ контрабандой, вице-король вызвалъ на помощь китайскія войска, которыя однако произвели гораздо больше безпорядка, нежели оказали помощи. Войска нападали на европейцевъ и сдѣлали нападеніе на англійскую шхуну, убивъ весь ея экипажъ. Послѣ этого капитанъ Эллiотъ и всѣ англичане оставили Макао и Кантонъ и выѣхали въ Гонгъ-Конгъ, куда собрались и всѣ военныя суда, бывшія въ распоряженіи капитана. Непріязненныя дѣйствія вице-короля и китайскихъ властей противъ англичанъ продолжались, однако, и въ Гонгъ-Конгѣ. Вице-король и здѣсь издалъ указъ, запрещающій китайскому населенію входить въ какія-либо сношенія съ англичанами и доставлять продовольствіе на суда. Поставленный въ безвыходное положеніе, капитанъ Эллiотъ сталъ посылать команды на берегъ добывать провіантъ, но китайскія власти арестовывали

посланныхъ, которые, будучи вооруженными, пускали въ ходъ оружіе, и происходила боевая схватка. Послѣ одной такой стычки китайцы сдѣлали нападеніе на испанскій корабль, стоявшій на якорѣ, и сожгли его, принявъ за англійскій. Такое тяжелое положеніе продолжалось до 1846 года, когда англійское правительство заявило китайскимъ властямъ, что если не будутъ устранены всѣ тѣ стѣсненія и препятствія, которыми китайскія власти окружили англійскихъ подданныхъ, то въ китайскія воды для охраны будетъ прислана вооруженная эскадра. Въ отвѣтъ на это заявленіе китайское правительство тотчасъ же приступило къ укрѣпленію своихъ береговъ, сбору войскъ и стало дѣлать всѣ приготовленія къ войнѣ, отмѣнивъ въ то же время всѣ прежнія стѣснительныя мѣры въ отношеніи англичанъ и ихъ торговли. Англичанамъ предоставлена была полная свобода, такъ что всѣ они возвратились на старыя свои мѣста въ Макао и Кантонъ. Насталъ 1840 годъ, и въ іюлѣ мѣсяцѣ появилась англійская эскадра, въ составъ которой входили пять большихъ кораблей, три парохода, 21 транспортъ, имѣвшихъ до трехъ тысячъ экипажа. Эскадра безпрепятственно вошла въ Чжу-саньскій архипелагъ, и главный городъ этого архипелага, укрѣпленный, былъ взятъ, не оказавъ никакого сопротивленія.

Такъ началась первая англо-китайская война.

Уполномоченный англійскаго правительства былъ капитанъ Эллiотъ, который послѣ взятія Чжусаньскаго архипелага, направился съ эскадрой въ Тьянь-Цзинь. Отсюда начались сношенія и переговоры съ Пекиномъ. Губернаторъ Тьянь-Цзиня употребилъ все свое стараніе и убѣдилъ капитана Эллiота не ходить въ Пекинъ, а возвратиться съ эскадрой въ Кантонъ, давъ обѣщаніе уладить все дѣло тамъ на мѣстѣ и мирно разобрать всѣ недоразумѣнія. Англійская эскадра вернулась въ Кантонъ и, дѣйствительно, въ 1841 году составлены были предварительныя условія мира. Кантонскій вице-король Ли былъ однако непримиримымъ врагомъ европейцевъ, и миръ не входилъ въ его планы: онъ желалъ продолженія войны. Имѣя при дворѣ въ Пекинѣ свою сильную партію, онъ прилагалъ всѣ старанія не допускать до мира и достигъ своего: богдыханъ издалъ указъ, которымъ повелѣвалъ изгнать изъ предѣловъ Китая всѣхъ мятежниковъ англичанъ; за голову капитана Эллiота и другихъ начальниковъ назначено было 50 тысячъ долларовъ. Между тѣмъ пребываніе на островахъ Чжу-саньскаго архипелага для англичанъ было въ высшей степени тягостно: отъ тифа и маляріи погибло болѣе 400 человѣкъ, а въ госпиталяхъ лежало до тысячи больныхъ. Въ виду этого англичане оставили архипелагъ и направились по рѣкѣ къ Кантону, забирая всѣ

береговыя укрѣпленія, пока не встрѣтили горячаго сопротивленія на послѣднемъ, которое защищали китайскія войска подъ начальствомъ храбраго адмирала Гуаня. Китайцы держались до послѣдней возможности, а адмиралъ Гуань, не сдаваясь, былъ убитъ. Уважая во врагѣ такое мужество, англичане воздали ему воинскія почести и отдали трупъ для погребенія прибывшимъ роднымъ. Кантонъ былъ открытъ. Оставивъ часть своихъ кораблей у Гонгъ-Конга и Кантона, англичане заняли Амой и направились къ Нанкину, который сдался послѣ небольшого сопротивленія. Населеніе многолюднаго Нанкина до такой степени было объято страхомъ передъ ожидаемымъ рабствомъ у англичанъ, что поголовно стало кончать жизнь самоубійствомъ. Очевидцы въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываютъ ужасы, не поддающіеся никакому описанію. Мужья убивали женъ и дѣтей, перерѣзывая первымъ горло, а вторыхъ бросая въ колодцы, а затѣмъ кончали и съ собой. Когда обо всемъ происшедшемъ дошло до Пекина, то правительство китайское убѣдилось, что оно не можетъ продолжать войну съ англичанами, почему и прибыли отъ богдыхана въ Кантонъ комиссары, уполномоченные вести переговоры о заключеніи мира. Англичане согласились на миръ на слѣдующихъ условіяхъ: Гонгъ-Конгъ поступаетъ въ полное владѣніе англичанъ; торговля англи-

чанъ становится совершенно свободной отъ всякаго посредничества китайскихъ торговыхъ старшинъ, для всеобщей свободной европейской торговли открываются новые торговые пункты: Амоэ, Фучжоу, Нинг-по, Шанхай; китайское правительство уплачиваетъ англичанамъ 21 милліонъ долларовъ военныхъ издержекъ. Кромѣ того, устанавливается опредѣленный тарифъ на товары ввозные и вывозные. Миръ былъ заключенъ, и англичане, оставивъ гарнизоны къ Чжу-санѣ и Гонгъ-Конгѣ, отплыли въ Индію. Такимъ образомъ была сдѣлана первая брешь европейцами въ вѣковыхъ стѣнахъ Китая.

Добрыя отношенія однако были очень непродолжительны. Враждебная и воинственная партія при дворѣ въ Пекинѣ снова пріобрѣла вліяніе; страхъ предъ войсками англичанъ былъ забытъ, почему китайскія власти перестали исполнять взятыя ими на себя обязанности, снова начали оказывать пренебреженіе и презрѣніе къ европейцамъ вообще, а къ консуламъ во вновь открытыхъ для торговли пунктахъ въ частности. Но завѣса, скрывавшая Китай отъ взоровъ Европы, была приподнята, и въ это время правительства Бельгіи, Голландіи, Пруссіи и Испаніи прислали своихъ агентовъ для ознакомленія съ торговлей и положеніемъ Китая, а Сѣверо-Американскіе Штаты отправили блестящее посольство, которое имѣло намѣреніе проникнуть

въ самый Пекинъ и получить аудіенцію во дворцѣ богдыхана. Высадившись въ Макао, американское посольство должно было однако подчиниться убѣжденіямъ вице-короля и отказаться отъ намѣренія посѣтить Пекинъ, а удовольствоваться лишь заключеніемъ точно такого же торговаго договора, который былъ заключенъ съ англичанами. Въ 1844 году явилось блестящее французское посольство, имѣвшее также намѣреніе проникнуть въ Пекинъ и, подобно американскому, заключившее только торговый договоръ. Французское посольство успѣло все-таки получить еще и особое разрѣшеніе отъ богдыхана на свободное поселеніе въ Китаѣ католическихъ миссіонеровъ.

Китайское правительство охотно заключало теперь торговые договоры съ государствами, но упорно отказывало каждому изъ нихъ въ доступѣ въ свою столицу. Уже тогда китайскіе дипломаты старались соединить европейцевъ въ одномъ мѣстѣ, предоставить ихъ самимъ себѣ, разсчитывая, что взаимная ихъ непріязнь и конкурренція вызовутъ между ними враждебныя столкновенія.

Прибывшіе католическіе миссіонеры встрѣчены были населеніемъ также враждебно, и первый изъ нихъ—миссіонеръ Chapdelaine, прибывшій въ 1856 г. въ провинцію Цзянь-си, былъ подвергнутъ истязаніямъ, обезглавленъ, и голова

его долгое время висѣла на деревѣ, а тѣло было брошено собакамъ.

Китайскія власти были очень довольны, что ни американское, ни французское посольства не требовали настойчиво достуна въ Пекинъ и сдавались на убѣжденія невозможности выполненія этого желанія; посольства не требовали даже земельныхъ участковъ для устройства своихъ факторій, а довольствовались широкими и радушными обѣщаніями и посулами китайцевъ, старавшихся изо всѣхъ силъ, чтобы посольства поскорѣе удалились изъ Китая.

Несмотря на видимую любезность китайскихъ властей къ европейскимъ посольствамъ, отношенія ихъ и китайскаго населенія, подстрекаемаго самими же властями, становилось годъ отъ году враждебнѣе. Нападенія на улицахъ на европейцевъ вообще и англичанъ въ особенности, грабежи, поджоги европейскихъ факторій, истязанія и убійства миссіонеровъ, убійства на улицахъ европейскихъ матросовъ,—все это дѣлало жизнь въ Кантонѣ очень тяжелой и вызывало со стороны самихъ европейцевъ необходимость организовать для самозащиты отрядъ волонтеровъ, какъ бы національную милицію. Съ своей стороны и китайцы также организовали союзы борьбы противъ англичанъ и европейцевъ вообще. Идея борьбы охватила всѣ слои китайскаго населенія: купечество, горожане, чиновники, солдаты—всѣ

охотно становились членами союзовъ, отказывались отъ всякихъ сношеній съ европейцами, составляли партизанскіе отряды съ цѣлью нападенія на англичанъ и возбуждали противъ нихъ все населеніе. Консулы обратились тогда къ китайскимъ властямъ съ требованіями о преслѣдованіи и наказаніи виновныхъ, но на всѣ требованія китайскія власти отвѣчали одно и то же: «Мы безсильны противъ выраженія чувствъ народа». При таковыхъ обстоятельствахъ умираетъ богдыханъ, и на престолъ вступаетъ его сынъ, молодой принцъ, которому было 20 лѣтъ. Партія приверженцевъ старины снова беретъ при дворѣ верхъ и начинаетъ преслѣдовать тѣхъ министровъ, которые склонны были къ уступкамъ въ пользу европейцевъ. Положеніе европейцевъ становится еще тяжелѣе, такъ какъ китайскія власти перестаютъ окончательно стѣсняться въ выраженіи своихъ враждебныхъ чувствъ къ европейцамъ и консуламъ. Между тѣмъ, истекалъ срокъ Нанкинскаго мирнаго договора, заключеннаго на 12 лѣтъ. Напрасно англійскій и американскій консулы дѣлали настойчивыя представленія кантонскому вице-королю о необходимости полнаго пересмотра договора;—и кантонскій вице-король, и губернаторы, и представители старой китайской партіи при дворѣ утверждали богдыхана въ убѣжденіи, что достаточно велики и тѣ милости, которыя онъ даровалъ варварамъ, и что

давать еще большія льготы не только опасно, но и несовмѣстимо съ достоинствомъ Небесной имперіи. Кантонскій вице-король все время оставался заклятымъ врагомъ европейцевъ и употреблялъ всѣ свои старанія поддерживать ненависть къ нимъ при дворѣ въ Пекинѣ; самъ же у себя, въ Кантонѣ, несмотря на настойчивыя заявленія иностранныхъ представителей государствъ, просившихъ назначить время для личныхъ переговоровъ, за время отъ 1849 по 1858 годъ не принялъ ни одного изъ нихъ. Въ 1857 году враждебныя отношенія достигли высшей степени; проявленію открытой вражды способствовало еще и то обстоятельство, что стоявшія гарнизономъ англійскія военныя суда ушли въ Индію, вслѣдствіе вспыхнувшаго тамъ возстанія. Осталось лишь нѣсколько мелкихъ судовъ, которыя служили сношенію между Макао, Кантономъ и Гонгъ-Конгомъ, да небольшой отрядъ, занимавшій фортъ посреди рѣки на островѣ близъ Кантона. Участь остававшихся трехъ судовъ была очень печальная; однажды въ качествѣ пассажировъ сѣли на нихъ китайцы, которые, когда суда вышли въ море, напали на команду, убили всѣхъ европейцевъ и завладѣли судами. Англичане и отрядъ въ 300 человѣкъ укрѣпились и заперлись въ крѣпостцѣ, бывшей на островѣ, и выдержали пять тяжелыхъ мѣсяцевъ осады и ожиданій помощи изъ Англіи. Помощь пришла

только послѣ усмиренія возстанія въ Индіи. Эскадра съ чрезвычайнымъ посланикомъ лордомъ Эльджиномъ прибыла въ Гонгъ-Конгъ 1 іюля 1857 года. Лордъ Эльджинъ представилъ вице-королю кантонскому ультиматумъ, поддержанный также и правительствомъ Франціи, въ которомъ угрожалъ взять войсками Кантонъ, если требованія посланниковъ о пересмотрѣ Нанкинскаго договора во всѣхъ его частяхъ не будутъ уважены и если не будетъ выдано вознагражденіе всѣмъ европейцамъ, которые потерпѣли убытки отъ грабежей, поджоговъ факторій и убійствъ, совершенныхъ китайцами. Кантонскій вице-король отвѣтилъ молчаніемъ на этотъ ультиматумъ, и англо-французскій соединенный отрядъ пошелъ на Кантонъ. Всѣ рѣчные и береговые форты вплоть до Кантона оказывали самое незначительное сопротивленіе и легко были взяты. Подступивъ же къ стѣнамъ Кантона, войска скоро пробили въ нихъ орудіями широкую брешь, черезъ которую и вошли въ городъ, встрѣтивъ также самое ничтожное сопротивленіе. Взявъ Кантонъ, лордъ Эльджинъ послалъ разыскивать въ городѣ мѣстопребываніе вице-короля, губернатора города и главнаго начальника надъ войсками. Всѣ три сановника были найдены спрятавшимися каждый у себя въ домѣ и безпрекословно отдались въ руки англичанъ. Послѣ этого взято было китайское казначейство, въ которомъ

было найдено нѣсколько комнатъ, полныхъ связками китайскихъ мѣдныхъ монетъ. Англичане были затруднены способомъ переноски такого количества металла, но сопровождавшая любопытная толпа китайцевъ-рабочихъ предложила свои услуги и за малое вознагражденіе охотно стала переносить китайскую казну на англійскія суда. Послѣ этого лордъ Эльджинъ отправилъ въ Пекинъ сообщеніе о всемъ случившемся, но отвѣта опять-таки никакого не послѣдовало, и соединенная англо-французская эскадра направилась въ Тянь-Цзинь, сообщивъ изъ Шанхая о своемъ движеніи. Китайское же населеніе Кантона, оставшись безъ своихъ начальниковъ, проявляло къ европейцамъ самыя радушныя отношенія, доставляя все необходимое. Когда соединенная эскадра подошла къ Таку, то была встрѣчена огнемъ съ береговыхъ фортовъ, не сдѣлавшимъ ей никакого вреда. Когда же соединенный дессантъ высадился на берегъ, то нашелъ всѣ форты и батареи брошенными,—защитники бѣжали. Лордъ Эльджинъ двинулся въ Тянь-Цзинь; здѣсь поджидали обоихъ посланниковъ два чиновника изъ Пекина, но они не имѣли полномочій отъ богдыхана на веденіе переговоровъ. Лордъ Эльджинъ потребовалъ немедленной присылки дѣйствительныхъ уполномоченныхъ отъ богдыхана, угрожая въ противномъ случаѣ идти на Пекинъ. Угроза подѣйствовала: въ самомъ

непродолжительномъ времени прибыли изъ Пекина два министра съ полномочіями отъ богдыхана, которымъ лордъ Эльджинъ поставилъ слѣдующія требованія: пребываніе въ Пекинѣ англійскаго посланника, открытіе для торговли Янъ-цзекіанга (Желтой рѣки) вплоть до Ханькоу, открытіе новыхъ портовъ для торговли, изъ которыхъ одинъ долженъ быть въ Манчжуріи, свобода путешествія по Китаю всѣхъ европейцевъ, имѣющихъ паспортъ, полная вѣротерпимость христіанской религіи, введеніе англійскаго языка въ сношеніяхъ между китайскими властями и англійскими представителями, вознагражденіе двумя милліонами ланъ военныхъ издержекъ. Французскій посланникъ потребовалъ пятьсотъ тысячъ ланъ вознагражденія убытковъ, которые понесли французскіе подданные, свободы проповѣди для миссіонеровъ католиковъ и возвращенія всѣхъ церквей, когда-либо у нихъ въ Китаѣ отнятыхъ. Американскій посланникъ ограничился требованіемъ только пятисотъ тысячъ ланъ вознагражденія за убытки, понесенные американскими подданными. Послѣ долгихъ и мѣшкотныхъ переговоровъ китайскіе уполномоченные приняли условія пословъ, причемъ лордъ Эльджинъ сдѣлалъ уступку, соглясясь лишь на ратификацію мирнаго договора въ Пекинѣ и не настаивая на мѣстѣ жительства въ Пекинѣ посланника. Союзная эскадра ушла изъ Таку, а въ столичномъ «Пе-

кинскомъ Вѣстникѣ» появилось слѣдующее правительственное сообщеніе: «Варвары съ своими кораблями дошли до Таку и были въ Тьянь-Цзинѣ, но, вслѣдствіе приказаній, переданныхъ имъ министрами съ мягкой строгостью, варвары подняли якорь и ушли въ море». Слово «варвары», которымъ китайцы постоянно называли всѣхъ европейцевъ, служило также предметомъ обсужденій, и китайскіе министры обязались болѣе не примѣнять его къ европейцамъ. Между тѣмъ въ Кантонъ былъ назначенъ новый вице-король изъ враждебной европейцамъ партіи. Вмѣстѣ съ его прибытіемъ возобновились снова всѣ прежнія враждебныя отношенія къ европейцамъ со стороны китайскихъ властей и населенія. Снова они возстановили среди населенія патріотическій союзъ для борьбы съ англичанами, снова организовались отряды добровольцевъ и шайки разбойниковъ, которыя дѣлали нападенія на европейцевъ на улицахъ, грабили, убивали, поджигали факторіи. Обезглавленные трупы солдатъ и европейцевъ часто были находимы въ рѣкѣ, а на 58 день послѣ подписанія мирнаго договора въ Тянь-Цзинѣ вице-король издалъ въ Кантонѣ прокламацію къ народу, въ которой сообщалъ, что онъ ничего не знаетъ о существованіи мирнаго договора, подписаннаго въ Тьянь-Цзинѣ, а потому предлагаетъ собирать деньги на организацію борьбы противъ внутреннихъ мятежниковъ

и иностранцевъ. Враждебное движеніе противъ иностранцевъ быстро охватило все населеніе Кантона и ближайшихъ къ нему мѣстностей; повсюду составлялись шайки, нападавшія врасплохъ на оставленные небольшіе гарнизоны англичанъ и французовъ. Лордъ Эльджинъ, возвратясь въ Кантонъ и заставъ такое положеніе дѣлъ тотчасъ же усилилъ численность европейскихъ отрядовъ и организовалъ рядъ военныхъ экспедицій внутрь страны, потребовавъ въ то же время отъ пекинскаго правительства немедленнаго удаленія изъ Кантона враждебнаго вице-короля. Кромѣ того, онъ потребовалъ немедленнаго обнародованія мирнаго договора, заключеннаго въ Тянь-Цзинѣ. Послѣ долгихъ промедленій прибыли въ Кантонъ изъ Пекина мандарины, которые привезли указъ о смѣщеніи вице-короля, переведеннаго на высшую должность, и объявили Тянь-цзинскій мирный договоръ, спустя три мѣсяца послѣ его заключенія. Послѣ этого всѣ насилія и преслѣдованія европейцевъ прекратились, а посланники англійскій и французскій съ эскадрами оставили Китай съ тѣмъ, чтобы въ 1859 году возвратиться въ Пекинъ для ратификаціи мирнаго договора. Чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ былъ назначенъ на этотъ разъ братъ лорда Эльджина г-нъ Брюсъ, который прибылъ въ Гонгъ-Конгъ въ 1859 г. Здѣсь онъ встрѣтилъ французскаго посла г. Бурбулона

Въ Пекинѣ въ это время совершались слѣдующія событія. Съ уходомъ соединенной англо-французской эскадры изъ китайскихъ водъ, какъ только миновала грозившая опасность увидать въ Пекинѣ европейскія войска, старая враждебная европейцамъ партія снова возвысилась при дворѣ. Не будучи въ силахъ примириться съ нанесенными пораженіями, старая китайская партія требовала изгнанія европейцевъ изъ Китая, хотя бы это и грозило новой войной. Представителемъ старой партіи выдвинулся даровитый монгольскій князь Санъ-линъ-ханъ, воскресившій въ себѣ и отважнаго воина, и безкорыстнаго патріота. Князь обратился къ богдыхану съ докладной запиской, въ которой горячо доказывалъ, что сношенія съ европейцами грозятъ Китайской имперіи неисчислимыми опасностями и бѣдствіями. Князь указывалъ на факты, что въ Европѣ эти крупныя государства давно уже поглотили всѣ слабыя народности, и предрекалъ, что «эти чужеземные мятежники, живущіе такъ, какъ будто у нихъ нѣтъ ни родного очага, ни законовъ, ищущіе въ Китаѣ только добычи, считающіе его слабымъ,—стремятся поглотить страну». Далѣе въ своемъ докладѣ князь указывалъ, что въ Китаѣ военное искусство давно стало въ пренебреженіи, что народъ, оставшись безъ защиты, изъ храбраго сдѣлался трусливымъ и что самъ богдыханъ изъ вождя превратился въ ученаго. Ука-

завъ затѣмъ богдыхану цѣлый рядъ неспособныхъ, трусливыхъ и преступныхъ правителей и военныхъ начальниковъ, не оправдавшихъ довѣрія богдыхана и выказавшихъ страхъ предъ европейскими варварами, князь Санъ-линъ-ханъ съ горячимъ убѣжденіемъ отстаивалъ предъ богдыханомъ неприкосновенность Китайской имперіи, убѣждалъ не допускать въ Пекинъ представителя Англіи, доказывалъ необходимость отмѣнить всѣ льготы, которыя даны были по Тяньцзинскому договору, дабы не привести имперію къ гибели. Если представитель Англіи,—пророчески предсказывалъ князь,—будетъ имѣть пребываніе въ Пекинѣ, то онъ будетъ вмѣшиваться во всѣ внутреннія дѣла правленія, изъ всего будетъ извлекать для себя лишь выгоду; китайскій народъ обѣднѣетъ, такъ какъ европейцы высосутъ всѣ богатства страны; европейцы внесутъ свою религію, построятъ свои церкви, а храмы Конфуція будутъ осмѣяны и преданы презрѣнію; европейцы сдѣлаются господами, а китайцы обратятся въ рабовъ. Записка князя Санъ-линъ-хана, полная горячаго чувства патріота, произвела на богдыхана и весь дворъ громадное впечатлѣніе. Началась кипучая дѣятельность. Богдыханъ издалъ рядъ приказовъ относительно укрѣпленія береговъ рѣки Пейхо, о приведеніи войскъ въ боевую готовность, объ укрѣпленіи Таку и др. Чтобы возможно болѣе выиграть

время и замедлить вопросъ о ратификаціи мирваго договора въ Пекинѣ, посланы были въ Шанхай уполномоченные отъ богдыхана комиссары, которые должны были стараться всѣми силами отклонить посланниковъ отъ поѣздки въ Пекинъ и убѣдить ихъ согласиться произвести ратификацію договора въ Шанхаѣ.

Несмотря однако на всѣ доводы китайскихъ чиновниковъ, указывавшихъ даже на трудность сухопутнаго пути отъ Шанхая на Пекинъ, такъ какъ они не имѣли разрѣшенія сопровождать посланниковъ моремъ вмѣстѣ съ войсками, планъ китайскаго правительства не удался, и посланники Брюсъ и Бурбулонъ вышли съ соединенной англо-французской эскадрой, состоявшей изъ шести кораблей и одиннадцати пароходовъ изъ Шанхая въ Таку, гдѣ эскадра и бросила якорь 17 мая. Спущенъ былъ катеръ съ офицеромъ, который долженъ былъ извѣстить китайскихъ властей о прибытіи представителей Англіи и Франціи. Весь берегъ былъ покрытъ однако вооруженнымъ населеніемъ, которое не допустило офицера до высадки, говоря, что здѣсь нѣтъ никого изъ тянь-цзинскихъ властей, а что они—волонтеры, которые получили приказаніе защищать берегъ отъ нападенія пиратовъ и мятежниковъ. Одинъ изъ китайцевъ вызвался передать въ Тянь-Цзинь письмо адмирала и принести на него отвѣтъ отъ китайскихъ властей. Письмо

было дано, но отвѣта не было получено, и всѣ другія попытки войти въ сношенія съ властями оказались тщетными. Адмиралъ рѣшилъ послѣ этого пройти въ рѣку силою, но по изслѣдованію оказалось, что устье рѣки Пейхо было забаррикадировано тройнымъ рядомъ препятствій. Посланные пароходы благополучно расчистили двѣ линіи преградъ, но когда приступили къ расчисткѣ третьей линіи, то съ береговыхъ фортовъ открытъ былъ по нимъ огонь, причинившій много вреда какъ пароходамъ, такъ и командѣ, изъ которой было много убитыхъ и раненыхъ среди офицеровъ и солдатъ.

Корабли съ рейда открыли огонь по фортамъ Таку и спустили дессантъ на берегъ. Не зная мѣстности, дессантъ попалъ частью на болотистый берегъ, а частью хотя и высадился и пошелъ на приступъ, но мѣткій огонь съ китайскихъ фортовъ не далъ возможности подойти къ укрѣпленіямъ. Потери были весьма значительны среди людей и многія суда были повреждены. Въ виду такого упорнаго сопротивленія, посланники рѣшили отступить и возвратиться обратно въ Шанхай, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій изъ Европы. Первая побѣда, одержанная китайцами надъ европейцами, подняла самомнѣніе китайскаго правительства до послѣдней степени. Изданъ былъ рядъ указовъ, восхвалявшихъ доблесть князя Санъ-линъ-хана и войскъ,

бывшихъ подъ его начальствомъ, и обвинявшихъ представителей Англіи и Франціи. Высказывалось порицаніе, что эти представители всегда сами искали предлоговъ для начала ссоры съ Китаемъ, что, несмотря на всѣ благодѣянія, которыя имъ были оказаны богдыханомъ, несмотря на деньги, которыя были имъ даны, чтобы успокоить и насытить ихъ алчность, они все недовольны, все требуютъ большаго. «Но,—говорилось далѣе въ указѣ богдыхана,—хотя варвары и заслужили безпощадное истребленіе, Сынъ Неба по своему милосердію готовъ ихъ простить, если вожди ихъ измѣнятъ свое поведеніе, приблизятся съ чувствомъ смиренія, выказавъ все должное почтеніе». Между тѣмъ Брюсъ и Бурбулонъ, прибывъ въ Шанхай, отправили въ Пекинъ къ первому министру ультиматумъ, въ которомъ потребовали отъ китайскихъ властей самаго глубокаго извиненія за дѣйствія китайскихъ войскъ въ Таку, потребовали вознагражденія за понесенныя потери въ корабляхъ, торжественной встрѣчи пословъ въ Таку со всѣми подобающими почестями и сопровожденія пословъ до Пекина, причемъ путь отъ Таку до Тянь-Цзиня послы совершатъ на военномъ пароходѣ. На ультиматумъ посланники отвѣта не получили, но вице-король Тянь-Цзина получилъ указъ, въ которомъ сказано было, что во всемъ происшедшемъ виноваты сами англичане, такъ

какъ они самовольно вошли въ Таку, оставивъ даже уполномоченныхъ отъ богдыхана въ Шанхаѣ. Между тѣмъ донесенія Брюса и Бурбулона въ Лондонѣ и Парижѣ произвели сильное впечатлѣніе, и кабинеты рѣшили послать въ Китай новыхъ уполномоченныхъ, бывшаго уже ранѣе лорда Эльджина и барона Гросса съ войсками. Прибыли они въ Гонгъ-Конгъ 21 іюля 1860 года, имѣя болѣе 26 судовъ и 20 тысячъ людей. Съ гарнизономъ, который оставался въ Китаѣ, союзники располагали силою до 30 тысячъ войска. Оставивъ гарнизоны въ разныхъ пунктахъ Южнаго Китая, союзная армія, въ количествѣ 16 тысячъ человѣкъ, высадилась за три мили отъ фортовъ Таку, который и былъ взятъ съ суши послѣ сильнаго сопротивленія. Путь на Тянь-Цзинь былъ открытъ, и союзная армія вступила въ этотъ городъ безпрепятственно. Напрасно на этотъ разъ вице-король Тянь-Цзиня старался задержать союзниковъ разными безцѣльными переговорами: они уже знали уловки китайцевъ и 9-го сентября выступили по рѣкѣ Пейхо изъ Тянь-Цзиня на Пекинъ. Взявъ по пути укрѣпленный городъ Хэ-Си-Ву, союзная армія подошла къ Тунг-чжоу на рѣкѣ Пейхо, въ 20 верстахъ отъ Пекина, и расположилась лагеремъ. Вблизи Тунгъ-чжоу были сосредоточены и китайскія войска, прибыли также и уполномоченные богдыхана съ предложеніемъ начать пе-

реговоры съ лордомъ Эльджиномъ. Лордъ Эльджинъ согласился и назначилъ отъ себя уполномоченнымъ г. Паркеса, драгомана, который, прибывъ въ Тунгъ-чжоу, былъ принятъ комиссарами богдыхана. Г. Паркесъ потребовалъ исполненія всѣхъ условій Тянь-цзинскаго договора и добавилъ еще условіе, что лордъ Эльджинъ вступитъ въ Пекинъ во главѣ двухтысячнаго соединеннаго европейскаго отряда. Комиссары богдыхана не только ничего слышать не хотѣли о послѣднемъ требованіи, но не допускали даже личной передачи лордомъ Эльджиномъ письма королевы Викторіи и требовали обязательнаго исполненія церемоніи кэ-тоу, хотя бы и подставнымъ лицомъ. Г. Паркесъ, понявъ, что комиссары только проводятъ время, и увидавъ, что повсюду возводятся укрѣпленія, подходятъ все новыя и новыя войска, роются окопы, рѣшилъ вмѣстѣ съ товарищами немедленно вернуться къ лорду Эльджину и предупредить его обо всемъ происходящемъ въ Тунгъ-чжоу. Но какъ только Паркесъ и его спутники вышли изъ Тунгъ-чжоу, они, несмотря на то, что несли передъ собою бѣлый парламентерскій флагъ, были арестованы и представлены къ главнокомандующему князю Санъ-линъ-хану. Князь призналъ въ задержанныхъ шпіоновъ и приказалъ отправить ихъ въ тюрьму. Въ то же время въ Пекинѣ было страшное смущеніе при дворѣ, вызванное движеніемъ союз-

ной арміи. Мандарины и высшіе сановники совершенно потеряли голову и предлагали самые разнообразные планы дѣйствій. Одни убѣждали богдыхана оставить Пекинъ и, подъ видомъ охоты, удалиться въ Монголію, другіе, наоборотъ, убѣждали его остаться въ столицѣ, такъ какъ отъѣздъ его произведетъ несомнѣнную панику въ населеніи; третьи совѣтовали вызвать какъ можно болѣе войскъ изъ Монголіи и численностью ихъ подавить европейцевъ, но не оставлять Пекина, не покидать храмовъ и могилъ предковъ, не доводитъ народъ до отчаянія. Это мнѣніе взяло перевѣсъ надъ всѣми, и богдыханъ остался. Между тѣмъ лордъ Эльджинъ, не получая никакихъ извѣстій отъ Паркеса, двинулся съ союзной арміей на Тунгъ-чжоу и натолкнулся на войска князя Санъ-линъ-хана, расположившаго свою армію полукругомъ подъ защитой наскоро возведенныхъ изъ земли окоповъ и укрѣпленій. Имѣя подъ своимъ начальствомъ, какъ считаютъ, 35 тысячъ войскъ, князь Санъ-линъ-ханъ имѣлъ несомнѣнный планъ завлечь союзную армію въ центръ, и, окруживъ ее съ фланговъ, уничтожить. Авангардъ союзной арміи встрѣтилъ монгольскую конницу, бѣшенно ринувшуюся въ атаку, но конница не выдержала артиллерійскаго огня и разсѣялась. Когда подошла вся армія, то началась настоящая битва, продолжавшаяся пять часовъ и окончившаяся полнымъ пораженіемъ

арміи князя, войска котораго обратились въ бѣгство. Тунгъ-чжоу былъ взятъ, путь на Пекинъ открытъ, и лордъ Эльджинъ отправилъ парламентеровъ съ требованіемъ пропуска войскъ, возврата задержанныхъ Паркеса съ товарищами, и организаціи продовольствія арміи. Отвѣта онъ не получилъ, но узналъ, что богдыханъ покинулъ Пекинъ, объявивъ въ декретѣ, что уѣзжаетъ на охоту въ Монголію, а управленіе государствомъ передалъ дядѣ своему, принцу Гуну. Армія союзниковъ двинулась къ Пекину, а французскій генералъ Монтобанъ съ дивизіей французской пѣхоты и полкомъ англійской кавалеріи, будучи въ авангардѣ, достигъ 6-го октября знаменитаго своими богатствами и великолѣпіемъ построекъ лѣтняго императорскаго дворца Юаньминъ-юань. Дворецъ защищали 300 евнуховъ, было много слугъ, но сопротивленія почти не было оказано. Дворецъ былъ взятъ, въ немъ было найдено много слитковъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ каменьевъ. Остальная союзная армія подошла къ Пекину 13-го октября. Войска стали лагеремъ у Ань-динъ-мыньскихъ воротъ. Лордъ Эльджинъ послалъ парламентера съ требованіемъ немедленнаго открытія городскихъ воротъ, угрожая въ противномъ случаѣ взять городъ приступомъ. Вскорѣ получено было согласіе, и Пекинъ безъ выстрѣла сдался десятитысячной союзной арміи. Войдя въ столицу, по-

сланники прежде всего потребовали возврата всѣхъ плѣнныхъ европейцевъ, которые захвачены были китайцами. На другой день китайцы доставили въ самомъ ужасномъ, измученномъ видѣ 10 англичанъ, 7 французовъ и 18 труповъ; многіе изъ европейцевъ пропали безъ вѣсти. Г. Паркесъ, оставшійся въ живыхъ, разсказалъ всѣ свои мученія и мученія своихъ спутниковъ, которыхъ держали въ тюрьмѣ. Разсказъ его полонъ тѣми ужасными для европейца истязаніями, которыя употребляются въ тюрьмахъ Китая и до сего дня. Лордъ Эльджинъ рѣшилъ жестоко отомстить китайскому правительству за мученія, истязанія и смерть европейцевъ. Онъ предалъ роскошнѣйшій и рѣдкостный по архитектурѣ и богатствамъ императорскій дворецъ Юань-минъюань на разграбленіе и сожженіе, приказавъ сжечь и всѣ таблицы предковъ императорской династіи, здѣсь сохранявшіяся. Болѣе ужаснаго мщенія и наказанія для китайскаго народа не существуетъ, какъ уничтоженіе таблицъ предковъ. Удовлетворивъ своему чувству мщенія разрушеніемъ ни въ чемъ неповинныхъ рѣдкостныхъ памятниковъ архитектуры, лордъ Эльджинъ, г. Брюсъ и французскій посланникъ вступили въ мирные переговоры съ княземъ Гунъ-циньваномъ, принявшимъ всѣ требованія посланниковъ. Мирный договоръ былъ подписанъ 24-го октября 1860 года, и союзная армія вышла изъ Пе-

3*

кина, въ которомъ первыми посланниками остались англійскій г. Брюсъ и французскій г. Бурбулонъ. Вѣковое сопротивленіе Китая движенію въ него Европы было окончательно сломлено, ворота въ его стѣнахъ пріоткрылись, а въ 1894 году Японія настолько расшатала устои всего стараго китайскаго строя, что двери распахнулись уже настежъ для вліянія всѣхъ европейскихъ державъ, создавшихъ конечное для Китая движеніе боксеровъ, въ результатѣ котораго получилось потрясеніе всего государственнаго строя, несчастіе и разореніе китайскаго народа съ грознымъ голодомъ, эпидеміями и смертностью, сожженіе, разореніе и разграбленіе Пекина и императорскихъ дворцовъ и разореніе всего пути, по которому шли союзныя войска отъ Тянь-Цзиня на Пекинъ.

II.

Успѣхи европейцевъ въ Китаѣ. — Проведеніе желѣзныхъ дорогъ.—Пароходство.—Торговля.—Разработка минеральныхъ богатствъ.

Прошло полвѣка послѣ первыхъ попытокъ борьбы китайцевъ противъ вліянія европейцевъ—срокъ времени, вполнѣ достаточный, чтобы достигнуть успѣховъ и придти къ взаимному пониманію и мирному сожительству. Въ отношеніи успѣховъ, достигнутыхъ Европой для распространенія своего политическаго вліянія и могущества, для обогащенія своихъ подданныхъ богатствами Китая,—успѣхъ получился дѣйствительно выдающійся.

Таинственная завѣса, столько столѣтій закрывавшая Китай отъ пытливыхъ взоровъ Европы, снята окончательно. Двери, бывшія запертыми передъ Европой, раскрыты были настежъ и въ нихъ стали входить новыя силы, предъявлявшія Китаю неотступно новыя для него требованія.

Китай удовлетворилъ требованія, которыя ему были предъявлены Европой въ отношеніи открытія новыхъ портовъ для торговли и проведенія желѣзнодорожныхъ линій. Благодаря упорядоченію пошлинъ, исчезалъ произволъ при взиманіи ихъ, удешевилась доставка товаровъ и развивалось рѣчное грузовое пароходство. Европейцы получили въ Китаѣ концессіи на проведеніе громадной сѣти желѣзныхъ дорогъ, которыя прорѣзывали эту богато-надѣленную страну по всѣмъ главнымъ направленіямъ. Всего болѣе получили нѣмцы и франко-бельгійскій синдикатъ. Первые должны были провести цѣлую сѣть желѣзныхъ дорогъ на Шандунѣ, а второй проводилъ линію между Ханькоу и Пекиномъ. Англичане хотя и получили меньше желѣзнодорожныхъ путей, но за то почти вся рѣка Янъ-цзы и долина ея находилась въ рукахъ Англіи. Большая часть желѣзнодорожныхъ линій была бы окончена, если бы въ Китаѣ не произошли непредвидѣнные политическіе перевороты, къ 1905—1906 году. Къ этому времени старый Китай въ сущности пересталъ бы и существовать, такъ рѣзко должна была измѣниться вся его экономическая жизнь. Но сила пара, грохотъ и шумъ машинъ, свѣтъ электричества могли ли бы вдохнуть въ его организмъ новыя силы, а если и вдохнули бы, то каковымъ возродился бы въ отношеніи Европы новый Китай? Возродился ли бы онъ

въ сознаніи своего единства или закончилъ бы свое политическое существованіе расчлененіемъ?

Каковъ бы ни былъ естественный исходъ, но мирное развитіе Китая отодвинуто совершившимися событіями назадъ и взаимное положеніе европейцевъ въ Китаѣ стало худшимъ, нежели когда либо. Всѣ успѣхи европейской цивилизаціи и энергичной дѣятельности, достигнутые съ трудомъ въ теченіе полувѣка, потерпѣли крушеніе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Не своевременно, конечно, ставить вопросъ, кто долженъ взять на себя вину въ такомъ грустномъ событіи, но позволительно пожалѣть, что Европа шла и несла свою цивилизацію не прямыми путями въ Китай. Если бы Европа, помня себя, не забывала и китайцевъ, то успѣхъ былъ бы громадный и не одинъ только матеріальный, но и духовный.

Вмѣстѣ съ открытіемъ новыхъ портовъ для торговли, открывалось и свободное пароходство по всѣмъ рѣкамъ, гдѣ только открыты эти порты, а порты оказались открытыми въ 13 провинціяхъ изъ 18 и особенно въ самомъ населенномъ и богатомъ бассейнѣ рѣки Янъ-цзе-кіанга. Это открытіе свободнаго пароходства по рѣкамъ тотчасъ же расширяло и удешевляло всѣ торговые обороты, увеличивало и ввозъ и вывозъ товаровъ.

Европейскія суда могли нагружать и разгру-

жать свои товары близъ центровъ ихъ потребленія, избѣгая совершенно непроизводительныхъ до того времени расходовъ по перегрузкѣ и перевозкѣ внутрь провинцій. Вмѣстѣ съ этимъ шло и коренное измѣненіе во взиманіи внутреннихъ пошлинъ съ ввозимыхъ внутрь страны товаровъ. Эти внутреннія таможенныя пошлины, ликинъ, взимались до этого времени китайскими чиновниками, почему взиманіе этихъ пошлинъ отличалось злоупотребленіями и составляло тяжкое бремя торговли. За послѣдній же годъ, къ величайшему благополучію какъ государственнаго казначейства, такъ и самихъ китайскихъ купцовъ, взиманіе пошлинъ, ликинъ, перешло въ руки чиновниковъ-европейцевъ, состоявшихъ на китайской службѣ въ таможняхъ. Пошлины эти, поступая въ китайскія таможни, служили залогомъ уплаты государственнаго китайскаго займа, заключеннаго при посредствѣ англійскихъ и китайскихъ банковъ. Помимо этого государственнаго значенія, которое уже проявили новыя водяныя пути въ открытыхъ портахъ, постройка желѣзныхъ дорогъ вносила просвѣщеніе и въ сознаніе китайскаго народа, которое такъ долго оставалось застывшимъ въ формахъ жизни, оставленныхъ ему въ наслѣдство много столѣтій тому назадъ.

Въ открытыя для торговыхъ сношеній двери входили и новые люди, которые приносили съ

собою и новые обычаи. Китайскій народъ начиналъ знакомиться не съ одними только англичанами, но онъ узнавалъ характеръ нѣмца, русскаго, японца, которые всѣ имѣли много своихъ личныхъ чертъ характера, болѣе понятныхъ китайцу, нежели характеръ коммерсанта-англичанина.

Коммерсантъ-нѣмецъ, японецъ, русскій уже изучаютъ китайскій языкъ; они являются въ Китай самолично и, не имѣя комиссіоперовъ, вступаютъ лично въ сношенія съ китайскими купцами. Обладая трудолюбіемъ, знаніемъ и пониманіемъ интересовъ торговли, но чуждые того барства и пренебреженія, съ которыми жилъ въ Китаѣ англичанинъ,—нѣмецъ, русскій и японецъ гораздо скорѣе англичанина становятся въ близкія отношенія къ китайцамъ, довольствуясь въ то же время меньшими барышами и производя меньшія затраты на свое личное представительство. И китаецъ-купецъ, подъ вліяніемъ того же переворота, который захватилъ и перевернулъ вверхъ дномъ всю его жизнь, скоро могъ бы сбросить съ себя всякую косность. Могло бы наступить то время, когда теперешній китаецъ компрадоръ стоялъ бы во главѣ китайскихъ фирмъ и велъ свое китайское торговое дѣло не только въ Китаѣ, но и въ Европѣ. Китаецъ вообще представляетъ собою типъ человѣка въ высшей степени самобытнаго и первобытнаго; будучи крайне

одностороннимъ, консервативнымъ, неподвижнымъ, онъ въ то же время совершенно свободенъ отъ многихъ предразсудковъ: его идеалъ заключается въ достиженіи матеріальнаго достатка, соединеннаго съ извѣстнымъ почетомъ, которое даетъ образованіе. Но такъ какъ для массы народа образованіе, дающее первую ученую степень, недоступно, то всѣ его помыслы направлены на пріобрѣтеніе денегъ; китаецъ болѣе чѣмъ кто либо изъ людей цѣнитъ и любитъ деньги, какъ средство, дающее всѣ блага жизни, въ пользованіи которыми онъ, однако, весьма не избалованъ. Китаецъ въ высшей степени разсчетливъ, экономенъ, даже скупъ, но въ то же время очень любитъ удобства жизни, комфортъ. Китаецъ не броситъ денегъ по пусту, ради блажи, но не пожалѣетъ денегъ за вещь, которая ему полезна, хотя бы она и была привезена европейцами. Будучи до мозга костей пропитанъ своими національными убѣжденіями, привязанный ко всему обиходу своей жизни, онъ въ то же время охотно покупаетъ всѣ европейскіе товары, въ пользѣ которыхъ для себя убѣдился. Когда только рѣшена была постройка желѣзной дороги между Пекиномъ и Тянь-цзиномъ, то въ народѣ и даже среди чиновниковъ высказывалось много опасеній и недовольства за это нововведеніе, которое грозило гнѣвомъ и подземнаго дракона, чешую котораго могли задѣть, обезпо-

коивъ его сонъ при производствѣ земляныхъ работъ, и гнѣвомъ предковъ, которыхъ безпокоилъ бы грохотъ, свистъ и шумъ поѣздовъ, проходящихъ мимо ихъ могилъ. И что же? Какъ только прошли первые поѣзда и китайцы увидали, насколько это сообщенie удобно и дешево, чрезъ три мѣсяца былъ уже проложенъ второй путь, и число поѣздовъ увеличено съ одного до трехъ въ день. Китай имѣетъ все, чтобы быть промышленной страной, т. е. громадныя залежи каменнаго угля, желѣзо, мѣдь, глину высокаго качества, руды и трудолюбивое населенie.

Проводимыя желѣзнодорожныя линiи въ Китаѣ захватывали громадныя пространства и притомъ самыя населенныя и богатыя. Линiя Ханькоу—Пекинъ на протяженiи 500 верстъ должна была соединять двѣ части имперiи: сѣверъ и столицу Пекинъ съ многомиллiоннымъ населенiемъ южной территорiи, съ густо населенными городами Ханькоу, У-чанъ, Ханьянъ и другими, находящимися или по рѣкѣ Янъ-цзе и ея притокамъ, наиболѣе значительнымъ, каковъ, напримѣръ, Хань, или въ мѣстностяхъ, имѣющихъ богатую будущность въ зависимости отъ разработки природныхъ богатствъ. Городъ Ханькоу, знаменитый своими чайными плантацiями, владѣетъ къ тому же выдающимся по доступности къ нему со стороны рѣки положенiемъ: самыя глубоко сидящiя суда и наши пароходы-добровольцы подхо-

дятъ свободно къ городу. Въ Ханькоу многочисленная европейская колонія и значительная община русскихъ чаеторговцевъ, есть православная церковь, русское консульство, русскій сетльментъ, отведенный китайскимъ правительствомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ для нуждъ русскаго населенія. Линія Ханькоу—Пекинъ должна была пройти по самымъ густо населеннымъ провинціямъ Китая: Чжилійской, считающей до 18 милліоновъ населенія, Хэ-наньской, считающей до 22 милліоновъ и Ху-бэйской, считающей свыше 20 милліоновъ. Въ Шандунской провинціи, съ другой стороны Печилійскаго залива, нѣмцы проводили также цѣлую сѣть желѣзныхъ дорогъ, которыя должны были врѣзаться въ самое сердце Китая и пройти по самымъ населеннымъ и самымъ богатымъ горными минералами провинціямъ. Такъ какъ здѣсь мѣстность состоитъ изъ ряда горныхъ цѣпей, идущихъ внутрь страны и равнинъ, окружающихъ эти горы, весьма обширныхъ и плодородныхъ, то нѣмцы и проводили здѣсь три желѣзнодорожныхъ линіи, которыя, составляя треугольникъ, окружали всю центральную гористую часть Шандуна и, исходя изъ начальнаго пункта Цзяо-чжоу (Кіао-чао), проходили черезъ главный городъ провинціи Цзи-нань, затѣмъ Янъ-чжоу, шли къ Желтой рѣкѣ и возвращались обратно къ Цзяо-чжоу.

Торговое, промышленное и политическое со-

перничество европейцевъ въ Китаѣ обострили отношенія и между самими заинтересованными сторонами, вступавшими въ борьбу за преобладаніе въ той или другой области.

Соперничество въ захватѣ въ свои руки природныхъ богатствъ Китая стало выдающейся чертой европейскаго вліянія при полномъ безсиліи китайцевъ. Германія, соперничая съ Англіей, пустила въ китайскія воды прекрасно устроенные грузовые и пассажирскіе пароходы. Грузовое пароходство нѣмцевъ даже предупредило англичанъ; оно стало захватывать въ свои руки большую часть работы по перевозкѣ грузовъ по Янъ-цзы, этой самой многоводной и полной кипучей жизни артеріи Китая. Пассажирскіе нѣмецкіе пароходы, прекрасно устроенные, совершаютъ уже правильные рейсы по линіи Шанхай — Гонгъ-Конгъ—Коломбо—Бомбей—Александрія—Неаполь. Нѣмецкіе грузовики-пароходы уже стали отбивать грузы въ китайскихъ водахъ у англичанъ, бывшихъ до сего времени здѣсь полными хозяевами. Нѣмецкіе пароходы уже открыли правильные рейсы между Тянь-Цзиномъ и Ню-Чжуаномъ, Тянь-Цзиномъ—Чифу—Шанхаемъ и Чифу — Цзяо-чжоу (Кіяо-шау). Торговыя нѣмецкія фирмы размножаются, нѣмецкіе товары проникаютъ все болѣе и болѣе внутрь Китая и завоевываютъ рынки, дѣлая громадный подрывъ англійской торговлѣ и англійскому вліянію.

Развитіе путей сообщенія какъ сухопутныхъ, такъ и водяныхъ, открытыя двери, чрезъ которыя входятъ въ Китай новыя силы, должны были произвести полный переворотъ во всей торговлѣ страны. Англичане должны были потерять свое торговое владычество и стать въ ряды простыхъ коммерсантовъ, хотя до послѣдняго времени англичане и были господами положенія и не имѣли себѣ конкуррентовъ. Богатыя фирмы въ Англіи имѣли въ Китаѣ своихъ комиссіонеровъ и агентовъ, чрезъ которыхъ и вели свои торговыя операціи; но сами комиссіонеры-англичане, будучи чужды Китаю, не зная и не желая изучать китайскаго языка, вели всѣ торговыя и дѣловыя сношенія съ китайцами чрезъ посредниковъ китайцевъ, такъ называемыхъ компрадоровъ. Компрадоръ — это необходимый сотрудникъ въ каждомъ коммерческомъ или денежномъ предпріятіи въ Китаѣ вообще; безъ компрадора европеецъ шагу ступить не можетъ въ Китаѣ, такъ какъ китайскія торговыя фирмы, вступая въ торговыя сношенія съ европейскими торговыми фирмами, ведутъ всѣ дѣла и сношенія только при посредствѣ такихъ компрадоровъ, т. е. лицъ, облеченныхъ довѣріемъ со стороны европейцевъ. Компрадоры — это своего рода компаніоны каждой фирмы, получающіе въ свою пользу извѣстный процентъ съ оборотнаго капитала и съ доходовъ фирмы; сами компрадоры—

люди часто очень денежные, но въ то же время не рискующіе начинать свое собственное торговое дѣло. Если взглянуть на торговые обороты въ Китаѣ различныхъ странъ, то успѣхъ европейцевъ долженъ быть признанъ блестящимъ. Германія, Англія, Японія и Соединенные Штаты Америки имѣютъ богатые рынки въ Китаѣ для сбыта своихъ произведеній и широкое свободное поле для торговопромышленной дѣятельности.

Таково было положеніе европейцевъ въ Китаѣ. Теперь все ниспровергнуто и разореніе поразило не только китайскій народъ, но захватило также и коммерсантовъ европейцевъ.

III.

Общественная жизнь въ Пекинѣ. — Встрѣча китайцами Новаго года. — Празднества въ честь Новаго года и народныя вѣрованія.—Жизнь европейской колоніи въ Пекинѣ въ ожиданіи событій.

Зима 1900 года въ Пекинѣ отличалась особымъ постоянствомъ. Не было, правда, сильныхъ морозовъ, но холода держались все время равномѣрно и упорно, начиная отъ ноября мѣсяца и до конца февраля. Снѣгу было очень мало и это внушало большія опасенія за весенній урожай. Зима для китайскаго населенія была тяжелая: эпидемія тифа, скарлатины, оспы и дифтерита похитили много жертвъ. Несмотря на эти невзгоды, китайское населеніе Пекина встрѣтило и провело свои новогодніе праздники (китайскій Новый годъ пришелся на наше 19-е января), какъ и всегда, соблюдая всѣ завѣты предковъ. Много симпатичнаго, хорошаго, по-истинѣ праздничнаго заключаетъ въ себѣ встрѣча китайцами своего

Новаго года! За много времени всѣ и каждый живутъ однимъ желаніемъ и прилагаютъ всѣ старанія, чтобы ко дню Новаго года закончить всѣ заботы и дѣла стараго года, чтобы ничто изъ повседневной житейской борьбы не омрачало праздничнаго настроенія. Каждый стремится къ празднику привести въ порядокъ все свое хозяйство; въ домѣ все чистится и моется, и это—единственный случай въ году, когда всѣ члены китайской семьи вымываются чисто, надѣваютъ на себя все чистое, а если можно, то и все новое платье. Мебель, одежда, вся утварь домашняя выносится на воздухъ, все вывѣтривается, моется и чистится. Всюду по улицамъ — оживленное движеніе, оживленная торговля въ магазинахъ и лавкахъ, торговля выносится и на людныя улицы задолго до праздника. Выставляется въ продажу все, что только есть, такъ какъ каждому купцу нужны деньги до зарѣза. У китайцевъ въ обычаѣ всѣ торговыя сдѣлки вести въ кредитъ, расплачиваясь по полугодіямъ, причемъ правильная расплата предъ новымъ годомъ имѣетъ рѣшающее значеніе для имени торговца. Во время предпраздничной распродажи бываетъ часто возможно купить цѣнную вещь по дешевой цѣнѣ. Оживленію торговли способствуетъ также обычай дѣлать подарки на Новый годъ всѣмъ роднымъ и близкимъ знакомымъ. Оживленію улицъ и подъему праздничнаго настроенія народной

массы способствуетъ также обычай наклеиванія на воротахъ домовъ полосъ красной бумаги, покрытыхъ разнообразными изреченіями, относящимися или къ началу года, или къ характеру хозяина. Изреченія эти можно или покупать готовыми, или заготовлять самимъ, для чего есть въ продожѣ наставленія, или же заказывать какому нибудь бѣдняку-литератору, который нанимаетъ уголъ какой нибудь лавочки и устраиваетъ здѣсь торговлю своимъ перомъ и дарованіями. Надъ дверями лавокъ и промышленныхъ заведеній наклеиваются на красной бумагѣ добрыя пожеланія. Такъ, надъ дверями магазиновъ можно прочитать: «пусть богатые покупатели не переводятся», надъ воротами постоялаго двора: «пріѣзжающіе могутъ входить тучами» и т. д. Часто встрѣчаются изреченія, примѣнимыя ко всякому званію и состоянію, каковы, напримѣръ: «да снизойдетъ пять благословеній на этотъ домъ». Эти пять благословеній суть: долголѣтіе, богатство, миръ, отдыхъ и любовь къ добродѣтели, вѣнчающей благопріятнымъ концомъ всякое дѣло. Красная бумага, исключительно символъ радости и благополучія, замѣняется бѣлой, желтой или синей, если въ какомъ-либо домѣ въ теченіе года былъ покойникъ. Во время траура красный цвѣтъ бываетъ упраздненъ. Встрѣча Новаго года въ китайскихъ семьяхъ обставлена строго исполняемыми обрядами. Большинство на-

селенія въ ночь на Новый годъ совершенно не ложится спать. Еще до солнечнаго восхода приносится жертва духу неба. Для этого на столѣ передъ входомъ въ парадную комнату въ домѣ полагаются курительныя палочки, ладанъ, чашки съ чаемъ, маленькіе ящички, наполненные сластями. Старшій въ семьѣ приближается къ столу, беретъ курительныя палочки и, дѣлая нѣсколько поясныхъ поклоновъ, ставитъ ихъ въ курильницу, послѣ чего дѣлаетъ земной поклонъ, трижды прикасаясь лбомъ до пола. Такія же приношенія совершаются и богу земли и воды. Въ жертву приносятся, смотря по достатку, плоды или пирожное; столъ, замѣняющій въ данномъ случаѣ алтарь, украшаютъ цвѣтами и на него кладутъ обязательно нѣсколько апельсиновъ. Столъ съ приношеніями не убирается въ теченіе трехъ дней.

Все это время на улицѣ стоитъ въ воздухѣ трескъ и грохотъ ракетъ и петардъ. Одни объясняютъ этотъ обычай производить шумъ желаніемъ отогнать и устрашить злыхъ духовъ, которые блуждаютъ по улицамъ и только выслѣживаютъ возможность проскользнуть въ жилище человѣка; другіе же объясняютъ этотъ трескъ желаніемъ привлечь вниманіе добрыхъ духовъ на приношенія, имъ дѣлаемыя. Вообще же вся эта уличная и невыносимо-утомляющая слухъ европейца трескотня,—безпокойная, не дающая

возможности уснуть, такъ какъ она безъ перерыва продолжается три дня и три ночи,—служитъ прежде всего проявленіемъ народной радости, народнаго праздниства. Кромѣ главныхъ божествъ, китайцы, подобно римлянамъ, имѣютъ и своихъ ларъ, домашнихъ боговъ, изображенія которыхъ ставятся въ открытомъ кіотѣ при входѣ въ домъ. Предъ кіотомъ всегда находится курильница и два подсвѣчника, въ которые можно вставлять курительныя палочки или класть ладанъ. Въ Китаѣ чтятся особенно четыре домашнихъ божества, а именно: 1) Гуанъ-инъ-пуса, т. е. богиня милосердія; 2) Ко-шэнъ-ванъ, т. е. святой князь Ко; 3) Туди-гунъ, т. е. богъ земли и богатства и 4) Цзао-цзюнъ-гунъ, т. е. богъ кухоннаго очага и покровитель поваровъ. Эти домашнія божества, если бываютъ въ домѣ всѣ вмѣстѣ, то располагаются обыкновенно такъ: въ глубинѣ кіота помѣщается Гуанъ-инъ-пуса, по правую отъ нея сторону находится Ту-дигунъ, по лѣвую Цзао-цзюнъ-гунъ, а предъ нею ставится Ко-шэнъ-ванъ. Изображеніе богини дѣлается всегда больше размѣрами.

Въ семьяхъ бѣдныхъ часто имѣется одно какое либо изъ этихъ божествъ. Въ день Новаго года обязательно приносится жертва предъ всѣми этими пенатами и испрашивается у нихъ благословеніе на начинающійся годъ. Каждый членъ семьи, начиная старшимъ, приближается къ столу-

алтарю, на которомъ поставленъ кіотъ, дѣлаетъ земной поклонъ и ставитъ курительную палочку въ курильницу. Эти обряды и жертвоприношенія совершаются каждое утро всѣ три дня Новаго года: при второмъ и третьемъ поклоненіи ставится новый чай въ чашкахъ. У людей богатыхъ ставятся даже три стола, отдѣльно для каждаго божества, т. е. для бога неба, для владыки трехъ міровъ и для домашнихъ боговъ. Тѣ же обряды совершаются и въ томъ же порядкѣ каждый первый и пятнадцатый день каждаго мѣсяца. Во всѣ же дни года по вечерамъ зажигаются курительныя палочки и ставятся въ курильницы предъ всѣми божествами. Послѣ того какъ исполнены обряды жертвоприношенія въ честь домашнихъ боговъ, начинаются поздравленія родителей дѣтьми и домочадцами. Родители занимаютъ почетное мѣсто сбоку алтаря. Первый приноситъ поздравленіе старшій сынъ, а за нимъ и другіе совершаютъ земной поклонъ и выражаютъ пожеланія родителямъ долголѣтія; за сыновьями такое же поздравленіе приносятъ дочери, а за ними, если есть, невольницы или конкубины. Такъ какъ оба супруга считаются въ данномъ случаѣ равноправными, то они не поздравляютъ другъ друга. По окончаніи поздравленій старшіе остаются дома и приготовляютъ все необходимое для совершенія обряда почитанія предковъ—предъ таблицами и досчечками,

на которыхъ начертаны имена, званія и качества почившихъ, а младшіе разсыпаются по всему городу дѣлать новогодніе визиты роднымъ и знакомымъ. Въ каждомъ домѣ для визитеровъ устраивается столъ, на которомъ ставятся въ многочисленныхъ блюдечкахъ разнообразныя сласти. Непремѣнно подается при этомъ каждому визитеру чашечка чаю. Что же касается предлагаемыхъ сластей, то хорошій тонъ требуетъ, чтобы, взявъ что либо изъ сластей, переложить лишь на другое блюдце, но высказать при этомъ хозяину добрыя новогоднія положенія, сообразно занятіямъ его и положенію. Торговому человѣку желаютъ разбогатѣть, чиновнику—повышенія по службѣ. Выставленныя сласти являются со стороны хозяина не какъ угощеніе, но, по китайскимъ понятіямъ, какъ символическое пожеланіе гостямъ такой же сладкой жизни въ наступившемъ новомъ году. Если въ семьѣ есть дѣти, то хорошій тонъ требуетъ, чтобы гость одѣлилъ ихъ апельсинами, такъ какъ апельсины—въ большомъ почетѣ у китайцевъ и служатъ символомъ счастія и долголѣтія. Оставшіеся дома старшіе члены семьи совершаютъ поклоненіе и приношеніе жертвы предкамъ. Культъ предковъ въ Китаѣ пустилъ самые глубокіе корни въ народныя массы и служитъ основой всѣхъ религіозныхъ вѣрованій. Любовь родителей къ дѣтямъ и уваженіе дѣтьми родителей, это всенародная

искренняя черта китайскаго характера. Въ таблицахъ, на которыхъ начертаны на одной сторонѣ имя, званіе, возрастъ, годъ рожденія и смерти предка, а на другой указано мѣсто его погребенія,—причемъ часто отецъ и мать соединены на одной таблицѣ,—китайскій народъ съ глубокимъ убѣжденіемъ представляетъ себѣ живущія въ нихъ души усопшихъ, глубоко вѣруя, что у каждаго есть три души, изъ которыхъ одна поселяется въ таблицѣ и живетъ въ ней. Существуетъ для этого даже цѣлый обрядъ приглашенія души покойника поселиться въ таблицѣ.

Самое устройство таблицъ таково: на деревянной подставкѣ утверждается вертикальная досчечка, до полуаршина высоты и болѣе; на ней и выгравированы имена. Досчечки украшаются символическими рисунками; чаще всего сверху бываетъ нарисовано солнце посреди облаковъ, по сторонамъ письменъ — драконы, а внизу миѳическій звѣрь — единорогъ. Сооружать таблицы имѣетъ право только старшій сынъ, на обязанности котораго лежитъ и сохраненіе ихъ; старшій же сынъ наслѣдуетъ отъ отца всѣ бывшія таблицы и въ свою очередь передаетъ ихъ своему старшему сыну. Если семья бездѣтна или сыновей нѣтъ, то обычно усыновляется родственникъ или же покупается у бѣдныхъ родителей сынъ, которому передается наслѣдственное имя и передается сыновняя обязанность хранить и почи-

тать память предковъ. Преемственная родовая связь одного поколѣнія съ другимъ никогда не прерывается у китайцевъ. Если количество отдѣльныхъ таблицъ становится чрезмѣрнымъ, то имена предковъ соединяются на одной общей большой таблицѣ, и всѣ отдѣльныя таблицы сжигаются или зарываются въ землю. Въ домѣ таблицы предковъ сохраняются въ кіотѣ по правую сторону. Каждое первое и пятнадцатое число утромъ и вечеромъ кіотъ открывается, и старшій сынъ совершаетъ куреніе ладаномъ, ставитъ курильныя палочки предъ таблицами и предъ домашними божествами. Въ день Новаго года предъ таблицами предковъ ставится весь обѣдъ этого дня, и кладутся около каждой таблицы палочки для ѣды. Главное блюдо составляетъ рисовый пирогъ и семь жертвенныхъ чарокъ, въ которыя наливается вино въ три пріема. Послѣ этого предъ алтаремъ сожигаются жертвенныя бумаги — деньги и, когда онѣ обращаются въ пепелъ, то изъ чарки выливается на пепелъ вино и всѣ совершаютъ земной поклонъ. Затѣмъ всѣ садятся за столъ и принимаются за ѣду. Сласти остаются нетронутыми, равно какъ и рисовый тортъ, въ теченіе трехъ дней. Кромѣ этого жертвеннаго торта, на Новый годъ спеціально готовится еще рисовый тортъ, имѣющій высокую конусообразную форму: на его верхушку кладутъ апельсинъ, въ который вставляютъ цвѣтокъ. Вокругъ этого

торта располагаютъ всевозможные фрукты, съ надписями, наклеенными на красной бумагѣ: весна, счастье. Этотъ тортъ носитъ и особое названіе «переходящаго торта отъ стараго года на новый годъ». Этотъ тортъ съѣдаютъ всей семьей на пятый день. Такіе же точно торты, но меньшихъ размѣровъ, помѣщаются и въ остальныхъ комнатахъ, а также и въ кухнѣ, около очага, въ честь бога кухни. Въ общемъ употребленіи кромѣ тортовъ и пироговъ, составляющихъ исключительную принадлежность людей зажиточныхъ, въ эти дни бываетъ блюдо, приготовленное изъ трехъ сортовъ овощей—сельдерея, капусты и шпината: это блюдо продается разносчиками съѣстного по всѣмъ улицамъ и во всѣхъ харчевняхъ и носитъ названіе также «переходнаго старогодняго блюда на новый годъ». Вареныя овощи украшаются также сверху апельсиномъ и цвѣткомъ. Приготовляя особыя блюда, народъ несомнѣнно вкладываетъ сюда ту идею, что старый годъ былъ такъ обиленъ и благополученъ для народа, что оставилъ запасы и на новый годъ,—слѣдовательно, само собою вытекаетъ пожеланіе новому году не быть хуже стараго. Апельсинъ и цвѣты, которыми украшаются переходящія блюда, имѣютъ также символическое значеніе. Китайскій Новый годъ сближается съ началомъ весны, а весна, пробуждая всѣ производительныя силы природы, несетъ съ собою то изобиліе плодовъ

земныхъ, которыми исключительно существуетъ китайскій народъ. Участіе апельсина въ общемъ торжествѣ основано отчасти на его природныхъ качествахъ, столь симпатичныхъ китайцу,—красномъ, радостномъ, праздничномъ цвѣтѣ, круглой формѣ,—а отчасти и на игрѣ словъ, такъ какъ слово апельсинъ по-китайски произносится одинаково со словомъ «благополучіе». Періодъ новогоднихъ празднествъ обнимаетъ пятнадцать дней; каждый день совершаются какіе либо обряды и церемоніи; заканчивается онъ праздникомъ фонарей. Во второй день передъ домашними божествами и таблицами предковъ мѣняются только чашки съ чаемъ, остальныя же всѣ приношенія остаются попрежнему. На второй день совершается церемонія открытія колодцевъ «кай-цынъ». Такъ какъ китайцы вѣрятъ въ духовъ, населяющихъ не только воздухъ, небо и землю, но и воду, то полагаютъ, что, подобно людямъ, и духи, обитающіе въ колодцахъ, желаютъ также разъ въ году имѣть полную свободу и отдыхъ, почему во многихъ мѣстахъ и особенно по деревнямъ, начиная съ вечера, подъ Новый годъ накрываютъ колодцы и не берутъ воды до утра второго дня; но чтобы не держать духовъ колодцевъ въ темнотѣ и не стѣснять ихъ свободы, отверстія колодцевъ накрываютъ рѣшетками. Утромъ же второго дня выносятъ сласти, зажигаютъ курительныя палочки и ста-

вять все это около колодца, какъ бы въ благодарность обитающему въ немъ духу; въ колодезь бросаютъ немного ладану и вытаскиваютъ воды, снявъ предварительно покрышку. Вѣруя, что въ воздушномъ пространствѣ блуждаетъ множество душъ,—покинутыхъ, одинокихъ, о которыхъ на землѣ или некому заботиться по неимѣнію мужского потомства или о нихъ забыли, а потому души эти страшно изнурены голодомъ,—китайцы считаютъ своею обязанностью давать пищу этимъ блуждающимъ душамъ, для чего во второй день, по заходѣ солнца, назначенныя для ужина блюда ставятъ у воротъ, дѣлаютъ земной поклонъ, сожигаютъ куренія и приглашаютъ скитающіяся души утолить голодъ. Въ третій день новаго года въ послѣдній разъ повторяютъ приношенія домашнимъ божествамъ; въ четвертый день совершается церемонія принятія возвращающагося отъ духа неба бога домашняго очага, который наканунѣ Новаго года отправляется на небо донести владыкѣ о всѣхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе стараго года въ домѣ, въ которомъ находится домашній очагъ. Другія домашнія божества тоже совершаютъ это путешествіе на небо, но духъ кухни обязательно долженъ побывать у владыки. Для встрѣчи боговъ, въ канунъ возврата, обычно сожигаютъ небольшіе куски бумаги, на которой нарисованы кони, телѣги, носилки,—все это дѣлается, чтобы об-

легчить обратный тягостный путь съ неба на землю. Сюда же присоединяютъ сдѣланныя изъ бумаги деньги, чтобы возмѣстить богамъ ихъ путевые расходы. Въ углу каждой бумажки тщательно пишется имя того божества, которому она предназначается. Всѣ эти бумажки кладутъ въ рѣшето, выносятъ на дворъ и зажигаютъ, а пепелъ развѣваютъ по воздуху. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно на югѣ Китая, гдѣ всѣ обряды совершаются полнѣе и гдѣ населеніе болѣе впечатлительно и поэтично, нежели на сѣверѣ, и обрядъ встрѣчи боговъ совершается разнообразнѣе: готовится встрѣча не только богамъ, но и ихъ провожатымъ, конюхамъ и конямъ. Для этого у дверей ставится ведро съ водой для водопоя, сѣно и бобы для корма, сласти, чай, табакъ, ѣда для носильщиковъ и конюховъ. Для боговъ въ этотъ вечеръ приготовляютъ мало,— лишь настолько, чтобы дать имъ возможность подкрѣпиться съ дороги; но на другой день предлагается имъ, смотря по богатству семьи, болѣе или менѣе обильный и изысканный жертвенный столъ. У богатыхъ людей приготовляютъ уже обязательно три или пять мясныхъ блюдъ, а именно: жареную утку, копченую или жареную курицу, колбасу, свиную печенку и свиную голову. Способъ приготовленія утки или курицы отличается отъ обычнаго способа; птицу не потрошатъ и не рѣжутъ на куски, а выни-

мають всѣ внутренности. Кромѣ мясныхъ блюдъ приготовляются мучныя, сушеные плоды, сласти. Въ пятый день всѣ жертвенныя приношенія, которыя возможно съѣсть, убираются и употребляются въ пищу всей семьей, а комнаты выметаются и приводятся въ обычный видъ. Мести и убирать комнаты разрѣшается только на пятый день, на основаніи слѣдующей легенды. Нѣкто, по имени Ню-линъ, проходя мимо озера «Зеленая трава», былъ остановленъ духомъ, жившимъ въ озерѣ, который пригласилъ Ню-лина зайти къ нему въ гости. Ню-линъ принялъ приглашеніе и, когда былъ въ жилищѣ духа, то послѣдній предложилъ ему просить для себя, чего хочетъ. Какой-то невѣдомый голосъ шепталъ Ню-лину, чтобы онъ просилъ «Ю-юань», т. е. исполненія желаній. Духъ позвалъ тогда Ю-юань, и явилась прекрасная молодая невольница, которая и послѣдовала за своимъ новымъ господиномъ. Въ нѣсколько лѣтъ жизни послѣ этого Ню-линъ страшно разбогатѣлъ, но сталъ дурно обращатся съ Ю-юань и разъ въ Новый годъ ударилъ ее за приготовленный обѣдъ. Ю-юань тотчасъ же съежилась, забилась въ соръ и пропала. Ню-линъ скоро послѣ этого снова обѣднѣлъ. Пятымъ днемъ заканчиваются празднества Новаго года и слѣдуетъ рядъ народныхъ праздниковъ. На девятый день празднуется день рожденія духа неба, самый основной праздникъ народ-

наго міросозерцанія. Культъ неба съ его свѣтилами, лучезарнымъ и животворящимъ все своею теплотою солнцемъ, луной, звѣздами, сверкающими на голубомъ небесномъ сводѣ, и культъ земли, этой матери человѣчества, таинственно состоящей въ союзѣ съ солнцемъ, восходитъ въ Китаѣ къ самой глубокой древности и сохраняется въ народѣ и до сего дня. Наканунѣ праздника приготовляется столъ съ изобильно предложенными жертвенными блюдами,—самыми разнообразными, начиная съ мясныхъ и кончая мучными и фруктами. Среди стола ставится курильница и около зажженныя свѣчи въ подсвѣчникахъ. Передъ курильницей—чашки съ чаемъ. На столѣ въ извѣстномъ порядкѣ разставлены на блюдахъ сласти, нанизанныя на бамбуковыхъ палочкахъ яблочки, украшенныя искусственными цвѣтами. За курильницей разставлены торты, пирожки, разнообразныя сладкія оладьи и возвышается среди нихъ большой рисовый тортъ и особыя печенья, составляющія цѣпь изъ колецъ. Эта цѣпь имѣетъ свое символическое значеніе и какъ бы говоритъ, что изъ вѣка въ вѣкъ небо даетъ всему живущему всѣ блага и что, предлагая эту цѣпь, какъ жертву небу, люди просятъ небо даровать имъ длинную цѣпь годовъ жизни. Въ числѣ жертвенныхъ пироговъ въ этотъ день приготовляется также особый символическій «пирогъ черепаха», имѣющій плоскую

овальную форму, съ насѣчками подобно чешуѣ, которыя дѣлаются при помощи особой деревянной дощечки. Это такъ и называется «отпечатать черепаху». Приготовленіемъ этого пирога занимаются женщины и дѣти и служитъ онъ символомъ вѣчности. У богатыхъ людей число жертвенныхъ блюдъ достигаетъ сорока и многія блюда окрашены въ красный, праздничный цвѣтъ счастія. Китайцамъ извѣстно, что черепаха отличается долголѣтіемъ, можетъ жить до 120 лѣтъ и болѣе, а одинъ изъ древнихъ китайскихъ ученыхъ говоритъ, что черепаха можетъ жить три тысячи лѣтъ. Вслѣдствіе такого долголѣтія черепахѣ приписывается познаніе не только прошлаго, но даже и будущаго. Китайскіе маги и чародѣи до сего времени въ гаданіяхъ и предсказаніяхъ всегда употребляютъ черепаху. Возможно, что во времена стародавнія черепаха была приносима весною въ жертву богу неба и только впослѣдствіи замѣнена пирогомъ съ изображеніемъ черепахи. Возможно, что пробужденіе жизни въ средѣ земноводныхъ,—особенно замѣтное на тѣхъ, которыя проводятъ зиму въ спячкѣ,—давало особый поводъ выразить признательность благодѣтельному теплу, исходящему отъ солнца, принесеніемъ жертвы, оживляемой этимъ тепломъ. Въ богатыхъ домахъ для совершенія жертвоприношенія приглашается жрецъ—даосъ, который совершаетъ моленіе богу неба, пишетъ на большомъ листѣ

бумаги имя главы дома и проситъ принять отъ него жертвы, оказать ему и семейству его свое благоволеніе. Моленіе свое даосъ совершаетъ вполголоса, сопровождая звономъ въ колокольчики, и заканчиваетъ призываніемъ бога принять жертву. Моленіе заканчивается сожженіемъ написанной жрецомъ бумаги, возліяніемъ вина и земными поклонами всѣхъ членовъ семьи. Во многихъ богатыхъ домахъ приглашаются актеры, устраивается на дворѣ сцена и въ честь бога неба даются театральныя представленія. Эти театральныя представленія устраиваются и въ храмахъ и совершаются или по обѣту въ благодарность за исцѣленіе больного, или въ благодарность за избавленіе жены отъ безплодія, или въ благодарность за успѣхи по службѣ или въ торговыхъ дѣлахъ. Въ дни этого праздника бываютъ переполнены всѣ театры, балаганы; на всѣхъ улицахъ массы народа слушаютъ уличныхъ разсказчиковъ. Есть храмы въ честь бога неба, въ которыхъ уже спеціально устроены театры, и туда богомольцы стекаются тысячами. Такъ какъ празднества и приношеніе жертвъ совершаются въ домахъ въ разное время, то во всю ночь не смолкаетъ трескъ и грохотъ петардъ и фейерверковъ. Утромъ всѣ садятся за столъ съ жертвенными блюдами и начинается пиршество. Лакомства и жертвенныя блюда раздѣляются и между всѣми отсутствую-

щими друзьями и родственниками, которымъ посылаются на домъ ихъ доли. Вечеромъ въ домахъ и надъ воротами зажигаются фонари, имѣющіе формы шара и сдѣланные изъ шелковой легкой прозрачной матеріи. На фонарѣ съ одной стороны дѣлается надпись «фонарь неба», а съ другой—имя хозяина и пожеланія: «Да пользуется семья миромъ и благополучіемъ» и т. под. Въ десятый день перваго мѣсяца, т. е. на другой день праздника духа неба, совершается празднество въ честь рожденія земли. Небо и земля—краеугольные камни всей природы, могущества всей вселенной. На таинственномъ соединеніи неба и земли зиждется вся жизнь. Потому и въ праздникъ земли совершается также нѣсколько оригинальныхъ обрядовъ. Въ семьяхъ, гдѣ есть новобрачные или же гдѣ послѣ года супружеской жизни не было потомства, устраивается обыкновенно обѣдъ, на который приглашаются родные и близкіе друзья. Между блюдами и сластями подаются нѣкоторыя, имѣющія спеціально символическое значеніе. Подаютъ на столъ, напримѣръ, непремѣнно разрѣзанныя пополамъ гранаты, чтобы на виду была и сердцевина плода и зерна, подаются апельсины. Подаваемые плоды имѣютъ здѣсь слѣдующее значеніе: указывая на каждое зерно въ отдѣльности, которое можетъ стать деревомъ и дать плодъ, сохраняя въ то же время связь съ своимъ семействомъ, хотятъ вы-

разить пожеланіе, чтобы и потомство, которое произойдетъ отъ молодыхъ, должно соблюдать непрерывно связь съ своими родителями и со своимъ родомъ, охраняя и почитая память предковъ. Въ домахъ бѣднаго и сельскаго населенія вмѣсто гранатъ и апельсиновъ употребляются кисти ягодъ, гроздья винограда. Указывая на непостижимый союзъ между небомъ и землей, китайскіе писатели такъ выражаютъ свою мысль: «врата неба и земли разверзаются, тамъ — главный алтарь всякаго питанія и жизни, оттуда исходятъ всѣ перемѣны и времена года». Это время соединенія неба и земли считается самымъ благопріятнымъ временемъ для заключенія браковъ. Чтобы яснѣе указать на эту связь, обычно приглашаютъ на этотъ обѣдъ только что обрученныхъ жениха и невѣсту, чтобы предстоящій ихъ союзъ закрѣпить жертвенными приношеніями и призвать благословеніе неба и земли, прося ихъ удѣлить и этой новой парѣ часть того плодородія и жизненности, которыми обладаетъ земля...

Для европейской колоніи Пекина зима прошла неожиданно особенно оживленно: балы, вечера, любительскіе спектакли слѣдовали одинъ за другимъ. Зимній сезонъ закончился такъ называемымъ «Bachelor ball». Балъ, даваемый холостяками Пекина, всегда бываетъ самымъ веселымъ, самымъ пріятнымъ и заканчиваетъ зимній сезонъ. За послѣдніе два года, когда общественная евро-

пейская жизнь въ Пекинѣ вышла изъ своей колеи, и холостяки не устраивали бала. Общественная жизнь европейской колоніи въ Пекинѣ имѣетъ свои характерныя особенности. Въ Пекинѣ общественная бытовая жизнь европейской колоніи основана исключительно на оффиціальныхъ отношеніяхъ и сношеніяхъ между собою; знакомства поддерживаются обѣдами, вечерами и визитами въ опредѣленные для этого дни и часы. Съ одной стороны такой складъ жизни удобенъ: отношенія всегда ровны, холодны и видимо любезны, но, съ другой стороны, этотъ складъ жизни для человѣка искренняго и общительнаго очень тяжелъ: даже между членами одной и той же національной группы часто нѣтъ той простоты, радушія и общечеловѣческой отзывчивости и искренности, которыя такъ свойственны человѣческой природѣ. Всѣ въ Пекинѣ живутъ замкнуто, каждый самъ въ себѣ, оглядываясь и опасаясь. Зимній сезонъ 1900 года ставшій для насъ послѣднимъ, напомнилъ мнѣ первые годы нашего пребыванія, когда жилось много веселѣе и общительнѣе. Ничто не предвѣщало надвигающейся грозы, первые признаки которой стали проявляться лишь съ марта мѣсяца, съ наступленіемъ весны, начавшейся для китайскаго населенія при очень печальныхъ условіяхъ: послѣ сухой и безснѣжной зимы, въ обычное для дождей время, столь необходимыхъ для

весенней обработки полей и посѣва, не выпало ни одного дождя. Поля стояли голыя, на всемъ сельскомъ населеніи лежала печать унынія. Наслѣдникъ престола Пу-цзюнъ съ высшими сановниками уже совершалъ въ храмѣ Да-чжунъ-сы (храмъ большого колокола) моленіе о дождѣ, но дождя настоящаго все не было и не было. Эпидеміи заразныхъ болѣзней усилились и смерть стала поражать не только дѣтей, но и взрослыхъ. Было нѣсколько случаевъ дифтерита, оспы, скарлатины и среди европейцевъ. Къ апрѣлю мѣсяцу, ко времени начала полевыхъ работъ тяжелое положеніе земледѣльческаго населенія достигло высшей степени. И прошлый 1899 годъ весь былъ довольно сухой, осенью дождей почти не было, зима была безснѣжная. Урожай прошлаго года былъ слабый, а въ наступившемъ году поля стояли необработанными.

При такихъ обстоятельствахъ до европейцевъ стали доходить грозные слухи о народномъ недовольствѣ, о начавшемся движеніи боксеровъ, о намѣреніяхъ ихъ идти на Пекинъ.

IV.

Слухи о боксерахъ.—Причины возникновенія движенія въ Шандунской провинціи.—Характеръ движенія, его задачи и направленіе.

Въ теченіе всего апрѣля мѣсяца въ Пекинѣ распространялись слухи о начавшемся движеніи боксеровъ. Свѣдѣнія не ясныя, слухи отрывочные указывали только на то, что боксерское движеніе усиливается въ Шандунской провинціи и распространяется по направленію Пекина. Шандунская провинція представляла весьма благопріятную почву для развитія боксерства, возникновеніе котораго нѣкоторые относили ко времени японо-китайской войны.

Боксеры, какъ произвольно назвали ихъ англичане, по-китайски называются и-хе-туань. Смыслъ этого названія тотъ, что люди эти собрались въ союзъ для защиты «гармоніи силой» или для самозащиты при помощи большого кулака. Когда по окончаніи японо-китайской вой-

ны вольнонаемныя китайскія войска, состоявшія изъ всякаго уличнаго сброда, были распущены, то, оставшись безъ всякой работы и привыкнувъ къ бездѣлью, солдаты организовались въ шайки и стали грабить мирныхъ жителей, нападая на деревни, купеческія лавки и даже города. Такъ какъ защиты ниоткуда отъ грабежа разбойниковъ не было, то само населеніе образовало союзъ для самозащиты и назвало его «и-хэ-туань».

Захватъ нѣмцами китайской территоріи на Шандунскомъ полуостровѣ и строгое обращеніе съ населеніемъ вызвали въ скоромъ времени цѣлый рядъ непріязненныхъ столкновеній съ новыми владѣльцами. Враждебное населеніе стало готовиться къ борьбѣ съ нѣмцами, стало собираться въ вооруженные союзы, и примѣнивъ къ себѣ отвѣчавшее ихъ взглядамъ наименованіе «и-хэ-туань», вступило въ борьбу противъ нѣмцевъ, противопоставляя силу силѣ, и такимъ образомъ началось движеніе противъ европейцевъ, противъ христіанъ-китайцевъ, противъ миссіонеровъ и противъ маньчжурской династіи.

Такимъ образомъ первоначальные союзы самозащиты «Ихэтуань» превратились въ политическіе союзы борьбы, поставившіе себя цѣлью отстоять цѣлость и самостоятельность Китая отъ европейцевъ и замѣнить маньчжурскую династію китайской. Вообще тайныхъ обществъ въ Китаѣ

масса и самыхъ разнообразныхъ, начиная отъ политическихъ, религіозныхъ, до обществъ трезвости. Таинственность считается непремѣннымъ условіемъ успѣха дѣятельности общества и даже вступленіе въ члены обществъ трезвости обставлено различными обрядами. Другіе думали, что общество «Большого кулака» есть измѣнившее лишь свою программу старое тайное политическое общество «Бѣлаго лотоса».

Не обладая достаточно организованными силами, чтобы бороться съ нѣмецкими войсками, отряды боксеровъ нѣсколько разъ были разбиты нѣмцами, многія селенія, оказывавшія сопротивленіе нѣмцамъ, были нѣмцами сожжены. Такимъ образомъ, боксеры пополнялись въ числѣ и объединялись въ мысли бороться противъ европейцевъ. Скоро вся Шандунская провинція наполнилась боксерами; они захватывали цѣлые города и брали выкупъ со всѣхъ торговыхъ и богатыхъ людей, вступали въ сраженія съ высылаемыми китайскими войсками, часто ихъ разбивали и все подвигались впередъ и впередъ къ Пекину. По пути они нападали на христіанъ - китайцевъ, разоряли ихъ дома, а въ случаѣ сопротивленія убивали всѣхъ отъ мала до велика. Ненависть свою къ христіанамъ-китайцамъ они объясняли тѣмъ, что миссіонеры-христіане первые внесли въ Китай бѣдствіе для народа и открыли Китай владычеству европей-

цевъ. Китайцы, принимая христіанство, отступаясь отъ культа почитанія предковъ и Будды, тѣмъ самымъ становились измѣнниками и врагами своей родинѣ. Небо наказываетъ Китай нашествіемъ европейцевъ, посылаетъ бездождіе, засухи, болѣзни. Правительство не противится нашествію европейцевъ, отдаетъ имъ Китай; поэтому, чтобы не погибнуть, вѣрные китайцы сами начали борьбу, разсчитывая на покровительство неба противъ чуждыхъ пришельцевъ. Въ Тянцзинѣ, среди китайскаго города, начался рядъ пожаровъ, а въ окрестностяхъ Пекина стали слѣдовать нападенія на китайцевъ-христіанъ по заранѣе составленному плану. Христіанскія селенія подвергались разоренію, а за послѣднее время эти нападенія сопровождались уже убійствами и жестокостью. Боксеры убивали всѣхъ, мучили и жгли христіанъ-китайцевъ, разбивали головы дѣтямъ. Всегда въ деревняхъ китайцы-язычники относились непріязненно къ китайцамъ-христіанамъ, но за время движенія боксеровъ эта непріязнь перешла въ озлобленіе и ненависть. Въ началѣ апрѣля въ Пекинѣ стали ходить опредѣленные слухи, что боксеры стягиваютъ всѣ свои силы въ Пекинъ, чтобы избить всѣхъ европейцевъ. Отовсюду стали получаться извѣстія о боксерахъ и нападеніяхъ ихъ на христіанъ-китайцевъ, появились наконецъ и жертвы этого народнаго движенія: изъ окрестныхъ

деревень прибѣжали сотни христіанъ, разоренныхъ и даже увѣчныхъ, искать спасенія въ стѣнахъ католическихъ миссій. Бѣглецы разсказали и о всѣхъ ужасахъ, ими видѣнныхъ и перенесенныхъ. Въ самомъ Пекинѣ появились прокламаціи боксеровъ, которые призывали народъ къ возстанію и избіенію европейцевъ, обвиняя послѣднихъ въ томъ, что они отравляютъ воду въ колодцахъ, почему все время среди населенія держатся болѣзни и громадная смертность. По счастью однако бывшая всю зиму сильная эпидемія дифтерита и скарлатины съ громадной смертностью значительно стихла среди китайцевъ. Въ Пекинѣ въ летучихъ уличныхъ листкахъ напечатанъ былъ разсказъ одного изъ рабочихъ на городской стѣнѣ, который самъ будто бы видѣлъ, какъ европеецъ, подойдя къ колодцу, всыпалъ въ него какой-то порошокъ. Одновременно съ этимъ въ объявленіи рекомендовалось всѣмъ запастись противоядіемъ и очистить воду. У китайцевъ имѣется рядъ средствъ, спеціально назначаемыхъ для очистки и обезвреживанія отравленной воды,—средствъ, составляющихъ тайну ихъ изобрѣтателей,—которые продѣлываютъ всегда свои гешефты во времена народныхъ бѣдствій и болѣзней.

Прокламаціи увѣряли также, что дождя нѣтъ и не будетъ до тѣхъ поръ, пока европейцы останутся въ Пекинѣ. Хотя не было ни одного случая

нападенія на европейцевъ, но состояніе всѣхъ было тревожное; европейцы стали бояться удаляться изъ стѣнъ Пекина, такъ какъ повсюду можно было встрѣтить боксеровъ. Боксеры распускали слухи, что само правительство ненавидитъ европейцевъ, но не въ силахъ вступить съ ними въ открытую борьбу, что оно одобряетъ дѣятельность боксеровъ и что въ 8-й лунѣ, т. е. въ августѣ мѣсяцѣ, боксерамъ будетъ произведенъ смотръ въ Пекинѣ и будетъ разрѣшено начать открытую войну съ европейцами. Указаніе на августъ мѣсяцъ имѣло также свое объясненіе. Китайцы по своей природѣ раціоналисты, но при этомъ закоренѣлые суевѣры и мистики. Все ихъ религіозное міросозерцаніе наполнено легендами и суевѣріями, поэтому въ основу всякаго соціальнаго явленія и событія они кладутъ миѳъ или создаютъ легенду. У боксеровъ есть также мистическая подкладка, которая должна дѣйствовать на простой, но суевѣрный смыслъ народа. Изъ собранныхъ мною свѣдѣній о боксерахъ я узналъ, между прочимъ, слѣдующее. Нѣкоему китайцу, размышлявшему о современномъ положеніи страны, приснился сонъ, въ которомъ ему указывался чтимый въ народѣ монастырь, гдѣ онъ можетъ найти отвѣтъ на занимающіе его вопросы. Китаецъ отправился туда, нашелъ тамъ старца отшельника, который ему сказалъ, что все зло въ Китаѣ происходитъ отъ европейцевъ и миссіонеровъ. Европейцы же-

лаютъ захватить могилу Конфуція и разрушить храмъ его, а на развалинахъ построить свой христіанскій храмъ. Миссіонеры приносятъ страшное зло, соблазняя китайцевъ переходить въ христіанство. Будда гнѣвается на китайцевъ, которые стали отступниками буддизма, и въ наказаніе небо послало на Китай засуху, и будетъ голодъ. Чтобы вернулось въ Китай прежнее благополучіе, необходимо изгнать европейцевъ, но бороться съ европейцами, у которыхъ такая сила, невозможно обычными средствами, необходимо предварительно подготовиться и сдѣлаться неуязвимыми для европейскихъ пуль и европейскаго вліянія и оружія. Достигнуть этой неуязвимости возможно только извѣстными упражненіями и чтеніемъ при этомъ заклинательной молитвы. Достигнувъ совершенства въ этихъ упражненіяхъ, можно вступить въ открытую борьбу. Затѣмъ этотъ старецъ далъ указанія, какія нужно производить упражненія и какую читать заклинательную молитву, далъ также и веревку, которая должна висѣть въ извѣстномъ храмѣ до восьмой луны, т. е. до августа мѣсяца. Въ этомъ мѣсяцѣ эта веревка пріобрѣтетъ чудодѣйственную силу: она будетъ разбивать стѣны всѣхъ домовъ, занимаемыхъ европейцами, и ниспровергать всѣ ихъ орудія; до августа же мѣсяца не слѣдуетъ дѣлать нападеній на европейцевъ. На улицахъ и площадяхъ Пекина можно было встрѣтить сво-

бодно по двое, по трое китайцевъ, производившихъ свои упражненія; несомнѣнно, это были люди искусственно взвинчивавшіе свою нервную систему, искусственно подготовлявшіе себя до степени аффекта, подъ вліяніемъ котораго можетъ проявиться фанатически настроенная масса, способная на все въ своемъ умоизступленіи. Прежде всего въ Пекинѣ боксерами сдѣлался весь уличный сбродъ, среди котораго встрѣчалось много подростковъ-нищихъ, недавно еще бѣгавшихъ за европейцами и просившихъ милостыню обычными криками: «Лао-ѣ, мейо чи-фань», т. е. «господинъ, ѣсть нечего», а нынѣ поступившихъ въ боксеры и продѣлывавшихъ цѣлый рядъ разнообразныхъ движеній. Подготовительныя тѣлесныя упражненія боксеровъ состояли въ слѣдующемъ: участники становились на открытомъ мѣстѣ, лицомъ на юго-востокъ, поставивъ передъ собою предварительно зажженныя жертвенныя свѣчи или зажженный факелъ. Затѣмъ читали нараспѣвъ заученную заклинательную молитву и сожигали послѣ этого на свѣчѣ жертвенныя бумажки. Послѣ этого они становились на четвереньки, сложивъ особымъ способомъ руки и начинали дѣлать туловищемъ качательныя движенія изъ стороны въ сторону. Со многими скоро начинали дѣлаться судороги, подобно эпилептическимъ, они падали на землю, бились, затѣмъ вскакивали, размахивали руками, прыгали. Глаза

у нихъ наливались кровью, у рта появлялась пѣна. Но такихъ впечатлительныхъ и нервныхъ субъектовъ было мало, а изъ нихъ-то впослѣдствіи и вырабатывались фанатики, руководители движенія...

Находя европейцевъ и миссіонеровъ виновниками всѣхъ золъ, обрушившихся на Китай, боксеры считали истребленіе своихъ враговъ подвигомъ, къ которому и готовились со всѣмъ рвеніемъ сектантовъ. Среди ихэтуаньцевъ было, несомнѣнно, много глубоко убѣжденныхъ въ истинности своего призванія, были несомнѣнно фанатики идеи, которые вліяли на массу, доводя себя до экстаза и продѣлывая вещи, которыя должны казаться толпѣ сверхестественными, совершаемыми только тѣми людьми, въ которыхъ живетъ особый духъ, особый демонъ. Мнѣ передавалъ очевидецъ, которому я безусловно вѣрю, что онъ самъ видѣлъ, какъ одинъ изъ такихъ фанатиковъ, доведя себя до экстаза, ломалъ на куски копья, сабли, свертывалъ желѣзныя полосы, какъ веревку, дѣлалъ невозможныя для обыкновеннаго человѣка прыжки. Пользуясь довѣріемъ народныхъ массъ, ихэтуаньцы прославляли себя неуязвимыми, не боящимися ни пули, ни сабли, такъ какъ и пуля, и сабля отскакиваютъ отъ ихъ тѣла обратно, а если кто и падалъ изъ нихъ, какъ бы убитый, то такое состояніе видимой смерти могло продолжаться только три дня, по

истеченіи которыхъ мнимо убитый встаетъ живымъ, здоровымъ и невредимымъ. Но такое состояніе неуязвимости достигается не легко: необходимы постоянныя тѣлесныя упражненія, имѣющія мистическое значеніе, какъ призывающія вселиться духа силы; кромѣ того необходимы постъ и моленія передъ началомъ дѣйствій. Увлеченіе ихэтуаньскимъ ученіемъ, а главное заманчивое обѣщаніе получить неуязвимость, охватило въ Пекинѣ и его окрестностяхъ все юношество и молодежь. Громадное большинство подростковъ продѣлывало всѣ эти упражненія скорѣе, какъ забаву, поощряемое къ тому заманчивыми обѣщаніями въ будущемъ и подарками въ настоящемъ. Нищіе и старики во множествѣ примыкали къ боксерамъ изъ за пропитанія, которое имъ давалось, а также и изъ-за денегъ, которыя имъ платились. Отсюда стало понятнымъ впослѣдствіи явленіе, что послѣ перваго же залпа европейцевъ вся толпа боксеровъ обращалась въ безпорядочное бѣгство; ни подростки, ни нищіе-старики не могли быть убѣжденными бойцами за идеи боксеровъ. Только главари этой толпы бѣжали дѣйствительно въ экстазѣ, подпрыгивая и размахивая саблей прямо на ружейныя дула, на нихъ направленныя, и падали, пронизанные мѣткой пулей. Такихъ фанатиковъ въ Пекинѣ было убито нѣсколько десятковъ. Вся же масса всякаго боксерскаго сброда погибала, какъ бѣгу-

щее безъ пастыря стадо. Способность воспринимать силу духа пріобрѣтается послѣ продолжительныхъ упражненій. Когда руководители признавали готовность новаго члена, то давали ему освященный ножъ и саблю, которыми онъ и клялся истреблять христіанъ-китайцевъ и европейцевъ. Послѣ этого упражненія продѣлывались уже въ храмахъ и къ нимъ подготовлялись суточнымъ постомъ. Вообще же всѣмъ членамъ общества воспрещалось ѣсть мясо животныхъ. Общество ихэ-туань имѣло прочную и широко вѣтвившуюся организацію, въ основу которой положены были небольшіе кружки, руководимые однимъ изъ опытныхъ членовъ общества. Такой порядокъ, впрочемъ, практикуется китайцами при организаціи всякихъ обществъ, даже и неполитическихъ, напр. общества трезвости. Когда такой кружокъ достигалъ достаточной подготовки, то члены его собирали новые кружки и сами становились ихъ руководителями. Немудрено, что своими упражненіями и всей обстановкой боксеры оказывали подавляющее вліяніе на молодежь, немудрено, что повсюду въ деревняхъ всѣ подростки-мальчуганы продѣлывали эти упражненія, полагая, что они станутъ неуязвимыми отъ европейскихъ пуль послѣ того, какъ, пролежавъ на землѣ и прочтя заклинательную молитву, воспримутъ въ себя особую чудесную силу. Опасность для европейцевъ несомнѣнно создавалась

отъ боксеровъ, такъ какъ этими упражненіями воспитывалась нервно развинченная армія, которая можетъ надолго оставить въ Китаѣ заразную нервную эпидемію, захватить народныя чувства и народную душу, истомленную нищетой и страданіями, потерявшую вѣру въ самое себя, подавленную сознаніемъ того ужаса, которымъ караетъ народъ разгнѣванное небо, и убѣжденную, что спасеніе народа въ общемъ массовомъ движеніи противъ наплыва чужеземныхъ поработителей.

Я старался уяснить себѣ значеніе и основы начинавшагося народнаго движенія, я разспрашивалъ многихъ китайцевъ, болѣе или менѣе заинтересованныхъ въ этомъ движеніи, и на мои вопросы о задачахъ и цѣляхъ подготовлявшагося движенія (разговоръ шелъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ) мнѣ отвѣчали откровенно, что движеніе это направляется главнымъ образомъ, чтобы противодѣйствовать католической пропагандѣ, которая все глубже внѣдряется въ китайскій народъ и вноситъ вражду, раздоры, несогласія въ населеніе, подрываетъ самые устои народной жизни, вмѣшивается въ политическія интриги и интригами создаетъ китайскому правительству много замѣшательствъ. Вообще же христіанство противно духу китайскаго народа, а миссіонеры являются врагомъ народа: противъ миссіонеровъ возбуждены всѣ слои китайскаго общества, ихъ

одинаково всѣ ненавидятъ: и сановники, и чиновники, и войско, и народъ. Что касается европейцевъ, то руководители движеніемъ далеко не относятся всѣ поголовно съ ненавистью ко всѣмъ европейцамъ; они признаютъ, что среди иностранцевъ есть истинные, добрые и даже расположенные къ китайцамъ люди, но таковыхъ очень мало. Большинство же европейцевъ—люди грубые, алчные, къ китайцамъ относятся съ презрѣніемъ, а съ простымъ народомъ обращаются, какъ съ своими рабами, даже часто бьютъ китайцевъ. Такое обращеніе европейцевъ съ китайцами извѣстно народу и не можетъ, конечно, вызвать съ его стороны отвѣтныхъ добрыхъ чувствъ, а вызываетъ только ненависть. Въ какое время и какими путями начнетъ свою практическую дѣятельность общество ихэ-туань—никто въ то время въ Пекинѣ не предвидѣлъ, и громадное большинство европейцевъ оставалось беззаботнымъ, на все происходящее смотрѣло очень легко, какъ на пустыя смуты и затѣи, а главное возлагало всѣ свои надежды на войска, которыя тотчасъ же явятся въ Пекинъ при первой опасности. Никто изъ патентованныхъ знатоковъ Китая и его дѣлъ не задалъ себѣ труда вникнуть въ сущность начавшагося народнаго движенія, поразмыслить надъ причинами, его вызвавшими. Лишь очень немногіе относились серьезно къ движенію съ самаго его начала, а

католическій епископъ г. Пекина, monseigneur Favier, прожившій въ Китаѣ болѣе 40 лѣтъ, настойчиво указывалъ на надвигавшуюся опасность, но его предупрежденіямъ не пожелали придать никакого значенія. Нѣкоторые указывали на бывшія уже движенія среди китайскаго народа, имѣвшія противоевропейскій и противохристіанскій характеръ: приводили примѣры изъ исторіи Китая, указывали, что народное движеніе всегда можетъ принять грозные размѣры, а особенно, если китайскій народъ, на душѣ котораго наболѣло много обидъ и неправды, нанесенныхъ ему европейцами, дѣйствительно примкнетъ къ движенію. На все, однако, было отвѣтомъ самодовольное непониманіе происходившаго предъ глазами... Бесѣдуя съ хошэнами (бонзы, китайскіе священники буддисты) и съ людьми долго жившими въ Китаѣ и знающими условія мѣстной жизни, я узналъ нѣкоторыя подробности интересовавшаго меня вопроса. Хошэны передали мнѣ, что они глубоко вѣрятъ въ существованіе различныхъ демоновъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, живущихъ въ воздухѣ, водѣ, лѣсу, въ горахъ и могущихъ вселяться въ человѣка и жить въ немъ. Демонъ можетъ и самъ войти въ человѣка, и можетъ войти, уступая лишь зовущимъ его моленіямъ и заклинаніямъ. Войдя въ человѣка, духъ можетъ проявлять громадную силу, можетъ творить чудеса, недоступ-

ныя простому смертному. Такой демонъ и вселяется въ призывающихъ его ихэ-туаньцевъ. Трудно достигнуть, чтобы демонъ вселился въ человѣка, но разъ это достигнуто, то достаточно бываетъ одного призыванія, чтобы демонъ сталъ проявлять свою силу, такъ какъ тогда онъ поселяется въ человѣкѣ, какъ бы на жительство. Въ заклинаніяхъ же заключается великая сила, которая можетъ даже помутить разумъ въ человѣкѣ. Впослѣдствіи, когда ихэ-туаньцы выступили открыто въ Пекинѣ и сожгли католическій храмъ Нан-танъ, убивъ многихъ христіанъ-китайцевъ, можно было убѣдиться, что хошэны, во-первыхъ, играли видную роль, какъ руководители движенія, а во-вторыхъ, что они дѣйствительно вѣровали въ силу заклинаній и имъ удавалось вводить въ заблужденіе нѣкоторыхъ европейцевъ, принимавшихъ хошэновъ за католическихъ миссіонеровъ и оставлявшихъ притоны боксеровъ безъ осмотра. Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца въ Пекинѣ всѣ уже заговорили, хотя и очень смутно, пользуясь самыми неопредѣленными слухами, о появленіи тамъ и сямъ шаекъ боксеровъ, которые жгли дома китайцевъ-христіанъ и убивали ихъ самихъ. При этомъ всѣ единогласно утверждали, какъ китайцы, такъ и европейцы, что никогда боксеры не нападали на селенія врасплохъ, но всегда заранѣе, за нѣсколько дней, предупреждали о нападеніи и истре-

бленіи всѣхъ христіанъ огнемъ и мечемъ, предлагая лучше покинуть селенія и уйти. Въ назначенный день они дѣйствительно входили въ селеніе, устраивали моленіе и съ зажженными факелами устремлялись прежде всего на храмы, обливая ихъ горючимъ составомъ, а затѣмъ на дома китайцевъ-христіанъ. Дома зажигали, а христіанъ, не успѣвшихъ убѣжать, или убивали, или бросали живыми въ огонь. Убивали часто и тѣхъ язычниковъ, которые оказывали склонность къ христіанамъ. Въ селеніяхъ сами же китайцы-язычники указывали дома своихъ враговъ-христіанъ. Покончивъ въ одномъ селеніи, ихэ-туаньцы тотчасъ же уходили. Всѣ единогласно подтверждали, что сами они не пользовались ни одной вещью изъ имущества христіанъ, но слѣдомъ за боксерами всегда шли шайки грабителей, которые и набрасывались на имущество, растаскивали его и добивали несчастныя жертвы ненависти ихэ-туаньцевъ, если иногда христіанамъ и удавалось спрятаться.

Изъ Тянь-Цзина сообщали также, что положеніе тамъ европейцевъ очень серьезное, что волненіе все болѣе охватываетъ китайское населеніе и что ненависть къ европейцамъ проповѣдуется открыто.

Въ первыхъ числахъ мая стало уже извѣстно, что по деревнямъ въ окрестностяхъ Тянь-Цзиня ходилъ китайскій мальчикъ лѣтъ четырнадцати, который разсказывалъ собиравшемуся народу, что

онъ посланъ съ неба, чтобы повѣдать китайцамъ, что европейцевъ нужно уничтожить, иначе Китай погибнетъ. Этого вѣстника неба приняли ихэ-туаньцы, увѣровали въ его посланничество и исполнили повелѣніе неба. Этого мальчугана, а также и другихъ, разсылавшихся возмутителями, народъ слушалъ охотно и волновался. Особенно скоро волненіе, враждебное европейцамъ, охватило населеніе Тянь-Цзиня и многолюдныхъ селеній и городовъ, расположенныхъ по берегамъ рѣки Пейхо. Населеніе здѣшнее всегда было болѣе или менѣе враждебно настроено противъ европейцевъ, а съ проведеніемъ желѣзной дороги отъ Тянь-Цзиня на Пекинъ, когда десятки тысячъ народа потеряли на рѣкѣ свой заработокъ, который они имѣли раньше отъ перевозки товаровъ и пассажировъ, возбудить въ такомъ населеніи чувство ненависти было очень легко. Понятно, что воззваніе къ разрушенію желѣзной дороги имѣло здѣсь наибольшій успѣхъ и самое разрушеніе, начатое съ мостовъ 23-го мая, было произведено особенно основательно. Не только были вынуты и зарыты шпалы, разбросаны и изломаны рельсы, но были сброшены въ воду фермы, на которыхъ построены мосты. Начиная съ двадцатыхъ чиселъ мая, боксеры стали проявлять открыто свою дѣятельность на всемъ протяженіи между Тянь-Цзинемъ и Пекиномъ. Китайское правительство еще дѣлало попытки

подавить возникшее движеніе, посылая отряды для уничтоженія боксеровъ, но попытки эти или были неудачны, или оканчивались торжествомъ боксеровъ. Такъ, посланный изъ Пекина отрядъ въ 60 человѣкъ противъ боксеровъ былъ завлеченъ ими въ засаду и всѣ солдаты перебиты вмѣстѣ съ офицеромъ, а изъ другихъ мѣстъ приходили свѣдѣнія, что китайскія войска становятся открыто на сторону боксеровъ или же всецѣло выражаютъ имъ сочувствіе и сохраняютъ видимую покорность правительству только до поры до времени. Приходили извѣстія, которыя объясняли отчасти и прославленную неуязвимость боксеровъ для пули и сабли. Оказывалось, что нѣкоторые изъ боксеровъ надѣвали на себя плотно спрессованный изъ ваты панцырь, который дѣйствительно не могла взять китайская тупая сабля. Въ Пекинѣ около этихъ чиселъ на улицахъ стали появляться боксеры, иногда вооруженные, но чаще только въ красныхъ кушакахъ и красной повязкѣ на головѣ. Одинъ изъ китайцевъ, приходящихъ въ посольство для занятій китайскимъ языкомъ, разсказывалъ, что онъ встрѣтилъ на улицѣ двухъ боксеровъ, которые шли и размахивали саблями; за кушаками у нихъ были заткнуты ножи; глаза блестѣли, какъ раскаленные угли. Подойдя къ палаткамъ, въ которыхъ расположена была для охраны улицъ китайская военная стража, боксеры саблями пере-

рубили веревки, прикрѣпленныя къ колышкамъ, и смотрѣли съ хохотомъ, какъ падала солдатская палатка. Никто изъ солдатъ не осмѣлился задержать боксеровъ, и они ушли дальше. Каждый день въ посольство обязательно доставлялось нѣсколько новыхъ свѣдѣній о боксерахъ, частью легендарныхъ, частью достовѣрныхъ, которые, составляя нашу злобу дня, сильно взвинчивали нервы и увеличивали смятеніе и безпокойство среди женщинъ и дѣтей. Китайскіе солдаты разсказывали, какъ очевидцы или со словъ очевидцевъ, несомнѣнные будто бы факты неуязвимости боксеровъ для пуль; они утверждали, что послѣ даннаго солдатами по боксерамъ залпа изъ ружей, боксеры падали, но затѣмъ нѣсколько разъ перевертывались впередъ и становились на ноги ближе къ солдатамъ, невредимые. Неуязвимость этимъ была доказана, и солдаты или бѣжали отъ боксеровъ, или переходили на ихъ сторону. Китайцы-слуги приносили извѣстія о расклеенныхъ прокламаціяхъ на улицахъ. Въ прокламаціяхъ назначались дни и часы нападеній на посольства и поджоговъ христіанскихъ храмовъ. Въ одной прокламаціи были даже указаны подробности предстоящаго нападенія. Сказано было, что въ 11 часовъ вечера съ 23-го на 24-е мая по пушечному выстрѣлу боксеры ворвутся въ Пекинъ чрезъ открываемыя въ это время на полчаса ворота для проѣзда чиновниковъ съ докладами во дворецъ;

что въ часъ ночи будетъ пущенъ красный воздушный огненный шаръ, который будетъ служить сигналомъ нападенія на католическій храмъ Бей-Тангъ, а затѣмъ и на посольства. Католики-миссіонеры утверждали, что дѣйствительно они нѣсколько разъ по ночамъ видали, какъ поднимались надъ Пекиномъ и въ окрестностяхъ огненные красные шары, которые разрывались затѣмъ красными ракетами. Ничего нѣтъ, конечно, невѣроятнаго, что между боксерами внѣ Пекина и пекинскими была организована сигнализація. Но мы, какъ ни старались со двора посольства увидать красный шаръ, ни разу ничего не видали. Затѣмъ, распущенъ былъ слухъ, что передъ началомъ общаго возстанія въ Пекинѣ по улицамъ будутъ водить дѣвочку въ красномъ одѣяніи, какъ призывъ къ истребленію всѣхъ европейцевъ. Всѣ слухи и всѣ доставленныя намъ свѣдѣнія единогласно утверждали, что въ Пекинѣ броженіе въ народѣ все усиливается, что враждебное чувство къ европейцамъ возрастаетъ, что всѣ кузницы завалены заказами на ножи и мечи, что всѣ желѣзныя лавки полны покупателями, ждущими очереди, чтобъ получить ножъ. Такой огромный спросъ на оружіе сопровождался опять-таки созданной легендой. Разсказывали, что одинъ кузнецъ, который принялъ заказъ изготовить партію ножей по полтора лана (около 2 р.) за штуку, увидавъ, что спросъ на

его работу сдѣлался громаднымъ, пожелалъ нажиться на ножахъ и возвысилъ плату до двухъ ланъ. И что же? Каждый ножъ, который онъ послѣ этого выковывалъ, ломался у него въ рукахъ и работа и матеріалъ пропадали даромъ. Устрашенный такимъ явленіемъ кузнецъ по прежнему сталъ брать за работу полтора лана и ножи быстро выходили изъ-подъ его рукъ и прекраснаго качества.

Первое время мнѣ казалась непонятною та ненависть, съ которою само населеніе относится къ своимъ же собратіямъ христіанамъ. Миссіонеры католики безусловно—великіе подвижники, большинство, по крайней мѣрѣ; я самъ видѣлъ въ Пекинѣ обстановку ихъ жизни, ихъ лишенія и терпѣніе, ихъ труды. Надо обладать желѣзной силой воли, чтобы выносить все то, что они выносятъ и въ то же время въ награду пріобрѣтать общенародную ненависть. Но при ближайшемъ ознакомленіи съ условіями, при которыхъ распространяется католичество въ Китаѣ, ненависть народа и чиновниковъ къ миссіонерамъ стала мнѣ понятной. Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о политическихъ интригахъ католическихъ миссіонеровъ, — интригахъ, которыми занимаются, конечно, лишь генералы изъ нихъ, а не простые труженики, вся католическая пропаганда является не мирной насадительницей великихъ истинъ Христова ученія, но воинствующей силой, утверждающей въ странѣ

свое господство. Прежде всего католичество пользуется громадной экономической силой въ Китаѣ, оно владѣетъ огромными участками земли. Миссіонеры скупаютъ постоянно у бѣдняковъ-китайцевъ ихъ земли, на которыхъ и селятъ своихъ христіанъ. Посадивъ первое зерно, миссіонеры начинаютъ вліять, чтобы оно дало плодъ. Новый членъ-христіанинъ старается уже обращать, вліяя на бѣдняковъ, въ христіанство. Онъ подготовляетъ почву. Склонному къ принятію католичества бѣдняку миссіонеры тотчасъ же оказываютъ помощь или деньгами, или покупкой необходимыхъ земледѣльцу предметовъ, или покупая ему землю, а земля для китайца земледѣльца — единственный идеалъ счастья! Создавъ въ селеніи католическое ядро, миссіонеры крѣпко держатъ его въ рукахъ, а новые члены, католики изъ китайцевъ, тотчасъ же порываютъ всякую связь со своими братьями по крови. Они взаимно становятся не только чужды, но враждебны другъ другу. Если съ христіаниномъ-китайцемъ случается какая бѣда или его обижаетъ китаецъ-чиновникъ, то христіанинъ жалуется миссіонеру; миссіонеръ немедленно передаетъ жалобу въ посольство, которое признаетъ себя покровителемъ католичества; китаецъ-христіанинъ выходитъ всегда правъ: за него стоятъ горой уже не только миссіонеры, но и христіане-европейцы. Короче сказать, миссіонерство католическое создало въ Китаѣ свое собственное государ-

ство, а изъ китайцевъ-католиковъ создало своихъ подданныхъ. Надо отдать должную похвалу миссіонерамъ-католикамъ за ихъ умѣнье и тактъ, съ которымъ они производятъ обращеніе китайцевъ въ католичество. Безусловно вѣрно, что среди китайцевъ много есть истинно преданныхъ католичеству христіанъ, цѣлыя поколѣнія которыхъ насчитываютъ сотни не только послѣдователей въ своемъ роду, но мучениковъ, пострадавшихъ въ былыя гоненія христіанъ въ Китаѣ. Правда, католичество умѣетъ уживаться со многими народными языческими вѣрованіями и это много помогаетъ его распространенію. Миссіонеры также весьма осторожно обращаются и съ народными чертами характера и обычаевъ. Они требуютъ нравственности отъ христіанъ-китайцевъ, но въ мѣру, не запугивая ихъ воображеніе страхами суроваго воздаянія. Мнѣ пришлось быть очевидцемъ слѣдующаго характернаго факта. Одинъ слуга китаецъ-католикъ проворовался; хозяинъ призвалъ его и сталъ укорять, говоря, какой же ты христіанинъ; развѣ тебя католики миссіонеры учатъ воровать, не говорятъ что это грѣхъ? Китаецъ, стоявшій до этого времени стыдливо потупивъ глаза въ землю, оживился, радостно поднялъ ихъ и совершенно убѣжденно отвѣтилъ: «Миссіонеры говорятъ, что много воровать нельзя, грѣхъ, а мало-мало можно!» Этотъ простой и ясный отвѣтъ даетъ понятіе о той практичности и житейской опытности, которыми руко-

водствуются въ своей пропагандѣ миссіонеры-католики, а также, по всей вѣроятности, миссіонеры и другихъ вѣроисповѣданій. Китайское правительство не могло, очевидно, сочувствовать христіанской пропагандѣ католиковъ и хотя подчинялось открыто требованіямъ представителей державъ, ратовавшихъ за своихъ миссіонеровъ, но тайно всегда стояло на сторонѣ своихъ вѣрованій и поощряло своихъ чиновниковъ, которые въ угоду католической пропагандѣ, наказывались. И только къ одному христіанству сумѣли миссіонеры-католики вселить въ народѣ такую ненависть. Всѣ, знающіе характеръ китайскаго народа, утверждаютъ единогласно, что китайцы, не только самый вѣротерпимый народъ въ мірѣ, но даже безразлично относящійся къ вопросамъ вѣры. Въ Китаѣ послѣдователи буддизма, даосизма, конфуціанства, магометанства, религій, совершенно противоположныхъ одна другой уживаются, однако, мирно бокъ-о-бокъ въ одномъ и томъ же селеніи или городѣ, а христіанская проповѣдь любви внесла злобу и ненависть. Не настало ли время самимъ миссіонерамъ и представителямъ христіанства поглубже вникнуть въ этотъ вопросъ и рѣшить, кто виноватъ: гибнущіе ли отъ разоренія и голода, вызваннаго этимъ разореніемъ китайцы, или предъявляющіе къ этому же народу громадные иски за убытки представители христіанской проповѣди?..

V.

Прибытіе десантовъ. — Русскіе. — Американцы. — Японцы. — Нѣмцы. — Англичане. — Французы. — Австрійцы.—Итальянцы.

Обсужденіе вопроса о вызовѣ дессантовъ въ Пекинъ заняло много времени. Приходилось принимать во вниманіе много условій и соразмѣрять съ одной стороны степень дѣйствительной опасности съ необходимой для устраненія ея численностью вызываемыхъ солдатъ, а съ другой стороны приходилось считаться съ крайней подозрительностью китайскаго правительства, старавшагося всѣми силами отклонить требованіе о вызовѣ дессантовъ и утверждавшаго, что съ ихъ стороны данное разрѣшеніе на введеніе въ столицу богдыхана иностранныхъ войскъ уронитъ китайское правительство въ глазахъ китайскаго народа, вызоветъ въ народѣ сильное недовольство и даже опасныя волненія не только противъ китайскаго правительства, которое народъ

не замедлитъ обвинить въ потворствѣ и страхѣ передъ европейцами, но и противъ самихъ европейцевъ, какъ насильниковъ, врывающихся въ китайскую страну. Китайскіе министры изо всѣхъ силъ старались убѣдить европейскихъ представителей удовольствоваться принятіемъ охраны со стороны правительственныхъ китайскихъ войскъ. Послѣ долгихъ переговоровъ китайскіе министры должны были уступить и согласиться дать разрѣшеніе ввести въ Пекинъ дессанты въ слѣдующихъ количествахъ: для охраны русскаго посольства сто человѣкъ (въ Пекинъ пришли только матросы, 72 человѣка при двухъ офицерахъ; 25 человѣкъ казаковъ Забайкальскаго войска съ сотникомъ Семеновымъ оставлены были въ Тянь-цзинѣ); для охраны американскаго и французскаго посольствъ пришли 75 французовъ и 63 американца при двухъ офицерахъ при каждомъ отрядѣ; для охраны англійскаго 79 чел., нѣмецкаго 50 чел. и итальянскаго посольства—28 человѣкъ, для охраны австрійскаго посольства пришло 30 человѣкъ и для охраны японскаго—25 человѣкъ (пришла одна половина дессанта, другая осталась въ Тянь-цзинѣ. Русскіе, французы, американцы, нѣмцы, японцы, итальянцы вошли вечеромъ 18-го мая, англичане и австрійцы вошли утромъ 19-го мая. Для русскаго дессанта заранѣе было приготовлено помѣщеніе въ стѣнахъ русскаго посольства и всѣ матросы размѣ-

щены были чисто и свободно. Подъ личнымъ моимъ наблюденіемъ всюду были вымыты и дезинфецированы нары и полы, а матрацы набиты свѣжей соломой.

Жизнь русской колоніи съ приходомъ русскаго отряда сразу оживилась и стала полнѣе. Такъ какъ китайское населеніе Пекина держало себя миролюбиво, то, если не считать тревожныхъ слуховъ о приближеніи боксеровъ, ничто, повидимому, не указывало на надвигающуюся опасность. Офицеры дессанта, лейтенантъ баронъ Раденъ и мичманъ фонъ-Денъ были радушно и гостепріимно встрѣчены и приняты всей русской колоніей. Время проходило пріятно, устраивались во дворѣ посольства партіи въ лаунъ-теннисъ, нерѣдко русская колонія собиралась въ Русско-китайскомъ банкѣ, гдѣ экспромтомъ устраивался любительскій вокальный вечеръ. Въ посольствѣ мужчины проводили ночи во дворѣ, располагаясь на верандѣ на лонгъ-шезахъ. Баронъ Раденъ и фонъ-Денъ были во всемъ полною противоположностью одинъ другому. Насколько первый былъ словоохотливъ и всѣхъ развлекалъ своими разсказами, настолько второй былъ сдержанъ и молчаливъ; первый былъ худощавый брюнетъ, второй былъ полный блондинъ и пріятно выдѣлялся своей наружностью, дышавшей здоровьемъ и свѣжестью.

Прибывшіе европейскіе дессанты насъ всѣхъ

интересовали, такъ какъ представляли характерныя особенности каждой національности отдѣльно. Изъ всѣхъ европейскихъ дессантовъ по наружному своему виду особенно выдѣлялись американцы. Дессантъ ихъ, морская пѣхота, пришелъ съ броненосца «Орегонъ», экстренно присланнаго съ Манильи въ Китай. По наружному своему виду американцы всѣ были худощавы, высокаго роста и поражали своимъ интеллигентнымъ видомъ, что вполнѣ понятно. Въ Америкѣ нѣтъ рѣзкаго различія и дѣленія на сословія, какъ въ Европѣ, нѣтъ и всеобщей воинской повинности. Войска набираются по вольному найму, слѣдовательно, въ военную службу идутъ только тѣ, которые любятъ военную профессію, или тѣ, которые все испробовали, испытали всѣ поприща, прошли огонь и воду и которымъ ничего болѣе не оставалось, какъ наняться въ солдаты. Я не беру, конечно, тѣ исключительные случаи, когда въ силу патріотизма всѣ граждане стремятся стать въ ряды войска. Военная форма американцевъ очень проста и пріятна для глазъ. Бывшіе въ Пекинѣ американцы носили синяго цвѣта однобортный мундиръ, застегнутый на пять желтыхъ металлическихъ пуговицъ, на плечахъ такіе же синіе съ красными выпушками погоны, свѣтло-синія брюки, съ бѣлой тесьмой по швамъ у унтеръ-офицеровъ, штиблеты на ногахъ, и мягкую широкополую коричневаго цвѣта шляпу на

головѣ. Вмѣсто кокарды сбоку на шляпѣ находился металлическій гербъ, представляющій глобусъ и якорь. Среди американцевъ было двое нѣмцевъ изъ Риги, изъ которыхъ одинъ только смутно помнилъ Россію, такъ какъ родители его переселились въ Америку, когда онъ былъ маленькимъ. Всѣ американцы, взятые вмѣстѣ и каждый порознь, выдѣлялись своей самостоятельностью. Въ отношеніяхъ внѣ службы между солдатами американцами и офицерами нѣтъ той связывающей дисциплины, которая смущаетъ нижняго чина, подавляя его страхомъ, но нѣтъ и фамильярности. Въ свободное отъ службы время солдаты и офицеры—только граждане, соединенные общностью интересовъ и уваженіемъ. Во время же службы каждый сознательно исполняетъ свои обязанности, каждый знаетъ, чего отъ него требуютъ, и исполняетъ требованія, не дожидаясь ни понуканій, ни окриковъ, ни зуботычинъ, разбивающихъ лицо солдата въ кровь. Я много наблюдалъ отношенія капитана Мейерса къ своимъ подчиненнымъ, и мнѣ было понятно то высокое уваженіе, которымъ онъ пользовался у нихъ. Относясь серьезно къ своимъ обязанностямъ офицера, онъ былъ всегда среди солдатъ. Тамъ, гдѣ спали на улицѣ его солдаты, располагаясь на цыновкахъ, стояла и его койка; обходя и осматривая баррикады, онъ выслушивалъ мнѣнія своихъ солдатъ и дѣлалъ объясненія по всѣмъ вопросамъ, которые касались защиты и обороны.

При видѣ американцевъ-солдатъ и ихъ капитана Мейерса, чувствовалось, что здѣсь дѣйствительно есть прочная, духовная связь...

Послѣ американскаго дессанта наиболѣе заинтересовали всѣхъ японцы. Своимъ наружнымъ видомъ, военной выправкой, обмундировкой, японцы-солдаты ясно говорили, что военному дѣлу въ ихъ странѣ посвящено немало заботъ. Японцы-солдаты вообще низкорослы, но коренасты, мускулисты, съ крѣпко развитыми ногами, всѣ отличные ходоки. Всѣ они были словно отлиты въ свою военную форму; не было среди нихъ ни «увальней», ни «мѣшковъ». Все, начиная съ фуражки съ желтымъ околышемъ, которую носитъ пѣхота, бѣлой куртки, панталонъ и штиблетъ, все было на японцахъ прочно, аккуратно пригнано, соотвѣтствовало росту. Величина ружей собственнаго изготовленія и собственной системы, величина сабель,—все у нихъ пропорціонально. Ружья у японцевъ короткоствольныя, пуля небольшая, ружейное ложе тоже невелико. Японское ружье легкое, изящное. Тѣмъ не менѣе оно бьетъ превосходно. Маленькія пули изъ небольшихъ ружей Маузера и Манлихера, какъ показалъ опытъ войны, били чрезвычайно сильно и въ то же время составляли истинное благодѣяніе для раненыхъ. Обладая никелевой оболочкой, эти маленькія пули насквозь пробивали не только мягкія ткани, но и кость. Образуя сквозной пу-

левой каналъ, пули эти однако не производили ни разрыва тканей, ни раздробленія кости. Рана получалась чистая, съ ровными краями, маленькая. Благодаря только такой пулѣ съ никелевой оболочкой, легко протекали и скоро заживали такія тяжелыя и опасныя, а въ прежнія времена прямо смертельныя раненія, мучительныя по теченію, каковы, напримѣръ, сквозныя раненія черезъ легкія, раненія локтевыхъ сочлененій и другія.—За японцами выдѣлялись нѣмцы, которые привлекали вниманіе также своей выправкой, своей сплоченностью, своимъ единствомъ. Одѣтые въ парусиновую всю коричневаго цвѣта форму, въ сапогахъ на толстой подошвѣ, тяжелыхъ и неуклюжихъ, мѣрно отбивая и какъ-то притопывая при ходьбѣ тактъ, нѣмцы общимъ своимъ видомъ производили очень пріятное, хотя какое-то деревянное впечатлѣніе на зрителей. Все это были люди молодые, крѣпкіе, рослые, съ простыми, но добродушными лицами. Англичане въ своихъ синихъ мундирахъ и черной шапочкѣ лодочкой на головѣ, надѣтой на бокъ, выглядѣли чистенькими, приглаженными приказчиками. Они производили впечатлѣніе очень приличныхъ молодыхъ людей, которые случайно одѣты въ военную форму, случайно исполняютъ обязанности солдата, но въ существѣ своемъ они вовсе не солдаты, а только случайные военные. Въ англійскихъ солдатахъ все было чисто, выправлено,

но силы военной, которая внушаетъ довѣріе въ друзьяхъ и страхъ во врагахъ, — этой силы не было. Французы - моряки въ матросскихъ курткахъ и синихъ шапкахъ съ краснымъ помпономъ на макушкѣ были симпатичны общимъ своимъ видомъ; въ ихъ лицахъ много было живости, нервности, впечатлительности, но мало настойчивости, мало удали. Къ французамъ примыкали и итальянцы, красивые, съ блестящими живыми глазами, но довольно-таки фигурой жидковатые. Австрійцы производили какое-то неопредѣленное впечатлѣніе, — такъ и бросался въ глаза ихъ разноплеменный составъ, красиво собранный, но не прочно сплоченный. Наши русскіе матросы выглядѣли молодцами. Изъ всѣхъ европейскихъ дессантовъ цѣльное и полное впечатлѣніе производили только четыре: русскіе, американцы, нѣмцы и японцы. Между русскими и нѣмцами проглядывало много общаго: та же народная цѣлостность, та же устойчивость, хотя въ голубыхъ глазахъ нѣмца и свѣтилось болѣе нѣжности, въ нихъ было что-то напоминающее дѣтство. Нѣмцы были тѣломъ порыхлѣе русскихъ, которые противъ нѣмцевъ были помускулистѣе. Лица русскихъ были оживленнѣе. Что касается японцевъ, то они стояли по наружности своей совершенно особнякомъ отъ всѣхъ. Не только желтый цвѣтъ кожи и узкіе косые глаза выдѣляли ихъ въ особую племенную желтолицую группу, но самое

выраженіе лица не имѣло ничего общаго съ выраженіемъ лица у европейцевъ. Въ чертахъ лица у японцевъ мнѣ ни разу не удалось видѣть ни добродушія, ни удали, ни скромной застѣнчивости. На лицахъ японцевъ лежало застывшее выраженіе упрямаго и вмѣстѣ съ тѣмъ злого постоянства. Такъ и свѣтился въ ихъ черныхъ маленькихъ глазкахъ твердый характеръ неприрученнаго еще звѣрка, который и самъ не будетъ просить пощады, но и другого не пощадитъ. Какъ нельзя болѣе къ характеру японца примѣнимо высказанное однимъ изъ знатоковъ этого народа мнѣніе о склонности японцевъ къ принятію христіанства. Христіанство,—говоритъ онъ,—отъ своихъ послѣдователей требуетъ души человѣческой, но у японцевъ души нѣтъ, а есть только внутренности.

Прибывшіе въ Пекинъ дессанты размѣстились всѣ по посольствамъ, причемъ 30 человѣкъ отъ французовъ и 10 человѣкъ отъ итальянцевъ составили отдѣльный отрядъ, который подъ начальствомъ французскаго унтеръ-офицера отправленъ былъ въ католическую миссію Бей-Тангъ для охраны собравшихся тамъ миссіонеровъ съ епископомъ A. Favier, сестеръ милосердія и китайцевъ - христіанъ. На долю этого отряда выпала самая тяжелая борьба, которую онъ съ честью выдержалъ: совершенно отрѣзанный отъ европейцевъ, Бей-Тангъ два мѣсяца про-

держался одинъ противъ осаждавшихъ и громившихъ изъ пушекъ его стѣны полчищъ китайцевъ! Всѣ дессанты раздѣлились по группамъ: часть австрійцевъ, итальянцевъ и французы составили первую группу, нѣмцы — вторую, японцы и вторая часть итальянцевъ и австрійцевъ—третью группу, американцы и русскіе — четвертую и англичане — пятую. Русскіе и американцы, будучи сосѣдями, сдружились другъ съ другомъ съ перваго же дня, что̀ вполнѣ понятно: съ перваго же дня имъ пришлось идти рука объ руку все время, быть подъ огнемъ на баррикадахъ, вмѣстѣ умирать на глазахъ другъ у друга отъ китайскихъ пуль и грудью отстаивать однѣ и тѣ же стѣны. Американцы, какъ болѣе нервные и впечатлительные, рѣзче и нагляднѣе выказывали свою пріязнь къ русскимъ: на стѣнѣ американцы предлагали раздѣлить съ русскими свой завтракъ, угощали русскихъ кофе, нѣкоторые даже учили русскихъ читать по-англійски, и я видѣлъ самъ, съ какимъ интересомъ и терпѣніемъ американецъ писалъ англійскія слова, а русскій старался ихъ запоминать и выговаривать. Англичанъ американцы терпѣть не могли, считали ихъ трусами, хвастунами и очень комично объясняли свой взглядъ на отношенія американцевъ и русскихъ къ англичанамъ. Похлопывая по плечу русскаго матроса, американецъ говорилъ, подкрѣпляя свою рѣчь мими-

кой: «нѣмецъ не хорошъ, англичанецъ плохъ, русскій хорошъ, американецъ хорошъ; русскіе и американцы бумъ - бумъ англичанъ», — т. е. Россія и Америка будутъ союзниками въ войнѣ съ Англіей, русскіе съ американцами будутъ вмѣстѣ стрѣлять въ англичанъ. Нѣмцевъ американцы не долюбливали за то, что нѣмцы впослѣдствіи не выдержали на стѣнѣ и оставили ее въ самую горячую и опасную пору.

Между американцами и русскими, когда уже началась война, состоялось какъ бы взаимное соглашеніе мстить китайцамъ за каждаго раненаго или убитаго русскаго и американца. Когда 22-го іюля во дворѣ Русско-китайскаго банка при кладкѣ баррикады рабочими китайцами былъ смертельно со стѣны раненъ наблюдавшій за работами русскій матросъ Арабатскій, то американцы поклялись за него убить пятерыхъ китайцевъ. Просидѣли они цѣлый день, пе сходя со стѣны, и къ вечеру могли выслѣдить только троихъ китайскихъ солдатъ, которыхъ и убили. Недостача же двухъ до того огорчила американцевъ, что они стали просить разрѣшенія у своего начальника убить для полноты счета двухъ мирныхъ китайцевъ, которые показываются на улицахъ за стѣной, убѣждая, что это навѣрно боксеры, временно снявшіе свои красныя повязки. Разрѣшеніе однако дано не было, и американцы добыли двѣ намѣченныя

жертвы на другой уже день. Съ другими дессантами русскимъ не приходилось близко соприкасаться, исключая нѣмцевъ, съ которыми они были въ хорошихъ отношеніяхъ, ходили разъ на помощь въ нѣмецкое посольство, когда китайцы одно время направили туда всю силу своихъ нападеній. Англичане ни съ кѣмъ не были въ хорошихъ отношеніяхъ, держали себя со всѣми свысока.

Всѣ мы, русскіе, ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ прибытія нашего дессанта; для меня же лично прибытіе дессанта имѣло еще особое значеніе. Дѣло въ томъ, что, прослуживъ пять лѣтъ въ Пекинѣ, я до того разстроилъ свое здоровье, что долженъ былъ съ семьею выѣхать въ маѣ мѣсяцѣ въ отпускъ въ Россію. Всѣ вещи наши были уложены, ящики крѣпко заколочены, чтобы тронуться въ путь. Извѣстіе о дессантѣ задержало меня. Я имѣлъ уже опытъ 1898 года, когда былъ также вызванъ дессантъ въ 75 человѣкъ матросовъ и казаковъ, и дессантъ этотъ пришелъ въ Пекинъ безъ врача, имѣя только одного фельдшера съ походнымъ ранцемъ лѣкарствъ первой помощи. Какъ только дессантъ вошелъ во дворъ посольства и размѣстился въ помѣщеніяхъ, то оказалось, что изъ казаковъ прямо съ коня легли на койку трое тифозныхъ, вышедшіе уже больными изъ Портъ-Артура, въ которомъ свирѣпствовала въ то время тифозная

эпидемія. Въ теченіе первой недѣли изъ 35-ти человѣкъ казаковъ лежало тифозными восемь человѣкъ, о другихъ амбулаторныхъ больныхъ я уже не говорю. По счастію, смута въ Пекинѣ 1898 года не имѣла того остраго характера, какой она пріобрѣла въ 1900 году, и дессанту пришлось провести зиму въ покоѣ, такъ что большинство солдатъ поправились, пополнѣли и поздоровѣли. Но насколько было тяжело мое положеніека, какъ врача, имѣющаго заразныхъ больныхъ при условіи неимѣнія для нихъ соотвѣтствующей обстановки для ухода, понятно каждому. Теперь шелъ, правда, дессантъ изъ матросовъ, условія жизни которыхъ и санитарной обстановки столь же были далеки отъ условій жизни казаковъ, какъ небо и земля, но теперь и время было другое, теперь дессантъ шелъ не «на военную прогулку», а на тяжелое дѣло. Думалось мнѣ, что съ дессантомъ идетъ и военный врачъ. Какъ я желалъ этого! Тогда я съ семьей могъ бы со спокойной совѣстью оставить Пекинъ. Надежды мои однако не сбылись: дессантъ въ 72 человѣка пришелъ съ однимъ только фельдшеромъ и даже безъ санитара. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы отправиться въ отпускъ, я счелъ своей обязанностью, имѣя отпускъ въ карманѣ, отправиться къ посланнику и доложить ему, что при настоящихъ тревожныхъ обстоятельствахъ и прибытіи дессанта безъ врача я не считаю

себя въ правѣ оставить Пекинъ. Такъ я сталъ не только врачомъ миссіи, но и военнымъ врачомъ при дессантѣ, съ которымъ пробылъ все время въ стѣнахъ миссіи, съ нимъ же вмѣстѣ вышелъ изъ Пекина 19-го августа. Всѣ мои вещи, такъ крѣпко уложенныя въ ящики, первыми легли въ основу баррикады, устроенной для защиты русской колоніи въ помѣщеніи, отведенномъ для нея въ англійскомъ посольствѣ.

Матросы всѣ пришли молодцами и дали только нѣсколько человѣкъ больныхъ вслѣдствіе переутомленія послѣ длиннаго и тяжелаго перехода по сушѣ. Фельдшеръ Вольфритъ, латышъ, молчаливый и работящій, оказался полезнымъ помощникомъ, такъ какъ для больныхъ не столько необходимо было лѣченіе, сколько правильный уходъ и соотвѣтствующее питаніе. Лазаретъ для больныхъ былъ очень удобный и состоялъ изъ двухъ комнатъ, взятыхъ отъ заслуженнаго учителя китайскаго языка въ русскомъ посольствѣ сянъ-шена Ли, 72-хъ-лѣтняго старца. Комнатки были свѣтлыя, оклеенныя свѣжими обоями, и на окна я повѣсилъ голубыя занавѣски, чтобы придать помѣщенію веселый, уютный видъ. Такъ какъ больнымъ была необходима прежде всего діета, то, назначивъ разныя меню, въ которыхъ главную роль игралъ масляный перловый супъ, пока не получалась возможность перейти на мясныя порціи, я выполненіе этого меню и приго-

товленіе кушаній отдалъ подъ наблюденіе Вольфрита, слѣдившаго на общей матросской кухнѣ за порядкомъ и правильностью доставки порцій. Слуги у насъ уже всѣ разбѣжались, и намъ самимъ приходилось перебиваться, кое-какъ. Къ началу враждебныхъ дѣйствій всѣ больные выздоровѣли.

VI.

Появленіе боксеровъ.—Назначеніе въ охрану китайскихъ отрядовъ по Посольской улицѣ.—Моя поѣздка въ Бей-гуань .— Сожженіе боксерами православной церкви въ Дун-динь-ань и скаковаго круга близь Пекина.—Прибытіе въ Пекинъ отряда дун-фу-сянъ. Начальники десантовъ приняли планъ дѣйствій.—Китайскіе ночныс патрули.—Назначеніе цринца Туана главнымъ министромъ.—Письмо изъ Калгана.

Движеніе боксеровъ въ первыхъ числахъ мая мѣсяца выказало опредѣленно составленную ими программу дѣйствій, твердо поставленную цѣль, состоявшую въ объединеніи всѣхъ ихъ силъ въ Шандунской и Чжилійскій провинціяхъ. Ясно было для каждаго мыслящаго человѣка, что Тяньцзинъ и Пекинъ поставлены на первую очередь въ движеніи боксеровъ. Для многихъ изъ насъ было уже достаточно ясно, что движеніе это обѣщаетъ быть не только серьезнымъ политическимъ движеніемъ для внутренней жизни Китая, но что оно станетъ опаснымъ народнымъ движеніемъ

для всѣхъ европейцевъ,—движеніемъ, конецъ котораго и послѣдствія трудно было даже предугадать. При началѣ движенія все сводилось лишь къ вопросу, какъ будутъ держать себя китайскія войска и китайское правительство. Относительно китайскихъ войскъ сомнѣній не было; всѣ признавали, что это самый опасный, разбойничій, распущенный и нищенскій въ то же время элементъ, одинаково страшный какъ для китайскаго мирнаго населенія, такъ и для европейцевъ. Не было сомнѣнія, что большая часть изъ нихъ примкнетъ къ враждебному движенію противъ европейцевъ не столько изъ-за идей, сколько ради грабежа. Что же касается китайскаго правительства, то мы думали, что оно будетъ настолько благоразумнымъ, что не дастъ развиться этому опасному для него самого движенію и остановить его во-время. Правительство китайское располагало для этого достаточными силами болѣе или менѣе обученнаго европейскими инструкторами войска, дисциплинированнаго, порядочнаго по своему внутреннему составу, находившемуся подъ начальствовъ генераломъ Не-ши-чэна и Юан-ши-кая, расположенныхъ къ европейцамъ и понимавшихъ необходимость для Китая общенія съ Европой. Но правительство, какъ это выяснилось впослѣдствіи, будучи нерѣшительно вначалѣ, примкнуло затѣмъ видимо къ движенію боксеровъ, и само стало направлять его

по столь опасному для себя пути непосильной борьбы съ европейскими войсками. Для насъ, невольныхъ обитателей Пекина, тяжелое время жизни началась съ 25-го мая, когда всѣ имѣющіе очи, чтобы видѣть, видѣли, что противоевропейское движеніе приняло уже угрожающіе размѣры, что оно направляется твердою рукою. До 25-го мая положеніе наше было довольно сносно, населеніе Пекина было спокойно и волновалось лишь массой слуховъ и небылицъ, которые распускали боксеры о своихъ чудодѣйственныхъ силахъ, да любопытствомъ въ отношеніи европейцевъ, которые оставались спокойны, живы и нисколько не мѣняли своего образа жизни. Населеніе несомнѣнно сочувствовало идеѣ боксеровъ, такъ какъ оно далеко не безразлично относилось къ тому униженному положенію, въ которомъ очутился Китай, ихъ родина, страна, гдѣ находятся могилы ихъ предковъ; населеніе, несомнѣнно, вѣровало въ боксеровъ, но, не получая указаній отъ правительства, оставалось спокойнымъ, не выражало явно враждебныхъ отношеній. До 22-го мая сообщеніе между Пекиномъ и Тянь-цзиномъ было свободно, но въ ночь на 22-е мая оно прекратилось, такъ какъ боксеры начали уже разрушать желѣзнодорожный путь и порвали телеграфную проволоку, а въ ночь съ 23-го на 24-е мая сожгли и разграбили желѣзнодорожную станцію Ан-динь, четвертую отъ Тянь-цзина. Еще

въ первыхъ числахъ мая, когда только начались усиленные толки о движеніи боксеровъ въ окрестностяхъ Пекина, когда стало усиливаться народное движеніе по Посольской улицѣ и посланники стали совѣщаться, чтобы рѣшить вопросъ о вызовѣ дессантовъ для охраны посольствъ, а отъ китайскаго правительства стали требовать огражденія европейцевъ на улицахъ отъ народной толпы, то китайское правительство проявило все видимое стараніе къ безопасности европейцевъ; у каждаго посольства у воротъ были поставлены пикеты китайскихъ солдатъ съ копьями на бамбуковыхъ палкахъ и красными кистями у мѣста, гдѣ копье насажено на древко. Но эти воины вызывали только насмѣшки, настолько они были комичны на своихъ постахъ. Все время они проводили или лежа у воротъ на циновкахъ, которыя постилали на землю, или играли въ карты и кости (домино) или же, снявъ съ себя форменное одѣяніе, и оставшись полуголыми, занимались поискомъ въ одеждѣ насѣкомыхъ. Оружіе же свое, копья, далеко ставили отъ себя. Когда же настало тревожное время, то эта охрана стала опасна, такъ какъ, несомнѣнно, среди нея было много боксеровъ, которые могли поджечь посольство; поэтому сами европейцы просили убрать эту стражу совершенно отъ посольствъ. Съ началомъ безпорядковъ на желѣзной дорогѣ отъ 14-го мая прави-

тельство поставило уже для охраны европейской улицы отряды регулярнаго войска изъ дивизіи генерала Чжун-лу, вооруженныхъ новенькими Манлихеровскими ружьями и прилично одѣтыхъ въ куртки бѣлаго цвѣта съ синими окраинами. Солдаты были въ обшемъ добродушно настроены, были всѣ молоды, встрѣчались между ними даже юноши лѣтъ 15-ти. Такая же охрана войсками поставлена была и на вокзалѣ, на станціи желѣзной дороги въ Пекинѣ. Но на станціи эта охрана не проявляла дружелюбнаго расположенія къ европейцамъ, а совершенно наоборотъ, выражала свою враждебность и притомъ весьма оригинально, по-китайски. Въ Пекинѣ застряли нежданно-негаданно для себя нѣсколько европейцевъ, пріѣхавшихъ или какъ туристы, или по торговымъ дѣламъ изъ Тянь-Цзина. Отправившись одинъ разъ на станцію узнать, будетъ ли поѣздъ изъ Тянь-Цзина, они, стоя на платформѣ, охраняемой китайскими солдатами, были буквально съ головы до ногъ заплеваны ими, что солдаты продѣлывали спокойно, молча. Въ самомъ Пекинѣ вблизи европейскихъ зданій и храмовъ стали появляться многолюдныя сборища толпы. Въ скоромъ времени и мнѣ лично пришлось попасть въ китайскую толпу, возбужденную слухами о готовящихся событіяхъ и жадно ждавшую этихъ событій. Произошло это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ русскомъ по-

сольствѣ въ Пекинѣ есть церковь, существующая уже болѣе 200 лѣтъ, въ которой въ праздничные дни происходитъ служеніе пріѣзжающимъ для этого нарочно изъ духовной миссіи іеромонахомъ. Въ четвергъ, 25 мая, литургію и молебенъ совершалъ въ посольской церкви вмѣсто о. Авраамія архимандритъ о. Иннокентій, который сообщилъ мнѣ послѣ обѣдни, что о. Авраамій сильно занемогъ и просилъ меня навѣстить бóльного. Въ два часа я выѣхалъ въ китайской телѣгѣ на Сѣверное Подворье (Бей-гуань). Путь до Бей-гуаня лежитъ по самымъ люднымъ пекинскимъ улицамъ; но меня поразило то безлюдье, та тишина, которая царила теперь. Населеніе будто вымерло: опустѣли балаганы, въ которыхъ толпились слушатели уличныхъ разсказчиковъ народныхъ сценъ, опустѣли уличныя закусочныя, въ которыхъ всегда было и людно, и шумно. Однимъ словомъ, пекинскія улицы потеряли свою характерную, типичную, обыденную физіономію. Всѣ улицы я проѣхалъ благополучно, но какъ только свернулъ на открытую площадь, по которой надо проѣхать къ духовной миссіи, то былъ изумленъ неожиданнымъ явленіемъ: со всѣхъ сторонъ бѣжали черезъ площадь китайцы, главнымъ образомъ подростки, направляясь къ миссіи. Безъ преувеличенія можно сказать, что люди сыпались, какъ горохъ. Увидавъ меня, нѣкоторые изъ мальчугановъ

остановились и начали продѣлывать, обращая ко мнѣ, выбрасыванія рукъ впередъ, сжатыхъ въ кулаки, производя тѣ характерныя «кулачныя упражненія», о которыхъ говорилось въ изданномъ указѣ по поводу возникающихъ народныхъ смутъ и обнародованномъ въ столичномъ «Пекинскомъ Вѣстникѣ». Чѣмъ ближе подъѣзжалъ я къ миссіи, тѣмъ гуще становилась толпа. Я недоумѣвалъ, что это значитъ, и первая моя мысль была та, что боксеры уже сдѣлали нападеніе на миссію, пользуясь отсутствіемъ архимандрита. Въ это время, вижу, бѣжитъ ко мнѣ Митрофанъ, китаецъ-псаломщикъ, и прерывающимся отъ волненія голосомъ говоритъ: «архимандритъ велѣлъ сказать, много язычникъ около Бей-гуань; лучше ѣхать назадъ». Повернуть назадъ, конечно, было легко, но на мнѣ лежала обязанность ѣхать впередъ, и я велѣлъ, хотя и съ жуткимъ чувствомъ, двинуться дальше, полагаясь на волю Божію. Продвинувшись впередъ, когда открылись передо мной стѣны Бей-гуаня, я увидалъ высокую фигуру о. архимандрита съ посохомъ въ рукѣ, окруженнаго густой толпой китайцевъ, надъ которой онъ возвышался на цѣлую голову; о. архимандритъ шелъ навстрѣчу ко мнѣ. Выйдя изъ телѣги, я встрѣтился съ о. архимандритомъ, который разсказалъ мнѣ, что, пріѣхавъ за полчаса до меня, онъ былъ буквально ошеломленъ той народной массой, которая тол-

пилась вокругъ и у воротъ миссіи и страшно галдѣла, но вела себя мирно. Даже на деревья вокругъ стѣнъ влѣзли любопытные и все смотрѣли во дворъ миссіи черезъ стѣны и все чего-то ждали.

Подойдя къ воротамъ миссіи, я увидалъ стоявшихъ троихъ китайскихъ солдатъ, присланныхъ охранять миссію; при взглядѣ на нихъ, я не могъ удержаться, чтобы не разсмѣяться, дотого они были комичны и неподходящи къ даннымъ обстоятельствамъ. Это были три старика, безъ всякаго, конечно, оружія, и притомъ одинъ уже снялъ съ себя форменную куртку и стоялъ полуголый, отыскивая въ своей одеждѣ насѣкомыхъ; другой невозмутимо обмахивался вѣеромъ, а третій, сидя на корточкахъ, раскуривалъ свою трубочку. Пройдя къ больному о. Авраамію, я пробылъ у него минутъ 40, стараясь убѣдить его переселиться къ намъ въ посольство, чтобы я могъ имѣть постоянное наблюденіе за ходомъ его болѣзни; затѣмъ зашелъ къ о. архимандриту, такъ что прошло не болѣе часа времени, пока я вышелъ обратно на улицу; но картина уже рѣзко измѣнилась: площадь была почти пуста, а нѣсколько рослыхъ и здоровыхъ полицейскихъ солдатъ разгоняли немногихъ оставшихся любопытныхъ. Такія сборища народа объяснялись тѣмъ, что уже были распространены объявленія отъ боксеровъ, назначившихъ поджогъ и разрушеніе православной миссіи въ Бей-гуанъ на 27-е мая

и часовни на православномъ кладбищѣ на 29-е мая. Между тѣмъ въ Пекинѣ событія стали быстро принимать все болѣе и болѣе грозный характеръ. Въ четырехъ верстахъ отъ Пекина въ ночь на 24-е мая было сдѣлано нападеніе на селеніе христіанъ-китайцевъ, при чемъ убиты были англійскіе миссіонеры Робертсонъ и Нордманъ, а также убиты были и католическіе миссіонеры. Мая 25-го въ селеніи Дун-динь-ань, въ 70-ти верстахъ отъ Пекина, боксеры сожгли православный храмъ и вблизи этого селенія двѣ американскихъ епископальныхъ миссіи. Бѣглецы изъ Дун-динь-аня говорили, что ихэтуанцы вошли въ селеніе въ шесть часовъ пополудни, совершили на площади при факелахъ моленіе, послѣ чего часть ихъ тотчасъ же облила храмъ горючимъ веществомъ, и онъ моментально вспыхнулъ отъ прикосновенія факеловъ, а другая часть напала на дома христіанъ и также предала ихъ сожженію. Большинство христіанъ-китайцевъ разбѣжалось, и были убиты немногіе; въ числѣ убитыхъ оказалось и нѣсколько язычниковъ, которые были подозрѣваемы въ сочувствіи христіанамъ. Въ Пекинѣ слухи стали распространяться все тревожнѣе и тревожнѣе: расклеены прокламаціи, назначающія дни поджоговъ, а 27-го мая, раннимъ утромъ, боксеры сожгли зданія на скаковомъ кругу, въ 8-ми верстахъ отъ Пекина, убили жившихъ тамъ сторожа съ сыномъ,

старика-китайца и 15-тилѣтняго юношу, и бросили обезглавленные ихъ трупы въ огонь. Вблизи скакового круга (Ма-чанъ) жило нѣсколько семей китайцевъ-католиковъ,—всѣ они убиты. Въ Пекинѣ распространяется слухъ, что на 27-е и 28-е мая назначено нападеніе на посольства. Для насъ эти дни представляли несомнѣнную опасность, такъ какъ были днями праздника, посвященнаго, богу войны и покровителю Китая Гуанъ-лао-ѣ и патрону императорской китайской династіи. Гуанъ-лао-ѣ чтится всѣмъ народомъ, въ честь Гуанъ - лао - ѣ устраиваются жертвоприношенія, общественныя моленія, и боксеры легко могли возбудить народъ къ враждебному нападенію на европейцевъ. Въ виду этихъ событій и слуховъ ежедневно происходили совѣщанія посланниковъ; начальники десантовъ собирались на военный совѣтъ и вырабатывали сообща планъ дѣйствій. Волненіе распространялось и въ народѣ. Толпы народа запружали нашу улицу, но держали себя спокойно, и только иногда тотъ или другой прохожій бросалъ взглядъ, полный ненависти. Многіе уже видѣли по улицамъ, особенно вблизи людныхъ площадей и воротъ, боксеровъ въ ихъ типичной одеждѣ съ красными повязками на головѣ, въ красныхъ кушакахъ, съ ножами и саблями. Въ отвѣтъ на представленіе посланниковъ о происходящихъ смутахъ, со стороны китайскаго правительства въ офиціальной газетѣ появился указъ

слѣдующаго содержанія: «Намъ стало извѣстно, что бездомные бобыли ходятъ по улицамъ съ ножами, производятъ безчинства и нападаютъ на христіанъ. Поэтому повелѣваемъ изъ дивизіи генерала Чжун-лу выдѣлить отряды, пѣшіе и конные, которые ходили бы патрулями и виновныхъ задерживали и наказывали». Въ этотъ же день, 27-го мая, вошли въ Пекинъ конныя войска дивизіи генерала Дунфусяна, прибывшія незадолго изъ западныхъ провинцій Или и Кашгара. Въ этотъ же день войска эти себя выказали со стороны, враждебной европейцамъ. Профессоръ русскаго языка въ китайскомъ университетѣ г. Бородавкинъ отправился верхомъ для занятій въ университетъ и встрѣтилъ на улицѣ проходящіе отряды Дунфусяна. Не желая смѣшиваться съ ними, г. Бородавкинъ придержалъ свою лошадь, чтобы пропустить солдатъ, но дунфусянцы стали хохотать надъ нимъ, насѣдать на него, а затѣмъ схватили его лошадь подъуздцы, ударили ее нѣсколько разъ по головѣ кулакомъ и, завернувъ обратно, съ хохотомъ сказали: «Что тебѣ жизнь не мила, что ты ѣдешь». 28-го мая тѣ же дунфусянцы, встрѣтивъ, какъ передавали, бельгійскаго секретаря на улицѣ, не только удержали его лошадь, но побили и его самого. Съ этого дня началось хожденіе усиленныхъ патрулей китайскихъ чиновниковъ и полицейскихъ по улицамъ, а городскую стѣну заняли китайскія войска. День 27-го числа прошелъ спо-

койно, но съ шести часовъ вечера изъ-за стѣны, изъ китайскаго города, стало доноситься до нашего слуха необычайное китайское галдѣнье и невообразимый шумъ, сопровождаемый трескомъ и грохотомъ пускаемыхъ ракетъ. Кѣмъ-то при этомъ распространенъ былъ слухъ, что дунфусянцы готовятся сами напасть на миссіи, а мы именно всего болѣе и боялись дунфусянцевъ, отчаянныхъ головорѣзовъ. Въ виду этого слуха всѣ посты у насъ въ посольствѣ были удвоены, на крышахъ зданій поставлены были часовые для наблюденій, заказано было спѣшно приготовить лѣстницы къ стѣнамъ; лѣстницы эти должны были служить и для наблюденій, и для защиты въ случаѣ нападенія; кромѣ того, рѣшено начать заготовлять мѣшки съ землею, чтобы строить баррикады. Начальники военныхъ десантовъ, собравшись на совѣтъ, выработали слѣдующій планъ обороны: такъ какъ всѣ посольства расположены отдѣльными группами, то и защита распадается на три самостоятельныя части: посольства бельгійское, австрійское и итальянское, находясь въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, защищаются совмѣстно, помогая одно другому; посольства нѣмецкое и французское защищаются совмѣстно, такъ какъ находятся одно противъ другого и составляютъ одну линію; японскій десантъ ушелъ для защиты сада Су-ванъ-фу, въ которомъ помѣщено

до тысячи душъ спасенныхъ христіанъ-католиковъ съ женщинами и дѣтьми; американское, русское и англійское посольства, находящіяся въ одной мѣстности, защищаются также совмѣстно, составляя одну территорію и помогая взаимно другъ другу. Независимо отъ этого англійское посольство признано центральнымъ. Если австрійскій десантъ не въ силахъ будетъ устоять противъ китайцевъ, то онъ оставляетъ свое посольство и переходитъ на усиленіе французскаго во французское посольство. То же самое и относительно итальянскаго десанта. Если бы не въ силахъ были устоять французскій и нѣмецкій десанты, то они уходятъ въ англійское посольство, совмѣстно съ австрійскимъ и итальянскимъ. Англійскій посланникъ сэръ Клодъ Макдональдъ избранъ главнокомандующимъ всѣми соединенными силами и направляетъ изъ десантовъ помощь въ тѣ мѣста, въ которыхъ защитники наиболѣе нуждаются. Американскій десантъ защищаетъ американское посольство, но если будетъ не въ силахъ бороться съ китайцами, то отступаетъ въ русское посольство и вмѣстѣ съ русскими до послѣдней возможности защищаетъ русское посольство, которое является ключомъ позицій трехъ посольствъ. Если бы американцы и русскіе не въ силахъ были удержаться въ русскомъ посольствѣ, то они уходятъ въ англійское, и здѣсь уже должна рѣшиться

судьба европейцевъ, здѣсь долженъ быть последній бой съ врагомъ на жизнь и смерть. Многіе выражали рѣшеніе живыми не отдаваться въ руки китайцевъ, и если гибель будетъ неминуема, то покончить сперва со своими близкими, а послѣднюю пулю оставить себѣ. Извѣстіе, что китайскія войска заняли городскую стѣну, господствовавшую надъ всѣми посольствами, которыя были всѣ какъ на ладони, было для насъ непріятнымъ сюрпризомъ. Чтобы китайскія войска защищали насъ, къ этому мы относились подозрительно, но что они со стѣны будутъ избивать насъ, это было почти несомнѣнно. Въ районѣ русско-американской защиты находилось и отдаленное голландское посольство, дать которому охрану не представлялось, однако, никакой возможности, и Русско-китайскій банкъ. Такъ какъ въ Русско-китайскомъ банкѣ были и семейные служащіе съ дѣтьми, то рѣшено было, что при первой же тревогѣ семьи банковскихъ служащихъ подъ защитою семи русскихъ матросовъ переходятъ въ американскую миссію, смежную стѣнами, чрезъ которыя былъ продѣланъ ходъ со двора банка, а изъ американской миссіи переходятъ въ русскую, а затѣмъ въ англійскую. Такъ какъ американскій десантъ привезъ съ собою пулеметъ, то на него и возложена была обязанность держать Посольскую улицу въ чистотѣ, очищая ее отъ напора толпы китайской

или китайскаго пѣшаго войска. Англичане съ двумя пушками должны были держать въ чистотѣ улицу вдоль канала, не допуская по ней нападенія. Съ вечера 27-го мая начались усиленные китайскіе обходы патрулей, которые такъ и просятся въ оперетку. Обходъ патрулей совершался каждые два часа и сопровождался слѣдующей церемоніей. Впереди шелъ глашатай съ зажженнымъ фонаремъ, на которомъ выдѣлялась большая красная надпись имени чиновника, совершающаго обходъ; глашатай оралъ во все горло: «Пришелъ великій господинъ (имярекъ), напримѣръ, Дацинъ-лао-ѣ-лайля». Вслѣдъ за глашатаемъ шло нѣсколько пѣшихъ служителей съ фонарями, за которыми ѣхала обычная китайская телѣга съ возсѣдавшимъ въ ней чиновникомъ. Шествіе замыкалось опять нѣсколькими служителями съ фонарями. Иногда встрѣчалось два обхода, идущихъ съ противоположныхъ концовъ улицы. Тогда оба чиновника одновременно вылѣзали изъ телѣгъ, одновременно и на равныхъ разстояніяхъ отъ своихъ телѣгъ подходили другъ къ другу, дѣлали одновременно книксенъ одинъ другому, вынимали свои полномочія, затѣмъ опять дѣлали книксенъ и, не спѣша, уходили къ своимъ телѣгамъ, одновременно влѣзали въ нихъ и одновременно отправлялись каждый въ свою сторону. Церемоніи въ Китаѣ составляютъ, послѣ культа почитанія предковъ, второй культъ, пе-

редъ которымъ не отступитъ ни одинъ китаецъ. Если бы одинъ чиновникъ на минуту опередилъ другого, то нанесъ бы ему кровную обиду, а вѣжливость у китайца прежде всего. Весело расходятся огоньки фонарей, крики глашатаевъ стихаютъ, и улица временно погружается въ тишину, но не надолго. Приближается стукъ по деревянному пустому барабану палочками, выбивающими одну и ту же деревянную ноту «та, та, та, та, та, та, та, та». Это идетъ полицейскій обходъ, который совершается обычно каждые три часа, начиная отъ 8-ми часовъ вечера и до 5-ти часовъ утра. Здѣсь идетъ впереди обычно съ фонаремъ въ рукахъ мальчуганъ, за нимъ шествуетъ полицейскій, на шеѣ котораго виситъ деревянное лукошко, составляющее барабанъ, по которому онъ и колотитъ палочками. Шествіе замыкаетъ опять мальчуганъ съ фонаремъ. Кромѣ этихъ обходовъ, совершается каждую ночь повѣрка военныхъ постовъ. Китайскій офицеръ верхомъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ всадниковъ, предшествуемый также именнымъ фонаремъ, проѣзжалъ мимо посольствъ. Всѣ солдаты выстраивались въ шеренгу и дѣлали ему книксенъ, а затѣмъ спокойно ложились спать, держа только всегда большой зажженный фонарь съ наименованіемъ той части, къ которой принадлежали солдаты. Всѣ патрули, обходы, дежурный по карауламъ

офицеръ, — всѣ они были безъ оружія. Какой счастливой Аркадіей отзывалась вся эта безобидная, мирная и спокойная охрана насъ, европейцевъ, отъ нашихъ враговъ, спокойно располагавшихся лишь за стѣной китайскаго города. Такимъ образомъ дни 27-го и 28-го мая и ночи, вопреки прокламаціямъ боксеровъ и народной молвы, прошли вполнѣ благополучно. Мая 29-го обнародованъ былъ новый императорскій указъ, который былъ для насъ также неожиданнымъ сюрпризомъ. Князь Дуанъ (Туанъ)-ванъ, отецъ наслѣдника престола Пу-Цзюна, назначался главнымъ государственнымъ канцлеромъ. Князь Туанъ давно былъ извѣстенъ какъ непримиримый врагъ европейцевъ и руководитель и глава боксеровъ. Назначеніе его на такой отвѣтственный государственный постъ пробовали объяснить тѣмъ, что князь Туанъ всегда былъ противникомъ европейцевъ и всегда обвинялъ въ трусости всѣхъ министровъ цзумъ - ли - ямена, которые дѣлали уступки европейскимъ министрамъ и подчинялись европейскому вліянію. Онъ былъ энергичный представитель старой консервативной китайской партіи. Назначеніемъ князя первенствующимъ членомъ цзумъ-ли-ямена императрица, быть можетъ, желала ознакомить его со всѣми дѣлами и съ современнымъ положеніемъ Китая; быть можетъ, она хотѣла дать князю Туану случай самому лично убѣдиться, какъ тяжело вести

сношенія съ европейцами, какъ трудно не подпасть подъ вліяніе, не дѣлать уступокъ требованіямъ европейскихъ представителей. Какое значеніе имѣло назначеніе Туанъ-вана канцеромъ, это выяснилось впослѣдствіи, теперь же стало извѣстно, что вновь сформированный цзумъли-яменъ состоялъ изъ семи членовъ консервативной и явно враждебной европейцамъ старой китайской партіи, при чемъ трое изъ нихъ, по слухамъ, были явные руководители и послѣдователи ихэтуанскаго движенія, и только одинъ членъ министерства, престарѣлый князь Цинь-цинь-ванъ былъ умѣренно либеральнымъ, расположеннымъ къ европейцамъ. Но голосъ его, одинокій посреди враждебныхъ голосовъ, не могъ, конечно, имѣть никакого значенія и вѣса.

Враждебное движеніе быстро охватывало населеніе Пекина и проявлялось рядомъ непріязненныхъ дѣйствій во вредъ европейцамъ. Такъ, 28-го мая было уже прервано телеграфное сообщеніе Пекина съ Тянь-Цзинемъ, а 30-го мая прекратилось сообщеніе черезъ Калганъ на Кяхту, и мы были совершенно отрѣзаны и оторваны отъ Европы, отъ всего живого. Китайцы-христіане были объяты страхомъ за свою жизнь, такъ какъ надо было заранѣе ожидать, что имъ пощады не будетъ. Многіе изъ христіанъ-китайцевъ желали выѣхать изъ Пекина, но ихъ не выпустили; многіе желали поселиться у своихъ родственниковъ

въ другой части города, но и родные не приняли къ себѣ своихъ родныхъ, объясняя свой отказъ страхомъ за послѣдствія, которыя навлечетъ на нихъ месть боксеровъ за сокрытіе у себя христіанъ. Китайцы были убѣждены, что ожидаемые десанты придутъ, возьмутъ подъ своей охраной всѣ посольства и всѣхъ европейцевъ изъ Пекина и уйдутъ, а китайцы-христіане должны будутъ остаться; вотъ тогда-то и начнется избіеніе всѣхъ китайцевъ-христіанъ и ихъ друзей. Волненіе, однако, шло далеко и за Пекинъ. Я получилъ письмо отъ 1-го іюня съ нарочнымъ изъ Калгана, въ которомъ мнѣ сообщалъ Н. Н. Шулынгинъ слѣдующее: «Дождя нѣтъ; вся трава и посѣвы выгорѣли; народъ стонетъ отъ бездождья. Богъ знаетъ, что будетъ. Въ Монголіи также стоитъ засуха, но прошелъ слухъ, что будто былъ хорошій дождь; монголы оживились. Нѣсколько дней тому назадъ страшное волненіе пошло въ народѣ, грозились, что рѣзать будутъ, но затѣмъ слухи остановились и смѣнились другими, что русскіе, въ виду голоднаго времени, дали работу расчистить Дабанъ и сдѣлать двѣ ширококолейныхъ дороги. Дѣйствительно, отправители чая рѣшили собирать на поправку Дабана по одному фыну съ монгола и уже начали; это, кажется, и остановило напоръ ихэтуанцевъ (боксеровъ). Слуховъ здѣсь бездна; императорскія войска будто отказываются стрѣлять, ихэтуанцы будто заговариваютъ

ружья,—пули ихъ не убиваютъ. Здѣсь я видѣлъ самъ одного гипнотизера, который загипнотизировалъ мальчика лѣтъ восьми и что-то внушалъ ему. Вообще же населеніе настроено враждебно». Въ Пекинѣ тревожное настроеніе среди европейскаго общества начало проявляться съ 23-го мая, когда въ городъ стали входить толпы боксеровъ. Среди женщинъ и дѣтей нервность проявлялась чувствомъ страха, безсонницей, предчувствіями близкой смерти. Изъ дамъ нѣкоторыя спали не раздѣваясь, да и сонъ былъ тревожный. Дѣти часто вскакивали посреди ночи съ криками ужаса съ постели, такъ какъ имъ снились тяжелыя грезы съ боксерами, пожарами, убійствами. Нерѣдко приходилось слышать жалобы, что точно тяжесть какая налегла на душу, что вотъ непремѣнно ожидаешь чего-то ужаснаго, и это что-то преслѣдуетъ и наяву, и во снѣ. Впечатлительность, у дѣтей особенно, сильно повысилась. Такъ, одна дѣвочка восьми лѣтъ увидала, что рабочіе японцы влѣзли на столбы для исправленія проволоки электрическаго освѣщенія, но подъ вліяніемъ разсказовъ, что боксеры будутъ разрушать стѣны и зданія, она, страшно блѣдная и испуганная, прибѣжала къ родителямъ и сообщила, что боксеры уже лѣзутъ на крыши домовъ. Другой мальчикъ до того поддался мысли, что боксеры нападутъ на насъ ночью и что намъ суждено погибнуть, что, ложась въ постель, съ

вечера приготовлялъ большой ножъ, а ночью вставалъ и, держа ножъ въ рукѣ, тотчасъ же становился у двери при малѣйшемъ шумѣ, при всякомъ стукѣ, доносившемся съ улицы. Обычные взрывы ракетъ, на которые прежде не обращали никакого вниманія, теперь казались выстрѣлами изъ орудій; всякій людской гамъ на улицѣ заставлялъ ожидать нападенія... Тревожное настроеніе среди членовъ русской колоніи заставило ихъ запасаться, на всякій случай, оружіемъ, которое думали нѣкоторые получить въ видѣ винтовокъ изъ посольства. Но винтовокъ имъ не выдали, а предложили переселиться изъ своихъ жилищъ подъ защиту посольства, въ которомъ, на всякій случай, и было приготовлено помѣщеніе для семейныхъ и холостыхъ. Но молодые люди, служащіе въ Русско-китайскомъ банкѣ, провели только двѣ ночи подъ гостепріимнымъ кровомъ посольства, а затѣмъ перешли охранять Русско-китайскій банкъ, въ которомъ заняли какъ внутренніе во дворѣ, такъ и наружные наблюдательные посты на улицѣ. Семейные же служащіе изъ банка перешли въ посольство съ вечера 30-го мая. Душевное наше настроеніе стало безусловно тягостнымъ съ 1-го іюня, когда боксеры выступили открыто противъ европейцевъ, начавъ свою борьбу пожарами и поджогами. Со стороны китайскаго правительства мы уже не разсчитывали на охрану, особенно послѣ

одного изъ разговоровъ съ китайскими министрами, которые успокаивали европейцевъ тѣмъ, что всѣ мѣры приняты, что доклады сдѣланы и надо ожидать резолюцій. «Ну, а если насъ всѣхъ перерѣжутъ?»—спрашивали китайскихъ министровъ. — «О, это будетъ большое несчастіе!» — отвѣчали они, и отвѣтъ этотъ звучалъ не только не утѣшительно, но заставлялъ скорѣе думать, что къ этому и было все направлено.

Тѣмъ не менѣе, указы, имѣвшіе цѣлью успокоить тревожное чувство европейцевъ, появлялись въ «Столичномъ Пекинскомъ Вѣстникѣ». Указъ отъ 1-го іюня гласилъ слѣдующее: «Разбойники боксеры за послѣднее время были причиною безпорядковъ въ окрестностяхъ Пекина, пока наконецъ и въ самомъ Пекинѣ не возникли безпорядки. Мы неоднократно издавали указы, выражавшіе ясно наши приказанія, для опубликованія; приказывали также различнымъ военнымъ начальникамъ, стоящимъ въ Пекинѣ или около него, положить конецъ этимъ безпорядкамъ, и все-таки имѣются и теперь случаи поджоговъ и убійствъ. Злонамѣренные люди постоянно распускаютъ слухи подъ предлогомъ мщенія обращеннымъ (т. е. христіанамъ). Въ результатѣ получилось то, что нѣкоторые наши хорошіе солдаты были увлечены и смотрятъ на наши указы, какъ на нѣчто легко обходимое. Хорошіе граждане всего болѣе стараются возбудить патріо-

тизмъ; гдѣ же примѣры въ исторіи, доказывающіе, что анархія среди населенія усиливаетъ государство? Мы разузнали, что въ рядахъ боксеровъ много разбойниковъ, которые соревнуютъ другъ съ другомъ въ грабежахъ и разбоѣ. Мы уже командировали Канъ-и и другихъ въ разныя мѣста имперіи, чтобы сообщить всѣмъ наши доброжелательныя намѣренія, дабы возстановить спокойствіе. Пусть боксеры, которые уже вступили въ союзъ, разойдутся и будутъ довольны. Ясно, что различные случаи убійствъ и грабежа есть дѣло предателей, и одинъ только фактъ, что человѣкъ былъ причиной безпорядковъ, заставляетъ насъ смотрѣть на него, какъ на плохого подданнаго. Эти вредные элементы должны быть истреблены, — милости болѣе уже невозможно оказывать. Мы приказываемъ Сунъ-цзюну командировать Ма-юй-хуня поспѣшно въ столицу и принять всѣ мѣры, чтобы словить всѣхъ разбойниковъ въ окрестностяхъ Пекина. Важно, чтобы были задержаны предводители, подчиненнымъ же дозволяется разойтись. Строго воспрещается военнымъ пользоваться этими происшествіями, какъ предлогомъ, для учиненія безпорядковъ, и мы надѣемся, что имперія очистится отъ предателей, чтобы добрые граждане могли жить въ мирѣ». Въ той же газетѣ черезъ нѣсколько дней, а именно 4-го іюня, появился второй указъ слѣдующаго содержанія: «За послѣд-

нее время народъ и христіане стараются возбудить вражду между собою, и ругательства сыплются съ обѣихъ сторонъ. Бродяги неоднократно пользовались случаемъ для поджоговъ и грабежей. Всѣ иностранныя посольства должны быть оберегаемы. Чжунъ-лу приказано выбрать собственныхъ солдатъ и идти немедленно въ Посольскую улицу и энергично пользоваться своимъ авторитетомъ. Онъ всѣми силами долженъ оберегать пословъ. Если они и ихъ семейства желаютъ отправиться на время въ Тянь-Цзинь, ихъ должно конвоировать по дорогѣ. Желѣзнодорожный путь разрушенъ, путешествіе въ телѣгахъ очень трудно и надо опасаться, что нельзя будетъ оказать защиту въ достаточной мѣрѣ. Самое лучшее поэтому оставаться здѣсь и ждать, когда желѣзную дорогу исправятъ, и тогда поступать по обстоятельствамъ».

Несмотря на эти указы, въ Пекинъ входило все болѣе и болѣе боксеровъ; стали раздаваться военные сигналы раковинъ въ войскахъ Чжунъ-лу и трубъ въ войскахъ Дунъ-фу-сяна, а начиная съ 30-го мая стали жужжать, какъ пчелы, пролетавшія черезъ посольства пули. Надвигалась черная, грозная туча; край ея нависъ уже надъ нами, а конца тучи не было видно...

VII.

Движеніе международнаго дессанта на Пекинъ.—Опасенія китайскаго правительства.—Убійство японскаго чиновника.—Тревожное настроеніе.—Сигналы за стѣной.—Слухи о судьбѣ международнаго отряда.—Движеніе адмирала Сеймура на освобожденіе Пекина.

Извѣстіе о выходѣ изъ Тянь-Цзина въ Пекинъ втораго международнаго дессанта сильно встревожило китайское правительство.

Вечеромъ 29-го мая во всѣ посольства пріѣзжали два министра изъ цзунгъ-ли-ямыня съ просьбой не вводить въ Пекинъ вновь вызванные дессанты, а остановить ихъ въ томъ мѣстѣ, до котораго они дошли. Вмѣстѣ съ тѣмъ министры предлагали посольствамъ выѣхать изъ Пекина подъ надежной охраной китайскихъ солдатъ вплоть до встрѣчи съ дессантами. Когда согласія на это предложеніе не послѣдовало, то китайскіе министры заявили, что китайское правительство никогда не согласится и не допуститъ вступленія въ Пекинъ

вновь вызванныхъ дессантовъ. Министры были очень холодно отпущены и, вопреки всѣмъ церемоніямъ, никто изъ чиновниковъ ихъ не провожалъ до телѣгъ, оставленныхъ ими во дворѣ. Дессанта мы всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ, посылали развѣдчиковъ-китайцевъ для встрѣчи съ отрядомъ, посылали вызывавшихся ѣхать съ телеграммами въ Тянь-Цзинъ. Охотники ѣхать находились и очень недорого; такъ, трое китайцевъ согласились за 30 долларовъ, по 10-ти долларовъ на человѣка, свезти въ Тянь-Цзинъ телеграммы и привезти отвѣты. Сообщеніе было настолько еще свободно, что, дѣйствительно, они возвратились и сообщили, что видѣли дессантъ на пути, что́ дессантъ ѣдетъ въ пяти поѣздахъ, мѣстами останавливается и исправляетъ дорогу. Послѣдніе посланцы-китайцы принесли однако извѣстіе, которое насъ встревожило: они сказали, что могли совершенно свободно проѣхать только 30 верстъ отъ Пекина, а далѣе ихъ не пропустили боксеры, которые стояли на небольшихъ разстояніяхъ другъ отъ друга человѣкъ по 20-ти. Но мы все-таки вѣрили, что двухтысячный дессантъ съ пушками пробьется сквозь толпы боксеровъ. Насъ смущали только свѣдѣнія, которыя мы имѣли отъ англичанъ, что адмиралъ Сеймуръ не любитъ торопиться, что вообще онъ отличается медлительностью, а тѣмъ болѣе теперь, когда нужна была особая поспѣшность, не время было зани-

маться исправленіемъ пути, а надо было идти и быстро идти къ Пекину. Тѣмъ не менѣе всѣ мы твердо ожидали прибытія дессанта 30-го или 31-го мая. Особенно были увѣрены японцы, что дессантъ ихъ придетъ 30-го мая. Всѣ посольства заготовили телѣги, которыя должно было послать для дессанта, а японцы въ 4 часа пополудни 30-го мая отправили встрѣчать свой дессантъ на станцію Мадзяпу молодого, всего лишь два мѣсяца какъ прибывшаго въ Пекинъ, драгомана. По всѣмъ улицамъ Пекина, гдѣ были европейцы, и у городскихъ воротъ стояли военные китайскіе патрули, которымъ, какъ мы узнали впослѣдствіи, отданъ былъ приказъ никого изъ европейцевъ не впускать въ ворота Пекина и не выпускать изъ воротъ. Когда японскій драгоманъ подъѣхалъ къ первымъ воротамъ манчжурскаго города, извѣстнымъ подъ именемъ Цянь-мыньскихъ, онъ былъ остановленъ, и ему, какъ разсказывали, предложено было, въ силу приказанія китайскаго правительства, возвратиться; но онъ не исполнилъ предложенія стражи, состоявшей изъ мирной полиціи и солдатъ пекинскаго гарнизона, и проѣхалъ чрезъ ворота въ китайскій городъ. Хотя и въ китайскомъ городѣ было громадное движеніе, но онъ благополучно доѣхалъ до вторыхъ воротъ, ведущихъ уже изъ стѣнъ китайскаго города на путь по направленію къ станціи желѣзной дороги. Караулъ у китайскихъ воротъ держали солдаты дунъ-фусянцы.

На ихъ грубое требованіе повернуть обратно японскій драгоманъ отвѣчалъ отказомъ, и когда дуньфусянцы схватили его мула подъ уздцы и со смѣхомъ повернули обратно, то японскій чиновникъ выскочилъ изъ телѣги и хотѣлъ пройти чрезъ ворота, но былъ схваченъ солдатами и убитъ. Прискакавшій назадъ китаецъ-возница разсказалъ объ этомъ печальномъ, взволновавшемъ всѣхъ насъ, происшествіи, и сообщилъ, что солдаты набросились на японца и перерѣзали ему горло ножомъ. Такимъ образомъ первая жертва китайской ненависти къ европейцамъ былъ японецъ. Это убійство доказало, что китайцы вовсе не боятся японцевъ, какъ это высказывали нѣкоторые изъ нихъ, утверждавшіе, что страхъ у китайцевъ передъ японцами послѣ японо-китайской войны такъ великъ, что японцамъ въ Пекинѣ нечего бояться со стороны китайцевъ какихъ-либо насилій. Часъ спустя и отъ насъ выѣхали на станцію съ повозками трое казаковъ въ надеждѣ встрѣтить дессантъ, но казаки нашли уже ворота манчжурскаго города запертыми и возвратились въ посольство съ сообщеніемъ, что за воротами въ китайскомъ городѣ началось возмущеніе. Извѣстіе это заставило всѣхъ насъ приготовиться ко всѣмъ случайностямъ и разобрать винтовки и патроны. Никто изъ насъ уже не ложился спать въ эту ночь; мы, мужчины, вооруженные оставались все время во дворѣ, а наши семьи съ

этого вечера уже не раздѣваясь ложились въ постель, готовыя по первой тревогѣ выйти изъ жилищъ подъ защиту англійскаго посольства. Ночь прошла тревожно; съ 8-ми час. вечера сталъ доносится изъ-за стѣнъ, изъ китайскаго города, невообразимый шумъ голосовъ, словно надвигался грозный прибой бушующаго моря; среди общаго людскаго шума ясно выдѣлялись временами отдѣльные рѣзкіе, чьи-то властные голоса, чьи-то крики, которые то стихали, то снова росли; все это вдругъ покрывалось нѣсколькими ружейными выстрѣлами, сигналами раковинъ, издающихъ протяжный, унылый, однообразный звукъ и употребляющихся вмѣсто трубъ въ пѣхотныхъ войскахъ Чжунъ-лу. По улицамъ манчжурскаго города, безлюднымъ и тихимъ, вдругъ раздавался топотъ коня, грохотъ несущейся телѣги, покрываемые отчаяннымъ собачьимъ лаемъ. Весь этотъ какъ бы надвигающійся грозный рокотъ мятежнаго народнаго моря проявлялъ ту ужасающую стихійную силу, отъ которой нѣтъ спасенія, если она хлынетъ на такую горсть людей, какой представлялись мы въ этомъ клокочущемъ морѣ. Живо представлялась мнѣ эта неудержимая человѣческая волна, которая принимала при приближеніи къ намъ образъ живого звѣря съ окровавленной пастью, готовая ринуться, чтобы растерзать еще новую жертву. По нашей улицѣ и въ нашихъ посольствахъ царила мертвая тиши-

на; съ безоблачнаго голубого и звѣзднаго неба лился безмятежный лунный свѣтъ, на которомъ выдѣлялись такъ рельефно черные силуэты нашихъ часовыхъ, стоявшихъ, какъ бы застывшими статуями, со сверкающими въ переливахъ луннаго свѣта штыками винтовокъ, плотно стиснутыхъ сильными руками. Съ 31-го мая положеніе наше становилось все тяжелѣе и безотраднѣе. Ежедневно боксеры входили значительными отрядами въ Пекинъ; начались боксерами поджоги европейскихъ домовъ, оставленныхъ хозяевами, выселившимися въ англійскую миссію. Мы все-таки со дня на день ожидали прибытія отряда адмирала Сеймура, такъ какъ по ночамъ слышали отдаленную пушечную пальбу изъ европейскихъ орудій, видѣли ракеты, которыя примѣняются въ европейскихъ войскахъ, видѣли сигнализацію электрическимъ фонаремъ и наивно убѣждали себя, что это европейскій соединенный отрядъ, который отдыхаетъ знойнымъ днемъ и идетъ прохладной ночью, разгоняя боксеровъ и китайскія войска, извѣщаетъ насъ о своемъ движеніи. Въ англійскомъ посольствѣ было даже вывѣшено объявленіе, что въ ночь на 31-е мая насчитано было 72 выстрѣла изъ европейскихъ орудій! Увы,—все это былъ самообманъ. Мы оказались вполнѣ несвѣдущими въ знаніи Китая и его вооруженій. Но всего курьезнѣе было то, что въ англійскомъ посольствѣ прочли

даваемые электрическіе сигналы и объявили, что значеніе ихъ: «Мы скоро будемъ», а англійскіе офицеры заявляли, что такая сигнализація впервые примѣнена была англичанами въ войнѣ съ бурами при осадѣ Ледисмита. Такимъ образомъ, казалось, было неопровержимо, что отрядъ адмирала Сеймура близко, что англійская часть отряда поддерживаетъ насъ и извѣщаетъ о себѣ. Нѣмцы занялись даже приготовленіемъ отвѣтныхъ полевыхъ ракетъ, которыя и пустили ночью съ городской стѣны, чтобы дать вѣсть въ свою очередь и о себѣ. Отвѣта на ракету нѣмцевъ хотя и не было, но электрическая сигнализація продолжалась еще ночи двѣ; продолжалась каждую ночь и пушечная пальба, доносившаяся до насъ все въ одномъ и томъ же направленіи и въ одномъ и томъ же разстояніи. Пришлось однако скоро оставить намъ розовыя надежды на приходъ соединеннаго отряда, такъ какъ 2-го іюня было получено письмо отъ капитана 2-го ранга Чагина, начальника русскаго отряда, который писалъ изъ Ланфана, что соединенный отрядъ движется на Пекинъ, занимаясь исправленіемъ дороги, а 8-го іюня отъ англичанъ мы узнали, что свѣдѣнія ими получены очень печальныя о положеніи соединеннаго отряда адмирала Сеймура. Стало извѣстно, что весь соединенный отрядъ окруженъ полчищами боксеровъ, что онъ отрѣзанъ совершенно отъ Тянь-Цзина, что пробиться въ Пекинъ нѣтъ

никакой возможности, что отрядъ терпитъ во всемъ, а особенно въ продовольствіи, громадныя лишенія, что онъ окопался въ безводномъ мѣстѣ, что у него много убитыхъ и раненыхъ, что положеніе самого отряда крайне безвыходное. Это извѣстіе сразу заставило и насъ самихъ понять, что мы всѣ теперь находимся во власти китайцевъ, что всѣ мы стоимъ на порогѣ смерти, что надѣяться на быстрый приходъ войскъ нѣтъ никакой возможности, зная, какое всегда идетъ политическое соревнованіе и недовѣріе у державъ изъ-за каждаго лишняго солдата. Всѣ мы ясно понимали, что только одна Японія можетъ быстро переправить въ Китай 20-ти тысячный корпусъ, а этого количества было бы вполнѣ достаточно, чтобы скорымъ маршемъ дойти до Пекина и освободить насъ; но всѣ мы также отлично понимали, что одной Японіи не дадутъ остальныя державы права самостоятельно двинуть свои войска для нашего освобожденія. Въ первый разъ мы взглянули серьезными глазами прямо на наше почти безвыходное положеніе, поняли, что мы покинуты и предоставлены самимъ себѣ, да на волю Божію. Обидное, горькое чувство заговорило въ душѣ, когда отчетливо стали передъ глазами женщины и дѣти, обреченныя на смерть, и навѣрно мученическую, варварскую смерть...

Мы такъ твердо вѣровали въ приходъ соединеннаго международнаго отряда адмирала Сей-

мура, мы столько пережили надеждъ, разочарованій и опасеній, что его судьба сблизила и сроднила насъ; поэтому нахожу вполнѣ подходящимъ со словъ участниковъ въ этомъ отрядѣ, выдержавшихъ также тяжелое испытаніе и борьбу, разсказать все, что было съ отрядомъ со дня выступленія его изъ Тянь-Цзина. Мы получили въ посольствѣ извѣстіе, что утромъ 28-го мая выступилъ изъ Тянь-Цзина въ Пекинъ по желѣзной дорогѣ международный соединенный отрядъ подъ начальствомъ англійскаго адмирала Сеймура. Но въ этомъ отрядѣ было только сто русскихъ матросовъ подъ начальствомъ лейтенанта Заботкина, другіе же 262 человѣка присоединились къ нему сутками позже, такъ какъ изъ Портъ-Артура они вышли вечеромъ 27-го мая. Дессантъ былъ посланъ съ судовъ: съ крейсера 1-го ранга «Адмиралъ Корниловъ», съ эскадренныхъ броненосцевъ «Петропавловскъ» и «Наваринъ», съ крейсера «Дмитрій Донской». Въ дессантѣ были офицеры: мичманъ Ник. Плат. Кехли, мичманъ Кноррингъ, мичманъ Левъ Ник. Зельгеймъ; при орудіяхъ былъ Петръ Никол. Пель. Дессантъ сопровождалъ врачъ съ «Дмитрія Донского» Ал. Ал. Островскій и фельдшеръ Н. Н. Шепетовскій. Съ дессантомъ отпущено было два орудія Барановскаго. Утромъ 28-го мая дессантъ прибылъ на рейдъ въ Таку и тотчасъ же на англійскомъ

контръ-миноносцѣ «Fame» былъ доставленъ въ Тонгку, гдѣ находится станція желѣзной дороги. Правильнаго желѣзнодорожнаго сообщенія уже не существовало, такъ что дессантъ въ Тянь-Цзинъ могъ прибыть только въ 6 часовъ вечера. По пути въ Тянь-Цзинъ все было спокойно и ничто не указывало на надвигающіяся событія. Прибывшій дессантъ размѣстился на ночлегъ въ одномъ помѣщеніи съ ранѣе прибывшимъ въ Тянь-Цзинъ дессантомъ съ «Корейца», съ «Дмитрія Донского», съ «Сисоя Великаго» и съ «Россіи». Здѣсь прибывшіе узнали, что утромъ 28-го мая международный отрядъ адмирала Сеймура уже выступилъ по желѣзной дорогѣ въ Пекинъ и что въ этомъ отрядѣ ушелъ русскій дессантъ въ 100 человѣкъ подъ начальствомъ лейтенанта Заботкина. Переночевавъ въ Тянъ-Цзинѣ, прибывшій дессантъ утромъ 29-го мая также выѣхалъ по желѣзной дорогѣ на соединеніе съ вышедшимъ наканунѣ отрядомъ адмирала Сеймура. Когда отрядъ прибылъ въ 9 часовъ утра на станцію въ Тянь-Цзинъ, то нашелъ уже поѣздъ готовымъ, но безъ паровоза. Такъ какъ паровозъ долго не подавался, а желѣзнодорожные агенты толковали о необходимости какого-то особаго разрѣшенія отъ вице-короля, то рѣшено было достать паровозъ самимъ. Мичманъ Зельгеймъ съ десятью матросами отправился въ па-

ровозное депо, гдѣ нашелъ слабо нагрѣтый паровозъ. Бывшіе здѣсь машинисты-китайцы и кочегаръ отказались наотрѣзъ привести паровозъ въ готовность. Вслѣдствіе этого отказа машинистомъ паровоза назначенъ былъ механикъ-французъ, а китайцы-кочегары начали работать подъ наблюденіемъ русскихъ матросовъ. Такимъ образомъ къ часу дня паровозъ былъ поданъ къ поѣзду. Не обошлось при этомъ безъ курьеза въ чисто китайскомъ вкусѣ: когда паровозъ былъ поданъ, то явился китайскій чиновникъ отъ вице-короля съ сообщеніемъ, что разрѣшеніе взять паровозъ дано. Взявъ пассажирскіе билеты и уплативъ стоимость проѣзда отъ Тянъ-Цзина до Пекина, русскій отрядъ размѣстился по вагонамъ, и поѣздъ тихимъ ходомъ, въ видахъ предосторожности, отошелъ отъ станціи. Пройдя вполнѣ благополучно около тридцати миль, съ поѣзда увидали стоявшую на пути большую толпу, которая не расходилась, несмотря ни на даваемые свистки, ни на требованія разойтись. Тогда приказано было дать ружейный залпъ надъ головой толпы. Услышавъ свистъ пуль у себя надъ головами, толпа разбѣжалась, и поѣздъ могъ продолжать путь далѣе. Чѣмъ далѣе уходилъ поѣздъ, тѣмъ болѣе стали встрѣчаться слѣды разрушенія: будки и казармы желѣзнодорожныхъ служащихъ стояли разбитыми, наконецъ стали попадаться и обезглавленные ихъ трупы, валявшіеся часто око-

ло своихъ жилищъ. Видимо, что здѣсь уже хозяйничали боксеры, начавшіе разрушеніе желѣзнодорожнаго пути и избравшіе первыми жертвами своего изувѣрства ни въ чемъ неповинныхъ тружениковъ, считая ихъ слугами европейцевъ. Подойдя къ большой станціи Янцунъ, расположенной на рѣкѣ Пейхо, вблизи громаднаго китайскаго селенія, русскій встрѣтили здѣсь полкъ регулярной китайской пѣхоты, вооруженной по-европейски и принадлежащей къ дивизіи генерала Неши-чэна, одного изъ немногихъ дѣльныхъ китайскихъ генераловъ. Войска были выставлены для охраны станціи и желѣзнодорожнаго самаго большого моста черезъ рѣку Пейхо отъ боксеровъ. Пройдя станцію и мостъ, отрядъ встрѣтилъ разрушеніе болѣе полное: телеграфная проволока оборвана, телеграфные столбы мѣстами вырваны, далѣе они были срублены, а еще далѣе сожжены. Шпалы и рельсы отъ второго пути выворочены и выброшены. Вблизи второй станціи, Лофа, опять лежало много обезглавленныхъ китайскихъ труповъ, у которыхъ были отрублены головы руки и ноги. Это были снова несчастныя жертвы европейской цивилизаціи, желѣзнодорожные служащіе. Не доѣзжая станціи Лофа на пути замѣченъ былъ встрѣчный паровозъ, который оказался посланнымъ въ Тянь-Цзинъ отъ адмирала Сеймура. Такъ какъ разойтись на одномъ пути было нельзя, то русскій поѣздъ долженъ былъ вернуться снова

на станцію Янцунъ, гдѣ и пропустилъ паровозъ впередъ, а самъ двинулся обратно и достигъ въ 8 часовъ вечера благополучно станціи Ланфанъ, гдѣ и присоединился къ международному отряду адмирала Сеймура. Весь отрядъ размѣщался въ пяти поѣздахъ. Въ первомъ поѣздѣ, который назывался рабочимъ, находились строительные матеріалы; передъ паровозомъ впереди, на платформѣ, была поставлена пушка. Слѣдующій за рабочимъ поѣздъ былъ занятъ англійскимъ десантомъ въ 500 человѣкъ; третій поѣздъ занимали нѣмцы, также 500 человѣкъ; четвертый—опять англичане: морская пѣхота и матросы по 200 человѣкъ; пятый поѣздъ былъ смѣшанный и состоялъ изъ 200 американцевъ, 100 французовъ, 100 японцевъ, 100 русскихъ, 50 итальянцевъ и 25 австрійцевъ. Вновь прибывшій поѣздъ, русскій, былъ шестымъ; въ скоромъ времени въ него перешли 100 русскихъ изъ смѣшаннаго поѣзда и составили отдѣльный свой русскій отрядъ. Адмиралъ Сеймуръ поставилъ себѣ цѣлью исправлять желѣзнодорожный путь и дойти по немъ до Пекина, но не принялъ во вниманіе того, что боксеры, несомнѣнно, станутъ разрушать путь какъ впереди него, дабы не допустить его войти въ Пекинъ, такъ и позади него, дабы отрѣзать отъ Тянь-Цзина. Планъ окружить соединенный отрядъ адмирала Сеймура и уничтожить его былъ задуманъ боксерами, а затѣмъ поддержанъ регуляр-

ными китайскими войсками весьма удачно, но, по счастью, противники были китайцы, которые не имѣли ни энергіи, ни хорошихъ предводителей, а потому, несмотря на массы народа, дѣйствовавшаго лишь какъ стадо безъ пастыря, они не были въ состояніи выполнить свой такъ правильно и удачно составленный планъ. Не будь это китайцы, несомнѣнно весь соединенный отрядъ долженъ былъ бы погибнуть. Исправленіе пути производилось слѣдующимъ образомъ. Подъ охраною вооруженнаго отряда, назначаемаго каждый день по очереди отъ каждой національности, двигался рабочій поѣздъ впередъ версты на двѣ и исправлялъ путь. Когда путь былъ исправленъ, то продвигались по немъ впередъ всѣ поѣзда дальше. Чѣмъ далѣе продвигались поѣзда, тѣмъ болѣе путь оказывался испорченнымъ, а взятые строительные матеріалы приходили къ концу. Приходилось поэтому для исправленія перваго пути предварительно вырывать самимъ шпалы и рельсы изъ втораго пути, что, конечно, очень задерживало движеніе впередъ и затрудняло работу. Охрана рабочаго поѣзда и поѣзда съ войсками состояла днемъ въ слѣдующемъ: на разстояніи 50-ти саженъ другъ отъ друга и на 50 шаговъ въ сторону отъ поѣзда съ обѣихъ сторонъ ставились часовые съ подчасками. Ночью кромѣ этой охраны назначался еще ре-

зервъ отъ каждой части и выдвигались часовые съ подчасками впередъ на 150 шаговъ. Кромѣ того ставились еще пикеты, которые должны были видѣть часовыхъ. Цѣль назначенія подчасковъ на помощь часовымъ была двоякая: во-первыхъ, они доносили по начальству обо всемъ, что было замѣчено часовыми, а во-вторыхъ, часовымъ, при общей напряженности нервной системы, не такъ было жутко стоять на часахъ. Резерву разрѣшалось спать при оружіи. Постоянныя ночныя тревоги, часто напрасныя, страшно ослабляли и разстраивали нервы у всѣхъ. Работая такимъ образомъ, отрядъ исправилъ вполнѣ желѣзнодорожный путь до станціи Лофа 30-го мая. Сообщеніе съ Тянь-Цзиномъ было свободное. На станціи Лофа оставленъ былъ гарнизонъ изъ 60-ти человѣкъ англичанъ при офицерѣ и двухъ пулеметахъ. Англичане укрѣпили станцію, поставили на одной изъ ея башенъ пушку и назвали станцію «Эндиміонъ фортъ» по имени своего корабля. Фортъ былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ; остальные же поѣзда всѣ стояли у станціи Ланфанъ. Но такъ какъ въ отдаленіи начали уже показываться группы боксеровъ, то для охраны пути въ Лофу былъ посланъ изъ Ланфана русскій поѣздъ. Придя на разсвѣтѣ въ Лофу, русскіе выставили ночные посты, но скоро ихъ сняли, такъ какъ уже разсвѣло, и возвратились обратно къ соединенному отряду.

День и ночь 30-го прошли спокойно. Русскій поѣздъ несъ сторожевую службу, находясь въ движеніи между станціями Лофа и Ланфанъ. Не обходилось, конечно, безъ непріятныхъ приключеній, хотя путь до Ланфана и былъ исправленъ. Русскій поѣздъ, отойдя на небольшое разстояніе отъ Лофы, сошелъ съ рельсовъ, по счастью, безъ несчастій съ людьми. Сошли только средніе вагоны, и много труда стоило поднять ихъ. Станцію Ланфанъ заняли гарнизономъ 60 человѣкъ нѣмцевъ, также при офицерѣ и двухъ пулеметахъ, и назвали ее «Гефіонъ-фортъ». День 31-го мая прошелъ спокойно, но вечеромъ была сдѣлана боксерами первая попытка нападенія на отрядъ. Попытка ихъ, однако, окончилась полной неудачей: послѣ перваго же залпа толпа разбѣжалась, оставивъ на мѣстѣ убитыхъ и раненыхъ. Убитые и раненые всѣ были или подростки въ возрастѣ 12—15-ти лѣтъ, или старики. У всѣхъ у нихъ были красные кушаки или красныя повязки на ногахъ. Вечеромъ того же 31-го мая нѣмцы и русскіе, чтобы оградить себя отъ ночныхъ нападеній боксеровъ, отправились брать близлежащую отъ пути деревню. Населеніе все разбѣжалось заранѣе, деревня занята была безъ выстрѣла, сожжена и разрушена. Вообще было постановлено всѣ деревни, лежащія по пути отъ Янцуна сожигать и разрушать въ тѣхъ

же видахъ осторожности. Первая серьезная атака боксеровъ на поѣзда была произведена 1 іюня. Изъ близлежащей рощицы спереди и слѣва отъ поѣздовъ вышли боксеры; нѣкоторые изъ нихъ были вооружены ружьями и произвели до 20-ти выстрѣловъ. Выйдя изъ рощи, боксеры стремительно бросились на часовыхъ, которые и отступили. На поѣздахъ дали тревогу, и всѣ отряды выстроились по обѣимъ сторонамъ вагоновъ и открыли по боксерамъ огонь. Огня боксеры не выдержали и побѣжали назадъ, оставивъ убитыми на мѣстѣ 160 человѣкъ. Одѣты боксеры были или въ обычное синее китайское платье, другіе были полуголые, но у всѣхъ ихъ были также надѣты красные кушаки или красные наколѣнники, или просто красныя тесемки на ногахъ. И здѣсь боксеры были или подростки, или старики; средняго возраста почти не встрѣчалось. Въ 12 часовъ дня боксеры сдѣлали вторую атаку на итальянскихъ часовыхъ. Изъ той же рощицы выбѣжали человѣкъ сто боксеровъ и устремились на пятерыхъ итальянцевъ, стоявшихъ на часахъ. Итальянцы стали стрѣлять, но боксеры, не обращая никакого вниманія на выстрѣлы, неслись на солдатъ. Видя, что остановить выстрѣлами боксеровъ нельзя, часовые побѣжали къ поѣздамъ, но были настигнуты боксерами и на виду у всѣхъ изрублены саблями. Одинъ

италіянецъ былъ утащенъ въ траву, и тамъ нашли послѣ его трупъ, обращенный въ безформенную бито-рубленную массу. Отъ поѣздовъ часовые находились саженяхъ во ста; поѣзда въ то время слегка двигались, и войска были въ вагонахъ. Нападеніе боксеровъ было настолько стремительно и неожиданно, что не было никакой возможности послать часовымъ помощь во-время, хотя поѣзда и были остановлены, и по тревогѣ отряды приготовились къ бою. Боксеры, не останавливаясь, столь же стремительно бросились на поѣзда, но были встрѣчены ружейными залпами и перебиты всѣ до одного. Въ этотъ же день, въ три часа, боксеры атаковали станцію Лофа, сдѣлавъ нападеніе съ ея задней стороны. Англійскій гарнизонъ прислалъ къ отряду дрезину съ просьбой о помощи. На подмогу были посланы 3-й и 4-й поѣзда. Когда поѣзда подошли, то боксеры, которыхъ было до трехъ тысячъ, не отступили, а ждали боя. Войска высадились изъ поѣздовъ и пошли на боксеровъ въ атаку двойными цѣпями, открывъ частый огонь. Огня боксеры не выдержали и побѣжали; ихъ преслѣдовали перебѣжками (т. е., отбѣжавъ нѣкоторое разстояніе, цѣпь останавливалась, дѣлала залпъ по боксерамъ и снова бѣжала вдогонку за ними, затѣмъ опять останавливалась, опять дѣлала залпъ и т. д.), но недалеко. Боксеровъ осталось убитыхъ болѣе двухъ сотъ человѣкъ.

Кромѣ того взято три знамени и много холоднаго оружія. Поѣзда на помощь пришли какъ разъ во-время, такъ какъ гарнизонъ Лофы разстрѣлялъ уже всѣ патроны. Русскій отрядъ находился подъ начальствомъ лейтенанта Заботкина, но перваго іюня прибылъ изъ Тянь-Цзина капитанъ 2-го ранга Чагинъ, русскій морской агентъ въ Японіи, и принялъ команду надъ отрядомъ, а 2-го іюня соединенный отрядъ былъ окончательно отрѣзанъ отъ Тянь-Цзина. Узнали это потому, что поѣздъ, посланный за провизіей въ Тянь-Цзинъ, вернулся обратно съ сообщеніемъ, что путь на далекое разстояніе испорченъ, что мѣстами шпалы и рельсы вывернуты, мѣстами на нихъ наложены груды камней или насыпаны кучи песку или земли. Несомнѣнно, что путь испорченъ до самаго Тянь-Цзина, такъ какъ генералъ Не-ши-чэнъ, охранявшій станцію Янцунъ и мостъ, ушелъ, а станція занята боксерами. Англичане въ этотъ день исправляли путь далѣе за Ланфанъ, а русскіе и французы отправились въ ближайшіе деревни добывать провизіи. Деревни оказались покинутыми жителями, а изъ продовольствія удалось найти лишь нѣсколько куръ и поросятъ. Вечеромъ этого же дня, въ 11 часовъ, пришелъ изъ Лофы поѣздъ со всѣмъ англійскимъ гарнизономъ. Прибывшіе сообщили, что Лофа атакована со всѣхъ сторонъ боксерами и удержаться гарнизону нѣтъ никакой возмож-

ности, почему гарнизонъ отступилъ и привезъ съ собою двоихъ раненыхъ. Адмиралъ Сеймуръ, крайне взволнованный отступленіемъ гарнизона, бросившаго свой постъ, предложилъ офицеру, начальнику гарнизона, немедленно возвратиться обратно въ покинутый «Эндиміонъ-фортъ» и не далъ даже никакого подкрѣпленія. Между тѣмъ боксеры съ большими предосторожностями заняли покинутую станцію; но не успѣли приступить къ ея разрушенію и порчѣ пути, какъ увидали идущій на нихъ поѣздъ съ войскомъ. Впечатлѣніе отъ бывшаго боя въ 11 часовъ и понесенныхъ боксерами потерь было настолько сильно, что они не стали даже ожидать высадки гарнизона, а тотчасъ же всѣ разбѣжались, предполагая, конечно, что это подошли новыя войска. Гарнизонъ снова вступилъ въ свой фортъ, найдя его нетронутымъ. Съ другой стороны боксеры ночью задумали сдѣлать нападеніе на нѣмцевъ. Пользуясь темнотою, боксеры ползкомъ стали подбираться къ нѣмецкимъ часовымъ, но, своевременно замѣченные нѣмцами, были перебиты. Съ 3-го іюня въ отрядѣ сталъ чувствоваться недостатокъ въ продовольствіи, почему рѣшено было начать выдавать уменьшенную порцію консервовъ. Вечеромъ этого же дня имѣло мѣсто слѣдующее грустное происшествіе съ частью русскаго отряда. Часовъ около восьми вечера русская рота вышла впередъ для

налива водой паровоза. Такъ какъ водокачка была испорчена, то вода добывалась ведрами изъ колодца, бывшаго впереди всѣхъ паровозовъ. Рабочіе-матросы были безъ оружія, а одинъ взводъ, составлявшій охрану, былъ вооруженный. Въ одиннадцать часовъ ночи цѣпь часовыхъ открыла огонь, а прибѣжавшій изъ цѣпи матросъ доложилъ начальнику, что изъ рощи слѣва ползутъ боксеры. Вслѣдъ за цѣпью часовыхъ справа и цѣпь часовыхъ слѣва также открыла огонь. Тогда приказано было часовымъ собраться къ взводу, а рабочимъ, бывшимъ безъ оружія, а также и паровозу, приказано было отправиться къ поѣзду. На поѣздахъ тѣмъ временемъ пробили тревогу. Рабочіе-матросы вмѣсто того, чтобы выстроиться и идти къ поѣзду строемъ, побѣжали вразсыпную. Англичане, спавшіе на открытыхъ платформахъ, схватились со сна за свои ружья и, не отдавая себѣ отчета, открыли ружейный огонь по направленію бѣгущихъ къ вагонамъ русскихъ, полагая, что это бѣгутъ китайцы, дѣлающіе нападеніе на поѣздъ. Вслѣдствіе такой роковой ошибки было убито двое русскихъ матросовъ, а ранено пятеро Одинъ изъ раненыхъ получилъ ударъ штыкомъ въ то время, когда пытался взлѣсть на платформу къ англичанамъ, и кричалъ: «руссъ, руссъ!» Но паника англичанъ была такъ велика, что они открыли огонь, не получая даже

приказанія отъ офицера. Среди матросовъ одинъ былъ раненъ очень тяжело: онъ получилъ четыре пулевыя раны съ раздробленіемъ плеча, такъ что пришлось отнять ему всю руку. Многіе изъ бѣжавшихъ матросовъ, по счастью, поняли опасность и остановились; вооруженный же взводъ офицеръ отвелъ совершенно въ сторону. Если бы этого не было сдѣлано, то жертвъ паники англичанъ было бы гораздо больше. Когда все выяснилось и успокоилось, то раненый въ плечо штыкомъ матросъ пришелъ къ своему офицеру и горько жаловался на англичанъ, говоря: «Нешто такъ дѣлаютъ? Воюемъ вмѣстѣ, союзно, а они штыкомъ? Я кричу имъ: «руссъ, руссъ, а онъ — знай меня штыкомъ. Такъ не можно. Вы скажите имъ, ваше благородіе». Перевязочный пунктъ устроили внутри вагона, выломавъ всѣ деревянныя части. Утромъ 4-го іюня всѣ поѣзда соединеннаго отряда пришли на станцію Лофа, гдѣ назначено было погребеніе убитыхъ. Насколько было возможно, обрядъ погребенія обставленъ былъ торжественно. Присутствовалъ весь, видимо смущенный, англійскій отрядъ, а отъ нѣмцевъ, французовъ, американцевъ, итальянцевъ было прислано по взводу. За неимѣніемъ священника заупокойныя молитвы читалъ начальникъ русскаго отряда капитанъ 2-го ранга Чагинъ, а пѣлъ составившійся хоръ изъ матросовъ. Послѣ похоронъ всѣ отряды вер-

нулись обратно на свои мѣста. Собранъ былъ въ этотъ день военный совѣтъ изъ командировъ дессантовъ, который и высказался за необходимость возвратиться въ Тянь-Цзинь. Рѣшеніе это основывалось на доходившихъ до отряда свѣдѣніяхъ какъ изъ Пекина, такъ и изъ Тянь-Цзиня. Свѣдѣнія эти сводились къ слѣдующему: 1) всѣ европейцы вырѣзаны въ Пекинѣ и всѣ миссіи сожжены; 2) всѣ европейцы подъ охраной китайскихъ солдатъ вышли изъ Пекина, но солдаты по дорогѣ ихъ бросили, а боксеры сдѣлали нападеніе и всѣхъ истребили; 3) Пекинъ окруженъ массой регулярнаго войска,—соединенному отряду едва ли возможно будетъ пробиться въ Пекинъ. Изъ Тянь-Цзиня получено было извѣстіе, что въ городъ вступилъ 12-й Восточно-сибирскій полкъ и казаки. Адмиралъ Сеймуръ все-таки колебался начать отступленіе; онъ все еще надѣялся пробиться въ Пекинъ и въ бесѣдѣ высказывалъ свое убѣжденіе, что европейцы живы, что должно идти выручить ихъ или погибнуть подъ стѣнами Пекина. Питая эту надежду, адмиралъ Сеймуръ выдвинулъ даже впередъ за Ланфанъ на развѣдку пути русскихъ и нѣмцевъ. Пройдя впередъ восемь верстъ, русскіе и нѣмцы увидали, что путь окончательно разрушенъ и кромѣ того здѣсь они встрѣтили кавалерійскіе китайскіе разъѣзды, которые открыли огонь по отряду. Нѣсколько залповъ передняго

взвода заставили однако китайцевъ разсѣяться. Продовольствія становилось все меньше и меньше, и 5-го іюня русскіе опять пошли на поиски провизіи, но кромѣ куръ и поросятъ ничего не добыли. Въ этотъ день главный отрядъ адмирала Сеймура ушелъ къ Лофѣ, чтобы предупредить англійскій гарнизонъ о своемъ движеніи впередъ и сдѣлать всѣ распоряженія, если бы отсутствіе затянулось надолго, а у Ланфана осталось около 800 человѣкъ. Въ три часа дня на оставшіеся поѣзда сдѣлано было первое нападеніе регулярныхъ китайскихъ войскъ. Нападенію предшествовало слѣдующее обстоятельство. Бывшіе на часахъ нѣмцы замѣтили на лѣсной опушкѣ какого-то подозрительнаго субъекта, одѣтаго въ бѣлый европейскій костюмъ. Часовой далъ знать офицеру, который приказалъ убить неизвѣстнаго. Данъ былъ залпъ, и неизвѣстный убитый оказался переодѣтымъ китайцемъ, несомнѣнно шпіономъ. Появленіе шпіона оказалось скоро понятнымъ. На оставшійся отрядъ, состоявшій изъ русскихъ, нѣмцевъ, японцевъ и одной роты англичанъ, сдѣлано было въ два часа дня нападеніе. Планъ китайцевъ состоялъ несомнѣнно въ томъ, чтобы отрѣзать сообщеніе главнаго отряда адмирала Сеймура съ оставшимся отрядомъ, а оставшійся отрядъ окружить со всѣхъ сторонъ и истребить. Приводить этотъ планъ въ исполненіе китайцы начали съ того, что нѣм-

цами замѣчено было множество китайцевъ въ то время, когда они ползли на желѣзнодорожный путь и начали его разрушать со стороны нахожденія главнаго отряда. Нѣмцы пустили въ дѣло пулеметы и разогнали китайцевъ, которые разбѣжались. Вскорѣ показались и регулярныя китайскія войска, которыя стали обходить поѣзда спереди, справа и слѣва и открыли по нимъ ружейный огонь. Тотчасъ по тревогѣ вызваны были изъ поѣздовъ отряды, которые и были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: первую линію, которая открыла огонь по непріятелю впередъ и слѣва отъ поѣздовъ, составили англичане; вторую линію, открывшую огонь по китайцамъ справа отъ поѣздовъ составили русскіе въ количествѣ двухъ ротъ; остальные русскіе, нѣмцы и японцы оставлены были въ резервѣ, изъ котораго посылалась помощь въ ту или другую сторону. Спустя небольшой промежутокъ времени показались новыя китайскія войска, которыя имѣли явное намѣреніе обойти отрядъ справа и зайти ему въ тылъ. Нѣмцы изъ резерва не допустили выполнить этотъ планъ и своими пулеметами отбросили китайцевъ. Одновременно съ движеніемъ китайцевъ въ обходъ справа и въ тылъ показались новые два батальона китайцевъ, которые, выйдя слѣва, вошли на самый путь и открыли огонь по паровозу и по англичанамъ спереди. Русскіе изъ ре-

зерва пришли на помощь къ англичанамъ и открыли огонь по китайцамъ. Не выдержавъ залповъ, китайцы отступили, очистили желѣзнодорожный путь и раздѣлились по обѣ стороны отъ полотна, войдя въ находившуюся здѣсь рощицу. Здѣсь они залегли за деревьями и въ травѣ, продолжая сыпать на поѣзда пулями, а противъ русскихъ справа выкатили пушку. Пришедшіе на помощь изъ резерва русскіе и нѣмцы со своими пулеметами скоро заставили замолчать пушку и стали выбивать китайпевъ съ ихъ линіи. Видя, что китайцы не выдерживаютъ правильнаго огня, вся европейская линія отрядовъ перешла въ наступленіе по направленію къ рощѣ, въ которой засѣли китайцы. Наступающій европейскій отрядъ былъ встрѣченъ изъ рощи градомъ пуль, и въ то же время слѣва отъ рощи показалась китайская конница. Видя, что дѣло принимаетъ крайне неблагопріятный оборотъ, командующій всѣмъ отрядомъ нѣмецкій капитанъ перваго ранга Узедомъ приказалъ отряду отступить подъ прикрытіе ближайшаго пригорка. Китайцы, увидѣвъ, что европейцы отступаютъ, вообразили себя побѣдителями и массами выбѣжали изъ рощи и безпорядочными толпами бросились въ атаку на отрядъ. Командующій отрядомъ, отступая, приказалъ подпустить китайцевъ на 200 шаговъ и открыть по нимъ на этомъ разстояніи огонь пачками (т. е. частый ружейный огонь, выпу-

ская одинъ за другимъ пять патроновъ, которые и составляютъ пачку и выдаются въ такой оправѣ, вкладываемые въ ружье). Первое время китайцы бѣжали стремительно, не обращая никакого вниманія на огонь отрядовъ, но вскорѣ не выдержали огня, выбивавшаго на ихъ глазахъ десятками изъ рядовъ, и остановились. Замѣшательствомъ китайцевъ тотчасъ же воспользовались европейцы, и капитанъ Узедомъ двинулъ всѣ отряды въ атаку на ура. Увидавъ стремительно несущихся европейцевъ, китайцы испугались и, имѣя во главѣ свою конницу, бросились бѣжать вразсыпную, поражаемые огнемъ европейцевъ. Сраженіе окончилось въ четыре часа. Когда приведены были въ извѣстность потери отрядовъ, то оказалось, что изъ русскихъ былъ раненъ въ обѣ ноги пулями мичманъ Зельгеймъ, ранено легко четверо матросовъ, а одинъ раненъ смертельно въ животъ. Изъ войскъ союзниковъ раненъ англійскій офицеръ, японскій офицеръ и 47 нижнихъ чиновъ. Очень много было кромѣ того контуженныхъ; убито нижнихъ чиновъ было 11. Китайцы оставили убитыхъ болѣе 500 человѣкъ. Всякій, конечно, задастъ вопросъ, отчего при такой массѣ китайскаго войска и при такой массѣ боеваго огня было такое сравнительно ничтожное количество убитыхъ и раненыхъ у союзныхъ отрядовъ? Объясняется это тѣмъ, что китайскія войска не

умѣютъ еще правильно стрѣлять; они стрѣляютъ вверхъ безъ прицѣла, и пули пролетаютъ массами надъ головами, не нанося вреда. Плохая подготовка китайскихъ войскъ при роскошномъ вооруженіи ихъ ружьями Маузера и Манлихера являлась счастьемъ для европейцевъ.

Выдержавъ такъ блестяще сраженіе съ много разъ превосходящимъ численностью непріятелемъ, соединенный отрядъ направился къ Лофѣ на соединеніе съ главными силами адмирала Сеймура. Здѣсь собранъ былъ военный совѣтъ, на которомъ и было принято окончательное рѣшеніе начать отступленіе въ Тянь-Цзинъ, что и исполнено было въ тотъ же день. Такъ какъ вышли уже поздно, то поѣзда прошли въ этотъ день всего четыре версты—остановились въ 10 часовъ вечера на ночлегъ, а 6-го іюня вышли въ четыре часа утра и къ 10-ти часамъ подошли къ мосту на рѣкѣ Пейхо. Здѣсь собранъ былъ новый совѣтъ относительно направленія, по которому слѣдуетъ идти въ Тянь-Цзинъ. Желѣзнодорожный мостъ черезъ рѣку Пейхо казался ненадежнымъ, а видимый за нимъ желѣзнодорожный путь былъ разрушенъ на далекое разстояніе, почему и рѣшено было оставить поѣзда и плыть по рѣкѣ. По счастью, у берега вблизи селенія стояло пять большихъ китайскихъ шаландъ (баржей), которыя и взяты были для отрядовъ. Поѣзда были оставлены и въ нихъ всѣ

лишнія вещи, весь багажъ. Вынесены были раненые и весь провіантъ. Размѣстились всѣ въ такомъ порядкѣ: въ одной баржѣ раненые англичане и санитарный персоналъ, въ другой—раненые французы, въ третьей—раненые русскіе и нѣмцы, въ четвертой—раненые японцы, итальянцы, американцы и австрійцы, въ пятой—провіантъ. Войска же пошли по берегу рѣки. Вышли довольно поздно, такъ какъ размѣщеніе взяло много времени, но весь день прошли спокойно, нигдѣ не встрѣчая ни китайскихъ солдатъ, ни боксеровъ. По незнанію фарватера рѣки и по мелководью, баржи часто садились на мель, и много уходило времени на стаскиваніе ихъ. Вечеромъ войска увидали яркое зарево, которое стояло надъ оставленными поѣздами. Боксеры сжигали ненавистныя имъ дѣла европейцевъ. Движеніе по рѣкѣ было обставлено всѣми мѣрами предосторожности на случай нападеній. Утромъ 7-го пошли дальше и увидали, что по рѣкѣ придется идти, прокладывая себѣ дорогу огнемъ. Съ этого дня изъ каждаго попутнаго селенія китайцы встрѣчали отряды ружейнымъ огнемъ, каждую деревушку приходилось оцѣплять и брать съ бою. Вся мѣстность полна была боксерами и боксеры были вооружены не только холоднымъ оружіемъ, но и огнестрѣльнымъ. Въ каждой деревнѣ находились склады ружей и топоровъ иногда въ большихъ количествахъ. Весь

день 7-го іюня прошелъ въ стычкахъ, а вечеромъ пришлось отряду выдержать очень сильную атаку и брать штурмомъ китайское селеніе, въ которомъ была выстроена крѣпостца, вооруженная двумя пушками. Крѣпостца была взята, взяты были и орудія; все селеніе разрушено до груды камней, а китайцы, которые не успѣли убѣжать, всѣ перебиты. На мѣстѣ убитыхъ осталось болѣе 300 человѣкъ. У русскихъ было убито два, а ранено девять человѣкъ. На ночлегъ остановились въ 7 час. вечера; ночь прошла спокойно. Несомнѣнно, что китайцы-бѣглецы доставили скоро свѣдѣнія о движеніи европейцевъ въ Тянь-Цзинъ, такъ что съ 8-го іюня появились по пути такія массы китайскихъ полчищъ, которыя охватили отряды со всѣхъ сторонъ. Весь день нападенія слѣдовали за нападеніями, каждый отрядъ сопровождался роемъ летавшихъ надъ головами пуль. Стали появляться регулярныя китайскія войска, а въ пять часовъ вечера къ отрядамъ вышли китайская пѣхота, кавалерія и артилерія, которыя и сдѣлали попытку смять отряды. Пѣхота и артилерія выстроились спереди отрядовъ, а конница зашла въ тылъ и стала насѣдать сзади. Двигаться впередъ отряду не было никакой возможности, и отрядъ началъ бой, который продолжался отъ 5 часовъ пополудни до 12 часовъ ночи. Бой былъ жаркій; китайцы упорно отстаивали свои позиціи, но стой-

кость, выдержка и мужество европейскихъ отрядовъ, мѣткость ружейнаго огня и разрушительная сила пулеметовъ заставили китайскія войска бѣжать, потерпѣвъ громадныя потери. Оставивъ множество убитыхъ, китайцы бросили и восемь орудій. Соединенный отрядъ потерялъ убитыми одного нѣмецкаго офицера и 8 нижнихъ чиновъ. Одно орудіе у русскихъ было разбито гранатой. Чтобы не оставлять его, замокъ и зарядный ящикъ утопили въ рѣкѣ, а самое тѣло орудія положили на кормѣ баржи и взяли съ собой.

Давъ войскамъ небольшую передышку, адмиралъ Сеймуръ отдалъ приказъ, чтобы въ часъ ночи отрядъ выступалъ далѣе. Ночь прошла спокойно; но на разсвѣтѣ, часа въ четыре, замѣтили на обоихъ берегахъ рѣки значительныя укрѣпленія и вдали за ними цѣлый городъ. Подойти близко къ укрѣпленіямъ не удалось, такъ какъ китайцы также увидали отрядъ и открыли по баржамъ и отряду, бывшему безъ прикрытія, такой ужасный огонь, что не было никакой возможности держаться, почему приказано было отступить подъ прикрытіе возвышеннаго берега рѣки. На баржахъ много было раненыхъ вторично. Отступивъ подъ прикрытіе, отрядъ пережидалъ здѣсь весь день, а ночью, съ наступленіемъ темноты, пошелъ тихо впередъ, и къ 12-ти часамъ ночи подошелъ незамѣченнымъ къ самому берегу у китайскихъ казармъ. Высадившись, съ

соблюденіемъ возможной тишины, часть отряда съ крикомъ «ура!» бросилась на штурмъ укрѣпленія, обнесеннаго глиняными стѣнами. Въ это время артилеристы свезли на берегъ орудія и открыли огонь по стѣнамъ, пробивая бреши. Сонные китайцы, ничего не подозрѣвавшіе и ничего не понимавшіе, страшно растерялись и открыли огонь вдоль рѣки, на которой никого не было видно. Между тѣмъ адмиралъ Сеймуръ отрядилъ еще часть отряда, который долженъ былъ пойти въ бродъ по рѣкѣ и обойти китайцевъ съ тыла. Слыша отовсюду нападеніе и не видя враговъ, китайцы въ паникѣ совершенно растерялись и бросили крѣпость. Взявъ первую крѣпость около четырехъ часовъ утра, рѣшено было, не теряя времени тотчасъ же брать и вторую, расположенную вблизи отъ первой и также обнесенную глиняными стѣнами. Второе укрѣпленіе также было разбито и взято, а гарнизонъ, уходя, отстрѣливался, залегъ затѣмъ въ камышахъ у рѣки и въ травѣ, и все время держалъ огонь по отряду. Къ шести часамъ утра оба укрѣпленія были взяты. У русскихъ были ранены легко два офицера: мичманъ Пель и лейтенантъ Заботкинъ. Китайцевъ было истреблено болѣе тысячи человѣкъ. Оба эти укрѣпленія, заключавшія въ себѣ казармы (импани) находились на лѣвомъ берегу рѣки, а напротивъ, на правомъ берегу расположенъ былъ

арсеналъ и близъ него такое же укрѣпленіе. За арсеналомъ въ незначительномъ разстояніи находилась настоящая крѣпость, сложенная изъ камня, а за нею вдали виденъ былъ городъ. Рѣшено было, сдѣлавъ небольшую передышку, идти на штурмъ арсенала и укрѣпленія, лежащихъ на правомъ берегу, дабы не дать китайцамъ времени одуматься и собраться съ силами. Арсеналъ же былъ крайне необходимъ соединенному отряду.

Въ семь часовъ утра войска переправились на правый берегъ рѣки и бросились на штурмъ арсенала. Гарнизонъ арсенала совершенно растерялся, такъ что арсеналъ былъ взятъ очень скоро и весь его гарнизонъ, 200 человѣкъ, былъ уничтоженъ. Счастье улыбнулось соединенному отряду. Въ арсеналѣ войска нашли такія богатства, о которыхъ даже и мечтать не могли: взято 52 дальнобойныхъ орудія, 11 тысячъ ружей, множество снарядовъ и патроновъ, тысяча пудовъ рису и въ изобиліи медицинскія средства и перевязочный матеріалъ, въ которыхъ давно уже и сильно нуждались раненые и больные. Перевязочныя средства всѣ были лучшаго качества и имѣли клейма германскихъ аптекъ и фабрикъ. Взявъ арсеналъ, отправились штурмовать ближайшее къ нему укрѣпленіе. Китайскій гарнизонъ и здѣсь совершенно не ожидалъ штурма, такъ какъ китайцы не могли допустить,

чтобы послѣ боя въ теченіе всей ночи европейцы пошли снова въ бой. Застигнутые врасплохъ и устрашенные энергіей европейцевъ, китайцы не сопротивлялись особенно сильно и оставили свое укрѣпленіе. Адмиралъ Сеймуръ рѣшилъ здѣсь утвердиться и укрѣпиться. Это и былъ арсеналъ Си-гу. Лучшаго для отряда мѣста, въ которомъ можно было оставаться безопасно, подъ прикрытіемъ и съ удобствами для раненыхъ и больныхъ, нельзя было и желать.

Въ два часа дня баржи были оставлены, и весь соединенный отрядъ занялъ арсеналъ и фортъ на правомъ берегу рѣки. За время боя ночью и утромъ потери отряда были слѣдующія: убитъ одинъ офицеръ и 29 нижнихъ чиновъ, ранено шесть офицеровъ и 104 нижнихъ чина. Весь остатокъ дня проведенъ былъ въ дѣятельной работѣ по укрѣпленію новой крѣпости; въ ней окапывались, исправляли бреши, на земляныхъ валахъ поставили 30 дальнобойныхъ и скорострѣльныхъ орудій, отнятыхъ у китайцевъ. Между тѣмъ китайцы, бѣжавшіе изъ своихъ укрѣпленій, собрались въ оставшуюся вдали крѣпость и городъ. Въ городѣ стало замѣтно сильное оживленіе и движеніе народа, а вечеромъ этого же 9-го іюня можно было разглядѣть, какъ въ городъ входили новыя китайскія войска, пришедшія въ помощь. Насчитано было по знаменамъ 32 батальона, что составитъ по при-

нятому счету—полагая въ китайскомъ батальонѣ 500 человѣкъ,—16 тысячъ войска. Съ вечера китайцы начали пушечную пальбу по арсеналу и европейскому форту, но снаряды ихъ перелетали и не причиняли никакого вреда.

Для отряда не было сомнѣнія, что Тянь-Цзинъ близко, что подтверждалось не только массой регулярнаго китайскаго войска, но и пушечною пальбой, которая ясно слышалась издалека, и сигналами электрическаго фонаря, ясно видѣнными въ ночь 9-го іюня. Чтобы обратить на себя вниманіе въ Тянь-Цзинѣ, и изъ арсенала было въ ночь съ 9-го на 10-е іюня пущено нѣсколько ракетъ, но отвѣта на нихъ получено не было. Китайцы однако приняли видимо твердое намѣреніе выбить соединенный отрядъ и отнять укрѣпленіе и арсеналъ обратно. Чуть только разсвѣло, часа въ три съ половиной, 10-го іюня, китайскія регулярныя войска, сопутствуемыя кавалеріей, окружили со всѣхъ сторонъ крѣпость, но на штурмъ пошли только съ одной стороны. Первая атака китайцевъ была отбита съ громаднымъ для нихъ урономъ. Вскорѣ однако они оправились и пошли на второй приступъ. Впереди ѣхалъ на лошади китайскій генералъ; подошли китайцы къ самымъ валамъ и стали осыпать стѣны огнемъ. Бой долженъ былъ быть жаркимъ, но одинъ изъ русскихъ стрѣлковъ мѣткимъ выстрѣломъ убилъ подъ генераломъ

лошадь, а другимъ выстрѣломъ тяжело ранилъ самого генерала. Какъ только генералъ выбылъ изъ строя, тотчасъ же между войсками началось смятеніе и они стали отступать. На поддержку имъ явилась конница, которая сомкнутыми густыми рядами стала подходить къ валамъ укрѣпленія съ правой стороны. Мѣткій огонь съ валовъ и стѣнъ очень скоро уничтожилъ двѣ трети кавалерійскаго полка, такъ что всѣ три атаки окончились неудачей, и китайцы потеряли убитыми не менѣе полуторы тысячъ человѣкъ. Прекративъ окончательно огонь, они ушли въ свою крѣпость и городъ. Утомленнымъ войскамъ соединеннаго отряда также данъ отдыхъ, но рѣшено тотчасъ же послѣ отдыха сосредоточить огонь всѣхъ орудій на городъ, въ которомъ собраны были китайскія войска.

Бомбардировку начали въ два часа, давъ по городу залпъ гранатъ изъ 20-ти орудій. Дѣйствіе залпа было очень удачное; вскорѣ послѣ него можно было видѣть, какъ китайскія войска густыми колоннами стали оставлять городъ. По выходившимъ войскамъ стали бить шрапнелью, продолжая въ то же время разбивать городъ. Къ четыремъ часамъ пополудни отъ города оставались только груды развалинъ. Китайскія войска, занявшія крѣпость и размѣстившіяся вдали отъ выстрѣловъ, не отвѣчали на огонь отрядовъ. Видимо, съ потерей арсенала у нихъ

не хватало болѣе снарядовъ. Остатокъ дня отрядъ употребилъ на приведеніе въ порядокъ крѣпости и исправленіе сдѣланныхъ поврежденій. Настала сравнительная тишина, среди которой раздавались только частые ружейные выстрѣлы китайцевъ-стрѣлковъ, которые, вырывъ ямы, залегли въ нихъ на разстояніи шаговъ 500 отъ крѣпости и сыпали пулями по валу и стѣнамъ. Били они чрезвычайно мѣтко и рѣдкій, кто высовывалъ голову за стѣну, оставался цѣлъ. Такимъ образомъ былъ раненъ и мичманъ Кехли, которому, лишь только онъ выглянулъ за валъ, пуля попала въ уголъ глаза и пробила височную кость навылетъ.

Всѣ въ отрядѣ были убѣждены, что Тянь-Цзинъ очень близко, а нѣкоторые изъ американцевъ утверждали, что всего лишь въ четырехъ верстахъ (на самомъ дѣлѣ было болѣе двѣнадцати верстъ). Всѣ были убѣждены, что онъ въ рукахъ европейцевъ, почему и рѣшено было подъ вечеръ послать роту охотниковъ пробиться въ Тянь-Цзинъ чтобы дать свѣдѣнія о себѣ. Предпріятіе это окончилось однако очень плачевно. Вышла рота англичанъ съ офицеромъ; но не успѣли они отойти за разрушенный городъ, какъ были окружены китайцами. Начался отчаянный бой: офицеръ и двадцать человѣкъ англичанъ были изрублены на глазахъ отряда, а остальные пробили себѣ дорогу штыками и возвратились въ крѣпость.

Ночь съ 10-го на 11-е іюня прошла спокойно; изъ крѣпости всю ночь пускали ракеты, чтобы дать знать въ Тянь-Цзинъ о пребываніи отряда, но отвѣта не получили. Весь день 11-го іюня прошелъ также спокойно, китайцы нападеній не дѣлали и не отвѣчали на гранаты, которыя пускали въ нихъ изъ крѣпости. Вечеромъ 11-го іюня увидали, наконецъ, отвѣтную ракету, которая была пущена изъ Тянь-Цзина и принесла радостную вѣсть о скоромъ освобожденіи. На разсвѣтѣ 12-го іюня замѣтили несущуюся по лѣвому берегу рѣки, какъ бы скрывающуюся отъ погони, китайскую кавалерію, а часовъ въ 6 утра ясно выдвинулась пѣхота въ бѣлыхъ фуражкахъ и бѣлыхъ рубахахъ. Сомнѣнія уже не было: это шли русскія и иностранныя войска! Шли они по тому же противоположному лѣвому берегу. Изъ китайской крѣпости открыли по идущимъ войскамъ огонь. Къ 8-ми часамъ утра отрядъ подошелъ напротивъ европейской крѣпости и остановился. Восторженныя крики «ура» неслись черезъ рѣку навстрѣчу къ пришедшимъ освободителямъ, славшимъ въ отвѣтъ свои крики привѣта. Тотчасъ же началось сообщеніе отрядовъ, узнали всѣ новости и всѣ событія, которыя совершились въ Тянь-Цзинѣ. Пришедшій отрядъ былъ подъ начальствомъ подполковника Ширинскаго и состоялъ: изъ тысячи человѣкъ русскихъ, а именно: изъ четы-

рехъ сводныхъ ротъ 12-го Восточно-сибирскаго полка, изъ одного батальона англичанъ, пѣхоты 600 человѣкъ, двухъ ротъ нѣмецкаго дессанта и сотни казаковъ. Отрядъ полковника Ширинскаго шелъ день и ночь подъ огнемъ китайцевъ, но никто не былъ убитъ и даже серьезно раненъ за весь путь. Пришелъ отрядъ бодро, весело.

Въ соединенномъ отрядѣ адмирала Сеймура тотчасъ же начались сборы. Въ три часа дня всѣхъ раненыхъ перевезли на лѣвый берегъ рѣки; въ крѣпости же и арсеналѣ все приготовляли къ уничтоженію. У орудій сняли замки и утопили ихъ въ рѣкѣ; ружья, которыхъ не могли взять, всѣ переломали, сумки съ патронами и снарядами снесли всѣ въ одно мѣсто. Когда все было готово, то весь соединенный отрядъ съ адмираломъ Сеймуромъ во главѣ перешелъ на лѣвый берегъ. Въ крѣпости и арсеналѣ оставлена была только рота американцевъ, которымъ приказано было, послѣ того какъ войска отойдутъ на двѣ версты, зажечь арсеналъ и взорвать крѣпость. Въ два часа ночи, 13-го іюня, чтобы не подать виду китайцамъ, войска, соединенныя вмѣстѣ, вышли по лѣвому берегу рѣки въ Тянь-Цзинъ. Вскорѣ раздались взрывы, взвился столбъ пламени, раздался оглушительный громъ, поднялась высоко туча пыли и камней. Все было кончено; отъ крѣпости и

арсенала оставались только одни слѣды. Отряды шли въ такомъ порядкѣ: цѣпью шли войска-освободители, ограждая раненыхъ, которыхъ несли въ центрѣ шествія на носилкахъ, на-скоро сдѣланныхъ. Китайцы увидали уходъ войскъ и на разсвѣтѣ отряды нѣсколько безпокоила китайская кавалерія, но скоро оставила въ покоѣ. Весь путь до Тянь-Цзина совершенъ былъ въ полнѣйшей тишинѣ и порядкѣ, безъ выстрѣла. Къ девяти часамъ утра подошли къ Тянь-Цзину. Навстрѣчу съ повозками и носилками для раненыхъ, сопровождаемый казаками, выѣхалъ полковникъ Анисимовъ. Въ 12 часовъ дня отряды пришли на бивуакъ 12-го Восточно-сибирскаго полка, оказавшаго радушную и торжественную встрѣчу прибывшимъ. Полкъ выстроенъ былъ шпалерами и при оружіи. На всемъ пути, по которому проходили отряды, играла музыка, а солдаты отдавали честь, держа ружья «на караулъ». Прибывшіе отряды остались гостями на бивуакѣ у 12-го полка, а всѣ раненые русскіе и французы взяты были отсюда во французскій госпиталь, остальные же раненые размѣщены были по консульствамъ и въ частныхъ домахъ. Во французскомъ госпиталѣ раненые размѣщены были превосходно: несмотря на то, что въ мирное время госпиталь располагалъ только двадцатью кроватями, а теперь было 350 человѣкъ, тѣмъ не менѣе каждый имѣлъ матрацъ, бѣлье, всѣ удобства и вниманіе. У рус-

скихъ раненыхъ врачи и санитары были русскіе, продовольствіе же и все прочее доставлялъ госпиталь. Въ Тянь-Цзинѣ, въ китайскомъ городѣ, все еще продолжалась стрѣльба и пули и осколки шрапнели и гранатъ летали по улицамъ и залетали въ дома. Однимъ изъ осколковъ раненъ былъ даже въ госпиталѣ военный врачъ Разумовъ. Отношеніе тянь-цзинскаго населенія къ русскимъ раненымъ было самое душевное; даже владѣльцы магазиновъ отказывались брать деньги за покупаемые продукты, если узнавали, что это для русскихъ. Всѣ считали и не скрывали того, что русскія войска спасли Тянь-Цзинъ и жителей европейцевъ отъ смерти... Въ Тянь-Цзинѣ русскіе раненые пробыли недолго. 15-го іюня ихъ посадили на баржи и отправили по рѣкѣ Пейхо въ Таку для распредѣленія по судамъ. Въ госпиталѣ остался одинъ только тяжело раненый въ глазъ мичманъ Кехли. Вечеромъ 16-го іюня баржи подошли къ устью рѣки. На рейдѣ стояли большія русскія суда и всѣхъ раненыхъ приняли на крейсеръ «Россія», а затѣмъ отправили въ русскій госпиталь въ Японію, въ Нагасаки.

За весь періодъ экспедиціи адмирала Сеймура соединенный международный отрядъ понесъ потери: убитыми трое офицеровъ и 47 нижнихъ чиновъ, ранеными шесть офицеровъ и 312 нижнихъ чиновъ.

Экспедиція адмирала Сеймура, имѣвшая цѣлью наше освобожденіе изъ осады въ Пекинѣ, окончилась неудачей. Упрекать въ этомъ адмирала Сеймура едва ли кто рѣшится, кто вынесъ всю осаду въ Пекинѣ и кто знаетъ, сколько пришлось на долю соединеннаго отряда тяжелыхъ испытаній въ пути и въ бояхъ съ китайцами. Несомнѣнно, что адмиралъ Сеймуръ, если бы не занялся исправленіемъ желѣзной дороги, а шелъ бы быстро въ Пекинъ, то пришелъ бы къ намъ: до 6-го іюня войскъ у китайцевъ было очень мало, мало было даже боксеровъ. Взять городскія ворота помогли бы наши дессанты. Но наше отступленіе изъ Пекина и весь тяжелый путь среди китайскихъ войскъ и полчищъ боксеровъ съ громаднымъ обозомъ, съ женщинами и дѣтьми, едва ли могъ совершиться благополучно, навѣрно мы имѣли бы громадныя въ пути потери. Нельзя упрекать адмирала Сеймура и за непониманіе того народнаго движенія въ Китаѣ, которое развернулось такъ широко. Движенія этого не поняли и не уразумѣли люди, которые сами его создали, оскорбляя чувства китайскаго народнаго самолюбія и достоинства...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАШЕ СИДѢНЬЕ ВЪ РУССКОМЪ ПОСОЛЬСТВѢ

I.

Начало боксерскаго движенія въ Луго-цяо.—Первый вѣстникъ происшествія въ Пекинѣ. — Осажденные европейцы и г. Шамо.—Указъ богдыхана.—Костюмъ боксеровъ. — О. архимандритъ и члены православной духовной миссіи переселяются въ посольство.— Поджоги и поджигатели.—Пожары.

Движеніе боксеровъ къ Пекину шло главнымъ образомъ со стороны Бао-динъ-фу. Началомъ надо считать 14-е мая, когда они, разрушивъ мосты и зданія желѣзной дороги по линіи Ханькоу—Пекинъ, двинулись по направленію пути къ станціи Фынъ-тай на линію Пекинъ—Тянь-Цзинъ. По пути они разрушили и сожгли вторую большую станцію Луго-цяо; здѣсь было много жилищъ французовъ инженеровъ-строителей. Боксеры пытались было поджигать дома и европейцевъ, но неудачно. Дойдя до станціи Фынъ-тай къ вечеру, боксеры и сопутствующія имъ шайки грабителей встрѣтили здѣсь высланныя изъ Пекина ки-

тайскія войска для охраны пути и зданій. Европейцы забаррикадировались въ своихъ домахъ и съ оружіемъ въ рукахъ приготовились къ бою. Но боксеры не рѣшились идти въ открытый бой, а поджечь зданія имъ не удалось, почему всѣ бывшіе тутъ европейцы остались цѣлы и были освобождены на другой день г. Шамо, который пріѣхалъ къ нимъ изъ Пекина съ телѣгами и всѣхъ забралъ съ собой. Извѣстіе о происшествіи на станціи Фынъ-тай доставлено было въ Пекинъ въ тотъ же день при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ четыре часа дня явился первый вѣстникъ и очевидецъ европеецъ—инженеръ-французъ, пріѣхавшій на осликѣ со станціи Фынъ-тай, второй станціи по желѣзной дорогѣ отъ Пекина. У француза была ушиблена камнемъ голова и онъ разсказалъ слѣдующее: Ничего не зная, онъ выѣхалъ съ поѣздомъ изъ Тянь-Цзиня на Луго-цяо. Благополучно выйдя на станцію въ Фынъ-тай, гдѣ происходитъ пересадка, онъ пошелъ искать поѣзда, но попалъ въ бушевавшую толпу мѣстнаго населенія, которая, зная обо всемъ, что произошло въ Луго-цяо, разоряла амбары и склады желѣзной дороги. Ничего не понимая по-китайски и не зная, что происходитъ, французъ спокойно расхаживалъ въ ожиданіи поѣзда, пока не подошли къ нему нѣсколько китайцевъ и не объяснили, что ему надо скорѣе уѣхать въ Пекинъ; сами китайцы наняли ему ослика, поса-

дили и отправили въ Пекинъ, такъ какъ поѣздъ изъ Луго-цяо, конечно, не приходилъ, а поѣздъ, привезшій его въ Фынъ-тай, вернулся обратно въ Тянь-Цзинъ, не дойдя даже до Пекина. Во время этой поѣздки кто-то изъ толпы бросилъ камнемъ и попалъ французу въ голову, но весь остальной путь отъ этой злополучной станціи до Пекина въ теченіе четырехъ-пяти часовъ, посреди многочисленныхъ селеній, совершенно одинъ, только съ проводникомъ-китайцемъ, французъ совершилъ вполнѣ благополучно. Отмѣчая этотъ фактъ, скажу отъ себя, что среди китайскаго народа культурность и мягкость являются выдающимися свойствами характера и что всякій европеецъ, который будетъ обращаться съ китайцами такъ же культурно, мягко и деликатно, всегда можетъ быть увѣренъ въ безопасности, если не попадетъ, конечно, въ уличную толпу голытьбы, воровъ и всякаго сброда.

Получивъ свѣдѣнія о происшедшемъ, всѣ посланники отправились въ цзунгъ-ли-ямень съ представленіемъ о вызовѣ дессантовъ, но члены цзунгъ-ли-ямена не могли своею властью дать разрѣшеніе на вводъ въ Пекинъ европейскихъ вооруженныхъ отрядовъ, пока не будетъ положена резолюція на докладѣ по этому поводу самой императрицей. Для охраны европейцевъ тотчасъ же у всѣхъ посольствъ выставлены были китайскіе посты съ копьями, а въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ и вооруженные европейскими ружьями. Изъ Пекина двинуты были отряды на Фынъ-тай и поставлены караулы у главныхъ воротъ Пекина, дабы не впускать въ нихъ пришельцевъ, которые, двигаясь массами, возбуждаютъ подозрѣніе. Телеграфная линія не была порвана и сообщеніе шло безпрепятственно. Окрестное населеніе было совершенно спокойно, что подтвердили двое русскихъ молодыхъ людей, отправившихся даже безъ проводника за 60 верстъ отъ Пекина верхомъ въ западныя горы. Пробыли они среди народа и ночевали въ селеніяхъ, встрѣчая всюду вѣжливое вниманіе.

Іюня 16-го въ пекинской офиціальной газетѣ появился указъ, въ которомъ объявлялось слѣдующее: «Давно уже было замѣчено, что явились праздные, а отчасти и злонамѣренные люди, которые занимаются на улицахъ кулачными упражненіями. Было предписано обратить на нихъ вниманіе и принять соотвѣтствующія мѣры къ огражденію населенія. Въ настоящее время къ нимъ присоединились бездѣльники, которые сожгли и разграбили желѣзнодорожную станцію и угрожаютъ мирнымъ жителямъ. Въ виду этого строжайше предписывается охранять всѣ христіанскіе храмы и европейскія учрежденія, а бездѣльниковъ этихъ хватать». Указъ совершенно справедливо назвалъ боксеровъ, т. е. занимающихся кулачными упражненіями и разныхъ бро-

дягъ, зачинщиками безпорядковъ, но должно замѣтить, что въ день 14-го мая боксеровъ было сравнительно мало, большинство же составляло всякій сбродъ: бродяги, разбойники, дезертиры, отставные солдаты. Настроеніе европейцевъ въ Пекинѣ со дня на день, по мѣрѣ ежедневно получавшихся самыхъ безотрадныхъ слуховъ, становилось все тревожнѣе и тревожнѣе. Движеніе боксеровъ къ Пекину было очевидно и сопутствовали ему всюду пожары и убійства. Огонь и смерть! Сколько, дѣйствительно, ужаса для живого человѣка заключено въ этихъ двухъ словахъ, а при нашествіи боксеровъ весь ужасъ совмѣстился въ одномъ понятіи: сгорѣть живымъ. Партіи боксеровъ подвигались неуклонно, никѣмъ не останавливаемые и по линіи отъ Тянь-Цзина. Въ Пекинѣ получено уже было извѣстіе, что въ ночь съ 23-го на 24-е мая боксеры сожгли желѣзнодорожную станцію Ань-динъ, четвертую по пути отъ Тянь-Цзина, хотя телеграфнаго сообщенія еще не прерывали. Принявъ своимъ девизомъ при истребленіи христіанъ и европейцевъ—девизъ огнемъ и мечомъ—боксеры и символами выбрали красный цвѣтъ и большой ножъ. Одежду они стали носить почти всю красную, а именно: на голову надѣвали большую краснаго цвѣта повязку, подпоясывались широкимъ краснымъ кушакомъ, за который былъ воткнутъ большой ножъ, сверхъ нижнихъ штановъ надѣвали красные наколѣн-

ники и обвязывали ихъ у щиколокъ ногъ красными тесемками. Костюмъ былъ безусловно эффектенъ, но его носили полнымъ только вожаки движенія да выдающіеся боксеры, рядовая же масса носила всегда только красный кушакъ, красную повязку на головѣ; встрѣчалось много изъ голытьбы, у которыхъ былъ просто повязанъ на груди красный или оранжеваго цвѣта лоскутъ. Среди боксеровъ въ Пекинѣ, а также, какъ говорили мнѣ, и въ Тянь-Цзинѣ можно было наблюдать два цвѣта въ одеждѣ боксеровъ: или красный, или оранжевый. Какая разница была между тѣми и другими, узнать мнѣ не удалось, но, какъ свою личную догадку, считаю вѣроятнымъ, что оранжевая одежда принадлежала сектѣ, исповѣдующей чисто религіозныя стремленія, а красная—сектѣ, которая преслѣдовала религіозно-политическіе. Съ 24-го мая въ Пекинѣ стали упорно держаться слухи, что боксеры рѣшили начать поджоги храмовъ, европейскихъ домовъ и посольствъ и назначили днями поджоговъ 26-е, 27-е и 28-е числа мая мѣсяца. Нѣкоторые изъ православныхъ китайцевъ говорили, что лично видѣли и читали объявленіе объ этомъ на дверяхъ кумирни, въ которой собираются боксеры и что на 27-е мая назначенъ поджогъ и разрушеніе православной миссіи въ Бей-гуанѣ. Такъ какъ православная миссія Бейгуана отстоитъ отъ посольства въ семи верстахъ,

а отдѣлить для ея охраны изъ дессанта не представлялось возможности, между тѣмъ народныя массы, какъ подтвердило мое посѣщеніе 25-го мая, толпились уже вокругъ стѣнъ миссіи, то утромъ 26-го мая русскій посланникъ въ Пекинѣ М. Н. Гирсъ лично отправился къ архимандриту о. Иннокентію и убѣдилъ его оставить миссію съ ея членами и съ желающими изъ православныхъ китайцевъ переселиться подъ защиту посольства. Послѣ долгихъ убѣжденій о. архимандритъ согласился, и вечеромъ 26-го мая прибылъ въ посольство совмѣстно съ больнымъ іеромонахомъ о. Аврааміемъ, діакономъ Скрижалинымъ, двумя стипендіатами Паргачевскаго, изучавшими при миссіи китайскій языкъ, и двумя китайцами. Привезли съ собою и древнюю икону св. Николая Чудотворца, двѣсти лѣтъ тому назадъ прибывшую въ Пекинъ вмѣстѣ съ плѣнными казаками албазинцами, привезли нѣкоторые священные сосуды и евангеліе, а остальныя священныя вещи были укрыты въ землю подъ алтаремъ въ церкви. Рѣшивъ переѣхать въ посольство, о. архимандритъ собралъ свою паству и предложилъ имъ искать спасенія или въ другой мѣстности, или идти съ нимъ въ посольство. Многіе приняли его совѣтъ и ушли, оставивъ свои дома, другіе остались жить по-прежнему, а съ нимъ въ русское посольство пришли только двое: одинъ слуга китаецъ, а другой китаецъ, извѣстный по имени Лука. Это почтенный старикъ, лѣтъ за

60, одинъ изъ немногихъ истинныхъ потомковъ русскихъ, сохраняетъ и до сихъ поръ всѣ черты лица и осанку европейца. Среди христіанъ онъ пользуется большимъ вліяніемъ и уваженіемъ, занимаетъ даже въ своемъ албазинскомъ полку какую-то административную должность и имѣетъ чинъ майора. Самъ онъ вдовый, но имѣетъ женатыхъ дѣтей. Дѣти рѣшили уйти въ безопасное мѣсто, а самъ старикъ хотѣлъ первоначально поселиться въ казенномъ китайскомъ зданіи, но его тамъ не приняли и просили уйти, такъ какъ не ручались за его безопасность. Тогда онъ и отправился въ русское посольство. Лука чрезвычайно набоженъ, онъ всегда бываетъ въ церкви, всѣ движенія его мягки, изящны и благоговѣйны. По-русски говоритъ плохо. Несмотря на объявленіе, день и ночь 27-е мая прошли для Бей-гуана безъ вреда. Китайское правительство, на отвѣтственность котораго офиціальной бумагой былъ переданъ Бей-гуанъ, прислало для его охраны 60 человѣкъ солдатъ. Въ окрестностяхъ же Пекина боксеры сожгли рано утромъ этого дня скаковой кругъ, на которомъ были постройки и жилъ сторожъ, а вечеромъ сдѣлали попытку поджечь гостиницу г. Шамо «Hôtel de Pekin»: къ углу гостиницы была брошена смоченная керосиномъ рогожа, которая уже стала загораться, но огонь былъ тотчасъ же замѣченъ и потушенъ.

Хотя въ самомъ Пекинѣ крупныхъ поджоговъ

еще не было, но помимо молвы людской и событія сами ясно указывали, что поджоги должны быть, какъ опредѣленный планъ дѣйствій боксеровъ. По слухамъ же, надо было ожидать, что 29-го мая будетъ сожжена боксерами часовня на православномъ кладбищѣ, которое расположено внѣ города, но недалеко отъ духовной миссіи. Всѣ наши мысли были заняты вопросомъ о пожарахъ и поджогахъ, и вотъ вечеромъ 28-го мая пришли дѣлавшіе обходъ вокругъ стѣнъ посольства казаки и доложили, что они застали догоравшій небольшой костеръ у самой стѣны, прилежащей къ дому посланника, и тотчасъ огонь затоптали. Костеръ состоялъ изъ угля, тростника, и бумаги. Настроенное воображеніе тотчасъ же ухватилось за этотъ костеръ и увидало здѣсь поджогъ, но послѣ тщательныхъ разслѣдованій выяснилось, что китайцы постоянно устраиваютъ на улицѣ вблизи дома, гдѣ жилъ умершій, поминальныя жертвоприношенія, такъ называемыя «Лочо», которыя состоятъ въ томъ, что на улицу выносятъ сдѣланный изъ тростника паланкинъ, или телѣгу, или стулъ, дабы душѣ умершаго удобнѣе было перейти въ царство тѣней, и при моленіяхъ сжигаютъ. Вѣрнѣе всего, что вѣтромъ пригнало легкія хворостинки и бумагу, еще тлѣющуюся, къ стѣнѣ. Чтобы окончательно разсѣять тревожное настроеніе общества, баронъ Раденъ, Н. Ѳ. Колесовъ и я обошли по улицамъ вокругъ всего

посольства и встрѣтили повсюду необычайную тишину.

Дни 29-е и 30-е мая въ Пекинѣ прошли тихо, пожаровъ не было, но вдали за городомъ, то въ одной, то въ другой сторонѣ по вечерамъ поднималось зарево, бывшее для насъ постояннымъ memento mori. Но вотъ 31-го мая въ 6 часовъ вечера въ самомъ Пекинѣ показался густой дымъ, клубившійся черными волнами и гонимый вѣтромъ въ нашу сторону. Пожаръ былъ отъ насъ далеко, но, судя по разстоянію, было несомнѣнно, что это горѣли дома служащихъ въ китайской таможнѣ европейцевъ. Дома находились въ двухъ отдаленныхъ китайскихъ улицахъ и были оставлены ихъ жителями, которые всѣ собрались въ домъ начальника своего, директора китайской таможни сэра Роберта Гарта, жившаго вблизи австрійскаго посольства, охранявшагося дессантомъ. Итакъ, боксеры рѣшительно перешли отъ угрозъ къ ихъ выполненію. Были, правда, все еще среди насъ розово смотрѣвшіе на текущія событія люди, которые считали вполнѣ естественнымъ, что разнузданная толпа бродягъ поджигаетъ и грабитъ оставленныя жилища и имущества, но не допускали, что боксеры, не имѣя огнестрѣльнаго оружія, отважатся дѣлать нападенія на защищенныя вооруженной силой посольства. Скоро однако пришлось убѣдиться, что боксеры вмѣ-

стѣ съ китайскими солдатами и нападали, и поджигали. Не прошло и часу, лишь только клубы чернаго дыма посвѣтлѣли и по небу раскинулось огромное зарево, увидали мы въ другой сторонѣ такія же черныя клубы, поднимавшіяся высоко къ небу. Это боксеры подожгли въ южной части Пекина католическій храмъ, самый древній въ Пекинѣ, служившій для китайцевъ христіанъ центромъ и просвѣщенія и благотворительности. Здѣсь, при храмѣ Нанъ-танъ былъ госпиталь для китайцевъ, школы для дѣтей, пріютъ для сиротъ, богадѣльня для стариковъ. Всѣ эти учрежденія занимали цѣлый кварталъ; здѣсь жило много миссіонеровъ-преподавателей въ школѣ. Миссіонеры принадлежали къ обществу «Братьевъ Маристовъ», въ пріютѣ и госпиталѣ жило много сестеръ милосердія и много находилось больныхъ христіанъ-китайцевъ (католиковъ). Въ 10 часовъ вечера я поднялся на городскую стѣну, съ которой виденъ весь Пекинъ. Передъ глазами открылось жуткое, но въ то же время и эффектное зрѣлище: среди мрака, въ которомъ тонулъ безшумный городъ, ярко возвышались громадные костры, пылавшіе въ разныхъ концахъ Пекина. Горѣли Си-танъ, Дунъ-танъ (восточный храмъ) или западный храмъ, православное кладбище (часовня), нѣсколько миссіонерскихъ американскихъ и епископальныхъ церквей, пылали таможенныя зданія, дома хритсіанъ-китайцевъ. Въ числѣ этихъ костровъ не

видно еще было православнаго Бей-гуаня: ему послѣднему предстояло испить назначенную чашу страданія и уничтоженія самаго жестокаго. Озвѣрѣлая къ концу народная масса ворвалась сюда на разсвѣтѣ и покончила на немъ дѣло своего изувѣрства и ненависти.

Наступило первое іюня, и первое извѣстіе, которое принесли слуги-китайцы поутру, было извѣстіе о непремѣнномъ нападеніи боксеровъ на европейцевъ, которое было назначено боксерами на 12 часовъ дня. Слуги принесли также извѣстіе, что новыхъ боксеровъ вошло въ Пекинъ 500 человѣкъ и что всѣ они вошли за Цяньмыньскія ворота въ храмъ, въ которомъ назначено моленіе. Если бы въ 12 часовъ дня они не сдѣлали нападенія, то сдѣлаютъ его въ три часа дня. Полдень прошелъ благополучно; на улицахъ близъ посольства стояла мертвая тишина. Около двухъ часовъ дня стали доноситься до нашего слуха изъ-за городской стѣны какіе-то клики, сливавшіеся въ одинъ гнѣвный рокотъ, а по вѣтру стали прилетать на дворъ посольства куски бумажнаго пепла. Цянь-мыньскія ворота находятся саженяхъ въ четырехстахъ отъ русскаго посольства и ведутъ изъ китайскаго города въ манчжурскій, выходя и на площадку къ воротамъ императорскаго краснаго города. Вскорѣ однако шумъ прекратился и назначенные три часа дня прошли спокойно, нападенія

не было. Что будетъ дальше, спрашивали мы другъ друга? Затишье не предвѣщало тишины, а указывало на какой-то принятый планъ дѣйствія.

Китайцы-слуги, которые за послѣдніе дни были всѣ страшно встревожены и взволнованы, такъ какъ и ихъ боксеры бы не пощадили, почему постоянно ходили взадъ и впередъ на улицу, прислушивались къ толкамъ, собирали всѣ свѣдѣнія и новости и приносили въ посольство. Они опять сообщили намъ, что боксеры рѣшили весь день усиленно молиться, что они за воротами разложили костры и жгутъ жертвенныя бумажки, призывая духа, разрушающаго не только стѣны и дома, но даже горы. Не только сами боксеры молятся, но заставляютъ всѣхъ, подъ страхомъ смерти, проходящихъ или живущихъ здѣсь на площади, также раскладывать костры и жечь жертвенныя бумажки. Рѣшено, что боксеры сегодня вечеромъ начнутъ поджоги въ городѣ. День былъ жаркій, все время стояла невозможная сушь, дождя не было почти всю весну; растительность имѣла чрезвычайно унылый, чахлый видъ, стояла вся покрытая густымъ слоемъ пыли, безжизненная, наводящая тоску.

Русское посольство, представлявшее четырехугольную площадь, заполненную постройками, обнесено высокими и толстыми каменными стѣнами. Только передней своею стороной оно вы-

ходитъ на большую улицу, но съ краевъ и съ остальныхъ сторонъ, исключая западнаго угла, посольскія стѣны охвачены вплотную примыкающими къ нимъ китайскими постройками, крыши которыхъ приходятся на одномъ уровнѣ со стѣнами. Часть же западной и сѣверной сторонъ, составляющихъ уголъ, выходятъ на обширную Монгольскую площадь, названную такъ потому, что здѣсь ежегодно въ февралѣ мѣсяцѣ происходитъ ярмарка, на которую монголы привозятъ или свои продукты, или свою охоту, т. е. или масло, кожи, шерсть, войлоки, или битую дикую птицу, рябчиковъ, фазановъ, особую породу дикихъ куръ, такъ называемыхъ монгольскихъ, дикихъ козъ, кабановъ и проч. Задняя стѣна выходитъ въ узенькую китайскую уличку, тѣсно застроенную сплошь деревянными лавками мелкихъ ремесленниковъ. Всѣ постройки въ этой мѣстности чрезвычайно скучены и жмутся тѣсно одна къ другой. Типъ постройки здѣсь слѣдующій: каждая фанза, т. е. домъ или лавка, имѣютъ только одинъ отъ себя выходъ на улицу, или черезъ деревянную калитку или черезъ раздвижную деревянную стѣнку, если это лавка, другія же стѣны соприкасаются одна съ другой вплотную. Въ каждомъ китайскомъ домикѣ есть чистенькій, обычно выложенный камнемъ, дворикъ; у бѣдныхъ на него и смотритъ передней стѣной фанза. Китайская фанза съ трехъ сторонъ

глухая, а четвертая представляетъ собою сплошную оконную раму, взятую въ мелкій переплетъ и, вмѣсто стеколъ, заклеенную тонкой, пропускающей свѣтъ бумагой. Посрединѣ такая же переплетчатая дверь. Свѣта такая бумага даетъ вполнѣ достаточно. У богатыхъ на такую же чистенькую площадку выстроено обычно нѣсколько фанзокъ; часто представляется такая площадка совершенно застроенной, а если семья большая, то нѣсколько такихъ построекъ соединяются вмѣстѣ узенькими проулочками. У богатыхъ посреди площадки всегда есть одинъ или два глиняныхъ чана, въ которыхъ плаваютъ золотыя и серебряныя рыбки, или ростутъ лотосы, всегда есть въ кадкахъ нѣсколько гранатныхъ деревьевъ. Передняя стѣна, оставаясь такою же рѣшетчатой, занята окнами со стеклами. Крыша у всѣхъ на два ската, крытая черепицей. Изъ-подъ крыши деревянныя балки выдаются наружу и бываютъ выкрашены въ яркіе цвѣта. Имѣя много тонкаго дерева и бумаги, китайская постройка при своей тѣснотѣ представляетъ чрезвычайно благопріятный горючій матеріалъ. Мы же окружены были такимъ матеріаломъ, да и своего имѣли достаточно. Боксеры обычно подбрасывали горящую жидкость подъ крышу, на стропилы или на двери, и огонь быстро охватывалъ постройку. Мы огня боялись больше боксеровъ, такъ какъ не въ силахъ

были бы справиться съ пожаромъ, если бы онъ у насъ возникъ: не было у насъ ни воды, ни пожарныхъ инструментовъ, исключая насоса для поливки двора, ни силъ. Всѣ мы настораживались при звукѣ «пожаръ» и оберегали себя отъ поджоговъ, выставляя сторожевые посты и пуская каждые три часа въ обходъ посольскихъ стѣнъ патрули матросовъ и казаковъ. Опасаясь поджоговъ со стороны бродячихъ китайцевъ, всей китайской прислугѣ европейцевъ выдали именные билеты. Но прислуга стала оставлять насъ еще съ 26-го мая, а къ вечеру 1-го іюня всѣ слуги исчезли. Осталось во всемъ посольствѣ только трое китайцевъ: одинъ слуга-китаецъ католикъ, одинъ поваръ и одинъ язычникъ конюхъ, да и то двое послѣдніе скоро ушли. До чего сильна была паника среди слугъ, это видно изъ того, что ушелъ потихоньку, ни слова не сказавъ своему хозяину, одинъ слуга, прослужившій въ этомъ домѣ 11 лѣтъ и считавшійся образцомъ преданности. Насталъ вечеръ. Пришлось многимъ изъ насъ самимъ ставить самоваръ и задуматься насчетъ способа питанія. На всю миссію остался только одинъ поваръ.

Пока шли разговоры объ устройствѣ общежитія, часовъ въ 7½ вечера возвратился обходъ матросовъ и привелъ съ собой китайца, который былъ ими задержанъ на углу нашей улицы во время поджога деревянной двери пустой лав-

ки. Всѣ жители-китайцы за много уже дней побросали свои дома, вывезли свое имущество, чтò смогли, и молча ушли, такъ что вся наша Посольская улица, бывшая многолюдной, совершенно обезлюдѣла. Китаецъ былъ худощавый, на видъ лѣтъ 50-ти, на руку у него была накинута новая куртка (курма), самъ полуголый, какъ обыкновенно лѣтомъ ходятъ рабочіе и простолюдины. Держалъ себя какъ-то странно, возбужденно, какъ будто былъ выпивши, что зависѣло вѣроятно оттого, что онъ накурился опіума. Матросы, выйдя изъ переулка, замѣтили, какъ онъ, крадучись, пробирался вдоль стѣнки и, остановившись у дверей лавки, сталъ совать въ щели зажженую пачку курительныхъ палочекъ, употребляемыхъ китайцами и при жертвоприношеніяхъ, и при закуриваніи трубокъ. Замѣтя подходившихъ солдатъ, онъ бросилъ горящую пачку и бросился бѣжать, но былъ пойманъ. На вопросы отвѣчалъ бойко и увѣрялъ, что остановился закуривать трубку, изъ которой выколачивалъ о стѣну золу.

— Гдѣ же твоя трубка?

— Я ее бросилъ.

— Зачѣмъ же ты побѣжалъ, если только закуривалъ?

— Я испугался солдатъ.

— Зачѣмъ же ты совалъ въ щели пустой лавки зажженыя палочки?

— Это не важно, я больше не буду этого дѣлать, отпустите меня,—взмолился онъ, падая на колѣни.

Чтобы узнать, кто такой по профессіи этотъ китаецъ, послали за казакомъ, завѣдующимъ хозяйствомъ миссіи, и казакъ призналъ въ китайцѣ этомъ плотника, который только два дня тому назадъ работалъ въ миссіи, сколачивая деревянныя нары для ожидавшагося дессанта съ отрядомъ адмирала Сеймура. Такъ какъ онъ присланъ былъ подрядчикомъ на работу, то и послали за его хозяиномъ. Пришелъ хозяинъ, узналъ своего рабочаго и сталъ упрекать, что онъ вотъ уже второй день не приходитъ на работу. Посмотрѣли на куртку, куртка оказалась новой и совершенно иного покроя, нежели которую онъ носилъ до этого; въ карманѣ были деньги. Все вмѣстѣ взятое говорило много за его виновность, такъ что рѣшено было оставить его подъ карауломъ въ миссіи.

Онъ совершенно безропотно покорился своей участи и сѣлъ на корточки у дерева, къ которому его привязали. Въ это время пришли съ казачьяго двора и доложили, что замелькали огоньки по переулку, выходящему на Посольскую улицу. Тотчасъ же послали верховыхъ казаковъ и пѣшихъ, но огоньки быстро исчезли и на землѣ найдено было только нѣсколько такихъ же точно пачекъ курительныхъ палочекъ, которыя были

въ рукахъ и у нашего плѣнника. Темень была ужасная, дулъ къ тому же знойный вѣтеръ, было душно и тяжело дышать.

Въ 12 часовъ ночи, чуть-чуть только засвѣтила луна, послышались на улицѣ чьи-то людные шаги и говоръ. Я вышелъ къ воротамъ и увидалъ довольно оригинальное шествіе: г. Шамо въ широкой шляпѣ, блузѣ и ботфортахъ, съ винтовкой чрезъ плечо, рядомъ съ нимъ въ мужскомъ костюмѣ госпожа Шамо, также съ винтовкой чрезъ плечо, шли впереди, за ними шли въ рядъ пять—шесть сестеръ милосердія въ своихъ бѣлыхъ широкихъ головныхъ уборахъ, два миссіонера и шествіе замыкалось еще нѣсколькими вооруженными европейцами. Оказалось, что эти сестры были въ Нанъ-танѣ, и когда храмъ зажгли боксеры, то онѣ заперлись въ своемъ помѣщеніи, которое не было тронуто, такъ какъ ихъ охраняли полицейскіе и солдаты, но выйти не позволяли, держали какъ плѣнниковъ. Шамо освободилъ ихъ и привелъ съ собою. Остатокъ ночи прошелъ спокойно. Настало 2-е іюня, которое принесло съ собою новыя тревоги, новые ужасы.

На разсвѣтѣ боксеры опять подожгли всѣ зданія около Нанъ-тана и снова густой дымъ указывалъ, что пожаръ приближается и охватываетъ всю мѣстность, занятую благотворительными учрежденіями католическихъ миссіонеровъ. Никто

изъ насъ не спалъ и всѣ мужчины были на улицѣ, наблюдая за движеніемъ китайцевъ, которые громадными массами толпились у поставленной русской баррикады самаго первобытнаго устройства, составленной изъ ящиковъ, телѣгъ, рогатокъ, лишь бы не пускать толпу. Но вотъ опять показалось шествіе, передъ которымъ китайцы-полицейскіе расталкивали толпу. Опять супруги Шамо въ своихъ костюмахъ и за ними цѣлая вереница китайцевъ, выведенныхъ ими изъ богадѣленъ и изъ домовъ. Среди китайцевъ шелъ и одинъ миссіонеръ. Что за тяжелое зрѣлище представляло это шествіе! Вотъ несутъ на рукахъ разбитую параличемъ старуху; вотъ женщина съ маленькими дѣтьми на рукахъ; вотъ слѣпые, калѣки; вотъ ведутъ подъ руки китайца, у котораго боксерами пробита голова и вся повязка пропитана кровью; вотъ еще раненые, обгорѣлые, калѣки, убогіе... Шамо разсказалъ, что боксеры напали на пріютъ для дѣтей и на дома христіанъ, въ которыхъ были размѣщены дѣти и призрѣваемые, что боксеры жгутъ и избиваютъ христіанъ самымъ варварскимъ образомъ. Послѣ всего видѣннаго и слышаннаго рѣшено было, что отрядъ изъ русскихъ и американцевъ пойдетъ въ Нанъ-танъ и освободитъ сколько возможно китайцевъ-католиковъ. Въ 10 часовъ утра 20 человѣкъ матросовъ, 8 американцевъ и 6 русскихъ добровольцевъ отправились въ Нанъ-танъ.

Улицы были запружены народомъ, но только любопытнымъ, полицейскіе расчищали дорогу, а когда отрядъ пошелъ вдоль городской стѣны, то увидалъ, что вся стѣна занята войсками Чжунъ-лу и Дунъ-фу-сяна. Форма солдатъ-дунъ-фу-сянцевъ очень эффектная; они носятъ краснаго цвѣта широкіе кафтаны, а вдоль спины и по груди спускается, надѣваясь на шею, длинная и широкая красная полоса, на которой черными іероглифами китайскими написано: «войско великаго Дунъ-фу-сяна». Уроженцы западныхъ магометанскихъ провинцій и сами полумагометане солдаты Дунъ-фу-сяна— прекрасная кавалерія, храбрые, хотя и дикіе воины. Когда русскій отрядъ проходилъ вдоль стѣны, то они кричали сверху: «Не стрѣляйте, мы—солдаты», желая этимъ указать на сходство въ одеждѣ съ боксерами и избѣжать возможной ошибки. И, точно нарочно, у одного изъ добровольцевъ выстрѣлило ружье, по счастью никого не ранивъ. Когда отрядъ вошелъ въ улицы Нанъ-тана, то представилось глазамъ зрѣлище во всемъ своемъ настоящемъ ужасѣ. Повсюду дымящіяся развалины, повсюду убитые и изувѣченные трупы мужчинъ, женщинъ, дѣтей; одни лежали обгорѣлые, другіе съ разбитыми головами, распоротыми животами, а дѣти или перерубленные пополамъ, или съ разможенными черепами. Боксеровъ уже не было: они свое дѣло сдѣлали и удалились, но хозяйничала на разва-

линахъ и въ домахъ шайка грабителей, которая продолжала дѣло боксеровъ; врываясь въ дома христіанъ, они и убивали ихъ и грабили. Такъ какъ въ узенькихъ улицахъ нельзя было дѣйствовать сообща, то отрядъ разбился на отдѣльныя группы и открылъ пальбу по грабителямъ. Много было ихъ убито, застигнутыхъ на мѣстѣ грабежа и въ домахъ, на мѣстѣ совершаемыхъ убійствъ. Особенно ужасно было мѣсто, гдѣ жили сестры и былъ дѣтскій пріютъ,—все это было теперь одно изувѣченное, кровавое мѣсто убійствъ. Христіане-китайцы, услыхавъ и понявъ, что пришли ихъ спасители, выходили и выползали изъ своихъ потайныхъ мѣстъ и изъ-подъ развалинъ, выносили кресты, становились на колѣни, плакали, молились. Собрано было человѣкъ двѣсти, изъ которыхъ очень многіе были ранены, и отправлены въ посольство подъ конвоемъ. Грабители, кто не былъ убитъ, разбѣжались, но изъ числа взятыхъ на мѣстѣ грабежа десять человѣкъ были связаны. Обратное шествіе отряда, вырвавшаго столько несчастныхъ изъ рукъ смерти, было достойно вниманія по своей торжественной и ужасной простотѣ. Эти женщины, дѣти, мужчины,—все это было или убогое, или старое, или больное, или дѣтское, все было окровавленное, израненное. Дойдя до русскаго посольства, они остановились, не зная куда идти. Пользуясь возможностью оказать имъ помощь, я взялъ все необходимое для

перевязки и на улицѣ, подъ открытымъ небомъ, сталъ накладывать швы на раны, обмывать, перевязывать. Многіе несчастные имѣли на себѣ по пяти и болѣе ранъ, нанесенныхъ саблями и копьями. Раны доходили до костей, были пробиты бока, отрублены куски мяса... Всѣ совершаемыя звѣрства надъ христіанами-китайцами были извѣстны китайскимъ мѣстнымъ властямъ которыя однако не принимали никакихъ мѣръ къ охранѣ христіанъ. Матросы, обходя дома, нѣсколько разъ при осмотрахъ находили въ домахъ сидѣвшихъ взаперти китайскихъ полицейскихъ чиновниковъ и полицейскихъ солдатъ Одно изъ двухъ: или китайцы сами боялись боксеровъ и прятались отъ нихъ, или намѣренно не вмѣшивались, не желая мѣшать... Всѣхъ спасенныхъ католиковъ размѣстили вблизи французскаго посольства и въ саду Фу. Изъ захваченныхъ грабителей многіе были типичные уличные пекинскіе нищіе, люди на-половину дошедшіе до состоянія уличныхъ животныхъ бездомныхъ, загнанныхъ, голодныхъ. Нищіе въ Пекинѣ это — нѣчто невообразимо ужасное и жалкое. Но были двое изъ грабителей, которые поражали своимъ видомъ. Я въ первый разъ въ моей жизни увидалъ человѣка-звѣря. Это былъ тщедушный молодой китаецъ, одѣтый въ какую-то женскую кофту, на голову у него былъ надѣтъ краснаго сукна башлыкъ, который китай-

цы носятъ зимой; грабитель поражалъ своей юркостью дикаго звѣрка, попавшаго въ клѣтку. Глаза его, узенькіе и маленькіе, блестѣли какъ раскаленные угольки изъ-подъ башлыка; онъ постоянно дѣлалъ какія-то судорожныя тѣлодвиженія, оглядывая то своихъ невольныхъ товарищей, то разсматривая солдатъ. На груди у него было нѣсколько глубокихъ язвъ и колотыхъ ранъ.

Легко было, конечно, привести этихъ десятерыхъ грабителей, но возникъ трудный вопросъ, что съ ними теперь дѣлать? Желаніе рѣшительныхъ людей, выразившееся въ предложеніи поставить ихъ всѣхъ вдоль стѣнки да пристрѣлить, очевидно, было невыполнимо въ стѣнахъ русскаго посольства; пристрѣлить ихъ съ успѣхомъ можно было и на мѣстѣ, не приводя въ русское посольство. Рѣшеніе посадить подъ арестъ и увѣдомить китайскихъ властей, которыя должны прислать стражу, чтобы взять грабителей для казни, было единственное, которое оказалось возможнымъ. Посадили десятерыхъ въ сарай, привязали за косы другъ къ другу и присоединили къ нимъ арестованнаго вчера поджигателя. День прошелъ тихо, а вечеромъ зажгли лампу для нихъ въ сараѣ и поставили часового съ ружьемъ. Но вотъ въ девять часовъ вечера послышался на заднемъ дворѣ какой-то шумъ, раздался выстрѣлъ, прибѣжалъ фельдфебель Мазнинъ, взволнованный, спрашивая насъ, не ви-

далъ ли кто начальника дессанта. Раздался второй выстрѣлъ; фельдфебель побѣжалъ дальше разыскивать барона Радена, сказавъ лишь, что арестанты бунтуютъ, а мы побѣжали на задній дворъ къ сараю, гдѣ содержались арестованные. Оказалось, что вчерашній поджигатель успѣлъ развязаться самъ, развязалъ многихъ изъ грабителей и, когда часовой его увидалъ, то поджигатель потушилъ лампу. Часовой притворилъ дверь и далъ свистокъ; прибѣжали другіе матросы, отворили дверь, но въ это время полетѣли въ нихъ выломанные изъ стѣнки камни. Часовой сдѣлалъ выстрѣлъ,—шумъ не прекратился; сдѣлалъ другой, тогда все умолкло. Когда съ огнемъ вошли въ сарай, то увидали, что наполовину всѣ заключенные были уже полуразвязаны. Вчерашній поджигатель смертельно раненъ въ животъ, одинъ изъ грабителей раненъ въ спину. Раненый поджигатель умеръ на другой день. Похоронить его доставило также немало хлопотъ: надо было ночью вынести трупъ на Монгольскую площадь и тамъ зарыть, чтобы не обратить вниманія китайцевъ. Вообще приводъ грабителей доставилъ намъ много непріятностей, и только на третій день китайскія власти прислали двухъ своихъ чиновниковъ, которые приняли заключенныхъ и выстроили ихъ во дворѣ. Принесенной тонкой цѣпью связали, продѣвъ ее въ косы, и вывели ихъ, такимъ образомъ навязанныхъ, на

цѣпь, одинъ за другимъ, за ворота. Улицы были полны народомъ и, какова судьба была этихъ плѣнниковъ, осталось неизвѣстно: освободилъ ли ихъ народъ или они понесли должное возмездіе...

Въ китайскомъ застѣнномъ городѣ часовъ съ десяти вечера 2-го іюня поднялся такой страшный шумъ, котораго еще мнѣ не приходилось слышать; это—бушевало человѣческое море голосовъ, въ которомъ слышны были и вопли отчаянія, и крики ужаса, и стоны, и дикій ревъ разсвирѣпѣвшаго звѣря, и предсмертное хрипѣнье испускающей последній вздохъ жертвы. Голоса мужскіе, женскіе, дѣтскіе, на самыхъ высокихъ нотахъ,—нотахъ, которыми выражалось необычайное душевное состояніе, неслись къ намъ по воздуху. Одновременно, тамъ же за стѣной, послышалась ружейная стрѣльба, а въ отдаленіи стала доноситься ясная пушечная пальба. Мы не могли найти иного объясненія происходящему въ китайскомъ городѣ, какъ увѣренность, что подошелъ отрядъ адмирала Сеймура и штурмуетъ стѣны китайскаго города. Съ нетерпѣніемъ ожидали мы 12-ти часовъ ночи, когда открываются ворота изъ китайскаго города въ нашъ, манчжурскій, въ надеждѣ получить разгадку. Но вотъ поднялся словно громадный бушующій валъ, прорвалъ какую-то преграду и раскатился, не сдерживаемый, по свободному пространству Ворота открыли. Настала мертвая тишина.

Въ два часа ночи снова былъ слышенъ шумъ толпы въ сторонѣ англійскаго посольства, раздался залпъ англичанъ, стоявшихъ на постахъ на мосту вблизи своего посольства, и снова все замолкло. Утро 3-го іюня принесло разгадку всего бывшаго наканунѣ. Оказалось, что болѣе 200 боксеровъ и грабителей начали поджигать дома въ китайскомъ городѣ и убивать китайцевъ, заподозрѣнныхъ ими въ сочувствіи европейцамъ, а грабители подожгли нѣсколько магазиновъ и разграбили товары. Отсюда—тѣ крики ужаса, которые разносились при страхѣ огня, смерти и расхищенія. Вся эта толпа грабителей и боксеровъ съ открытіемъ Цянь-мыньскихъ воротъ бросилась къ католическому храму Бейтанъ, чтобы его поджечь, но нашла входныя ворота въ императорскій городъ, въ которомъ расположенъ храмъ, запертыми и охраняемыми солдатами. Тогда толпа возвратилась другими улицами и, имѣя во главѣ боксеровъ съ факелами, вышла къ мосту, ведущему къ англійскому посольству. Нѣсколько боксеровъ, размахивая саблями и припрыгивая, бросились на мостъ, но тотчасъ же были убиты залпомъ англичанъ. Остальная толпа тотчасъ же разбѣжалась. Чтобы провѣрить этотъ разсказъ, баронъ Раденъ, капитанъ Врублевскій, студентъ миссіи Бѣльченко и я отправились въ англійское посольство, а оттуда на мостъ, гдѣ стояли англійскіе часовые.

Здѣсь капитанъ Пуль, стоявшій вмѣстѣ съ англичанами ночью, подтвердилъ все сказанное и добавилъ, что убито трое, а трое тяжело раненыхъ. Убитые лежали тутъ же на улицѣ. Совершенно спокойно и безразлично сновалъ мимо нихъ народъ, ѣздили телѣги, проѣзжали верховые, не обращая на трупы никакого вниманія. Но вотъ показался конный отрядъ дунъ-фу-сянцевъ; ѣхали они по тротуару гуськомъ, такъ что непремѣнно должны были задѣть барона Радена. Подъѣзжая, однако, всѣ передніе съѣхали на дорогу, но одинъ нарочно держалъ лошадь по тротуару на барона, который остановился и, только голова лошади поровнялась съ нимъ, онъ ловкимъ толчкомъ спихнулъ ее въ шею съ тротуара на дорогу. Дунъ-фу-сянецъ никакъ не ожидалъ такого поступка, нагло взглянулъ на барона, но молча поѣхалъ дальше за своими спутниками. Убитые боксеры все были люди молодые и по наружности и одеждѣ принадлежали къ рабочимъ или нищимъ. Только красные и желтые куски матеріи на груди ихъ, да шнурки красные и подвязки на ногахъ указывали на ихъ принадлежность къ боксерству. Валялись они въ пыли, въ грязи...

За нѣсколько дней передъ этимъ былъ подобный же случай съ итальянцами. Изъ боксерской толпы, проходившей по Ходамыньской улицѣ, нѣсколько человѣкъ бросились, подпрыгивая, съ

саблей въ рукѣ на итальянскую баррикаду. Залпомъ итальянцевъ убитъ былъ одинъ боксеръ, видимо, изъ вожаковъ. Былъ онъ убитъ саженяхъ въ 30-ти отъ баррикады и лежалъ на улицѣ дня два, раскинувъ въ обѣ стороны руки. Боксеръ этотъ былъ уже не молодъ и одѣтъ въ типичный боксерскій костюмъ съ красной повязкой на головѣ. Только что вернулись мы домой, какъ пришли сказать, что горитъ городъ за Цянь-мыньскими воротами. Китайскій городъ это — самостоятельная часть Пекина, онъ обнесенъ также каменными стѣнами, хотя и не столь толстыми и высокими, и сообщается съ манчжурскимъ городомъ посредствомъ воротъ, на ночь запираемыхъ съ заходомъ солнца и отпираемыхъ утромъ съ восходомъ. Только одни Цянь-мыньскія ворота открываются отъ 11½ до 12 ночи для пропуска чиновниковъ, ѣдущихъ во дворецъ съ докладами. Во дворцѣ доклады чиновниковъ принимаются раннимъ утромъ, а въ важныхъ дѣлахъ происходятъ совѣщанія и по ночамъ. Китайскій городъ—самая многолюдная, самая богатая и самая торговая часть Пекина. Здѣсь всѣ китайскіе магазины и лавки, здѣсь китайскіе банки, денежныя и коммерческія конторы, здѣсь рынокъ, здѣсь сосредоточены и всѣ китайскія увеселительныя заведенія, какъ рестораны, театръ, знаменитыя куртизанки и проч. Поджоги, начатые съ вечера

2-го іюня, къ утру 3-го обратилась въ одно общее пожарище. Съ городской стѣны, отдѣляющей китайскій городъ отъ манчжурскаго, можнобыло видѣть все, что тамъ происходило. Когда я поднялся на стѣну, то горѣла главная торговая улица. Дымъ клубами взлеталъ вверхъ и растилался по воздуху широкой полосой; вѣтеръ былъ на манчжурскій городъ и раздувалъ пламя, которое сперва взвивалось сквозь дымъ острыми продолговатыми языками; казалось, оно боролось съ дымомъ, не дававшимъ огню свободы, но скоро уже стало видно, что огонь осиливаетъ дымъ и вырывается на волю яркимъ, жгучимъ пламенемъ. Можно было разглядѣть, какъ охватывалъ онъ все зданіе, и оно вдругъ обращалось въ одинъ большой бушующій костеръ. Благодаря скученности построекъ, сухости и обилію дерева, огонь быстро переходилъ отъ зданія къ зданію и черезъ два—три часа вся улица представляла собою одно общее бушующее море огня. Вѣтеръ гналъ быстро пламя на Цянь-мыньскія ворота, надъ которыми на площадкахъ стояли высокія вѣковыя башни. Это мѣсто въ стѣнѣ образуетъ обширную площадь правильной четыреугольной формы, на которой сходятся четверо воротъ; двое главныхъ съ башнями на верхнихъ площадкахъ, находящихся на самой стѣнѣ, и двое боковыхъ, черезъ которыя можно войти во внутреннюю площадь воротъ. Первыя главныя ворота отъ китайскаго города всегда заперты и от-

крываются только для проѣзда богдыхана, когда онъ слѣдуетъ изъ своего дворца въ храмъ неба. У воротъ съ обѣихъ сторонъ ихъ за послѣдніе два—три года выстроился новый городокъ маленькихъ деревянныхъ лавчонокъ и уличныхъ шатровъ. Думать о спасеніи имущества никто, конечно, и не думалъ, еще менѣе можно было думать о тушеніи пожара. Огонь здѣсь властвовалъ вполнѣ, какъ свободная и могучая стихія. Захватывая лавки со взрывчатыми веществами или склады керосина, пожаръ къ шуму отъ огня присоединялъ еще и грохотъ взрывовъ. Начавшись съ 6—7 часовъ утра, къ четыремъ часамъ дня огонь дошелъ до самыхъ Цянь-мыньскихъ воротъ. Запылали всѣ деревянныя постройки новаго города. Пламя было такъ сильно и такъ раздувалось вѣтромъ, что его взбрасывало на высоту стѣны, имѣвшей семь саженъ высоты, и оно охватывало основаніе башни и боковыхъ караульныхъ домовъ. Издали смотрѣть—это было вполнѣ бушующее море огня, пылающія волны котораго также набрасывались на каменную стѣну и башню и отскакивали отъ нихъ, какъ набрасывается несущаяся морская волна на каменный утесъ и, разбившись брызгами, падаетъ обратно въ море. Я стоялъ на стѣнѣ на разстояніи трехсотъ саженъ отъ пожара и мнѣ жарко было отъ огня, а нагрѣтый огнемъ вѣтеръ доносился до посольства. Теперь передъ

нами стоялъ уже не призракъ страшной огненной смерти, но мы видѣли ея гонцовъ, готовыхъ вторгнуться въ наши владѣнія. Вся надежда оставалась на башни и на промежуточную между ними площадь, которыя должны были остановить дальнѣйшее распространеніе огня. Но въ пять часовъ загорѣлись первыя ворота и загорѣлась первая башня, а на нашей улицѣ подожгли угловой китайскій магазинъ, торговавшій лампами и имѣвшій складъ керосина. Будучи не въ силахъ бороться съ огнемъ, если бы онъ дошелъ до насъ, мы употребляли всѣ усилія, чтобы преградить ему дорогу. Въ виду этого матросы отправились тушить начавшійся пожаръ, имъ помогали и мы, а также и многіе изъ китайской толпы, бывшей на улицѣ. Лавку скоро всю разломали, но передъ нами была еще цѣлая улица построекъ, оставленныхъ уже нѣсколько дней жителями. Пустые дома могли поджигателямъ служить и мѣстомъ укрывательства, и матеріалами для поджога. Было очевидно, что боксеры прежде всего хотятъ взять насъ огнемъ, а потому тотчасъ же рѣшено было начать ломать всѣ дома, прилегающіе къ нашимъ стѣнамъ съ переулка и съ Монгольской площади, а съ нашего двора изъ многочисленныхъ сараевъ выносить весь горючій хламъ на улицу, а затѣмъ увозить его и сбрасывать въ каналъ. Горячо всѣ принялись за работу: матросы ломали стѣны, выламывали

двери и балки, выворачивали стропила. Страшно становилось, когда рушился домъ и туча пыли и земли скрывала ихъ отъ глазъ. Но все обходилось благополучно, не было даже серьезныхъ ушибовъ. Мы вытаскивали всякую деревянную рухлядь, оттаскивали доски, а казаки клали на телѣги и увозили. Такъ проработали мы до восьми часовъ вечера и страшно утомились, а люди еще не обѣдали, въ перспективѣ же имъ предстояла безсонная ночь на постахъ.

Рѣшено было на ночь удвоить посты, а самимъ намъ обойти всѣ остальные дома и Монгольскую площадь. Во время обхода въ одномъ пустомъ домѣ, стѣна котораго была смежною съ стѣною нашей конюшни, Н. Ѳ. Колесовъ и А. В. Бородавкинъ нашли до-красна раскаленную китайскую переносную печку, приставленную къ самой стѣнкѣ. Была очевидна цѣль вызвать пожаръ. Домъ этотъ принадлежалъ, какъ оказалось, китайцу-водовозу, поставлявшему воду въ русскую миссію. Печь, конечно, вынесли, залили водой угли, а дверь забили досками. И трудно было намъ остаться безъ слугъ, но и спокойнѣе мы были, не боясь имѣть у себя дома поджигателей. Въ англійскомъ посольствѣ былъ пойманъ даже настоящій боксеръ, который былъ никто иной, какъ служившій въ ней садовникъ. Ночь прошла спокойно, только зарево отъ горѣвшей на стѣнѣ башни, да

пожарища китайскаго города свѣтили намъ и помогали различать окружающую насъ мѣстность. Зрѣлище, которое представляла среди ночи пылавшая пятиярусная башня, внутри которой сложено было много дерева, просилось быть занесеннымъ на картину. Изъ однихъ оконъ, изображавшихъ амбразуры для пушекъ, вырывалось пламя, въ другихъ этажахъ окна свѣтились внутри пылавшими огнями. Слѣдующій день 4-го іюня мы продолжали ломать зданія и свозить въ каналъ горючій матеріалъ, а массу кирпича и балокъ употребляли на упроченіе баррикады, засыпая и закладывая новыми скрѣпами остававшіеся до этого пустые промежутки. Днемъ вблизи насъ пожаровъ не было, но всѣ поджоги направлены были въ сторону англійскаго, французскаго и итальянскаго посольствъ. Но если не было пожаровъ, то пули къ вечеру стали жужжать надъ головами въ большомъ количествѣ. Такъ какъ на Монгольской площади противъ насъ заняли дома солдаты дунъ-фу-сянцы, которымъ съ крышъ и съ деревьевъ, откуда они стрѣляли, виденъ былъ нашъ дворъ, а горящіе фонари свѣтомъ своимъ представляли хорошую цѣль, то рѣшено было погасить всѣ фонари и держать только одинъ фонарь въ караулкѣ у главныхъ воротъ. На Монгольскую площадь выходило частью своихъ построекъ и англійское посольство, такъ что дунъ-фу-сяне, забравшись на противоположной сторонѣ въ домахъ своихъ, имѣли хорошія

позиціи. Вслѣдствіе этого обстоятельства ни намъ, ни англичанамъ нельзя было разломать тѣ постройки, которыя выходили на площадь, не подвергая людей опасности навѣрняка быть убитыми. Боксеры пользовались этимъ и все пробовали подсылать поджигателей то къ намъ, то къ англичанамъ. Первое время наблюдательные посты были у насъ поставлены на крышахъ, но послѣ того какъ 6-го іюня былъ убитъ первый у насъ матросъ съ «Сисоя Великаго» Ильинъ, рѣшено было посты съ крышъ снять и расположить внутри посольства вдоль всей стѣны, пробивъ въ ней дыры, которыя служили бы для наблюденія за Монгольской площадью и для стрѣльбы по китайцамъ. У дыръ постоянно находились не только матросы, но приходили на помощь и мы; садились у отверстій и наблюдали за всѣмъ, что дѣлалось у дунъ-фу-сянцевъ на противоположной сторонѣ. Боксеры главнымъ образомъ гнѣздились близъ Ходамыньскихъ воротъ въ храмахъ, близко расположенныхъ къ посольствамъ австрійскому, итальянскому и французскому. Нѣмцы, австрійцы, итальянцы и французы нѣсколько разъ устраивали облаву на боксеровъ во время моленій ихъ въ храмахъ. Такъ съ утра 3-го іюня стало извѣстно, что боксеры въ числѣ 50-ти человѣкъ собрались въ одномъ изъ храмовъ вблизи австрійскаго посольства на моленіе. Тогда

австрійцы, французы и итальянцы отправились къ этому храму, оцѣпили его и перебили всѣхъ боксеровъ, не слыхавшихъ за пѣніемъ прихода отряда и не успѣвшихъ скрыться. Въ тотъ же день отдѣльно отъ другихъ ходили и нѣмцы въ другую кумирню, въ которой собирались боксеры, и также часть успѣли перебить. Вблизи насъ хотя и было не мало храмовъ, но боксеровъ въ нихъ не было. Для предосторожности тѣмъ не менѣе съ утра 4-го іюня наши матросы, и мы, предводимые Н. И. Гомбоевымъ, старожиломъ Пекина, прожившимъ въ немъ около 30-ти лѣтъ, обошли всѣ ближайшіе къ намъ храмы, но ни въ одномъ изъ нихъ не нашли ничего подозрительнаго. Осматривая кумирни, мы поражены были тѣми громадными запасами риса и ячменя, которыми полны были амбары въ кумирняхъ. Бонзы вездѣ встрѣчали насъ съ замѣчательнымъ тактомъ, не показывая вида, что посѣщеніе и осмотръ храмовъ и жилищъ можетъ быть имъ непріятенъ.

Съ 5-го іюня стало чувствоваться въ воздухѣ что-то гнетущее, боксеры входили въ Пекинъ большими отрядами, мы стали уже ждать нападеній и готовились къ отчаянной оборонѣ. 6-го іюня былъ полученъ посланниками ультиматумъ объ оставленіи Пекина, но рѣшено было оставаться. Все самое необходимое изъ имущества перевезли

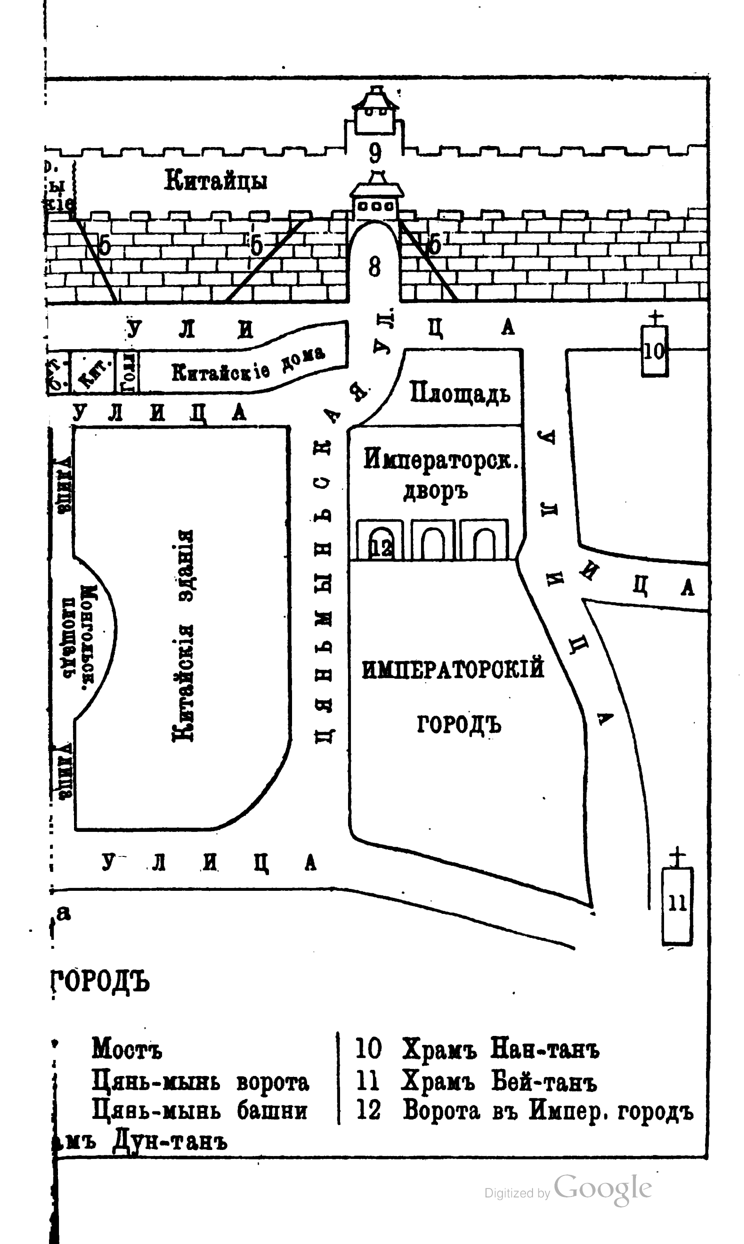
и перенесли въ англійское посольство; сдѣлано было распоряженіе перенести туда же и всю амуницію матросовъ, которую въ ранцахъ и мѣшкахъ сложили вдоль стѣны отведеннаго для русскихъ помѣщенія. Настало 7-е іюня. Къ четыремъ часамъ дня всѣ наши семьи перешли въ англійское посольство. Началась наша осада.

8-го іюня, сидя у пробитыхъ дыръ въ стѣнѣ, фельдшеръ дессанта Вольфритъ и студентъ миссіи А. Т. Бѣльченко замѣтили, какъ изъ воротъ одного дома съ Монгольской площади вышли двое китайцевъ. Одинъ китаецъ, уже пожилой, полный, несомнѣнно хозяинъ, а другой молодой—работникъ; работникъ несъ какой-то мѣшокъ. Направились они на уголъ нашей стѣны. Стали за ними зорко наблюдать и оказалось, что, подойдя къ стѣнѣ, работникъ зажегъ мѣшокъ и перебросилъ его къ намъ во дворъ, а затѣмъ побѣжалъ. Старый же наблюдалъ издали. По бѣгущему выстрѣлилъ фельдшеръ и ранилъ, но легко; за фельдшеромъ выстрѣлилъ Бѣльченко и свалилъ бѣглеца на землю. Такъ онъ и истлѣлъ подъ нашими стѣнами! Горѣвшій мѣшокъ тотчасъ же затоптали; сдѣланъ онъ былъ изъ бумаги, набитъ мелкимъ углемъ съ соломой. Нѣсколько разъ и удавались поджоги за нашей стѣной, но мы ограничивались тогда только ролью наблюдателей, давая сгорѣть опаснымъ для насъ зданіямъ и ограждая свои поливкой изъ ведеръ,

кувшиновъ, тазовъ и единственной маленькой садовой трубы. Въ ночь на 8-е іюня боксеры сожгли оставленное бельгійское посольство и китайскій банкъ, сосѣдній съ австрійскимъ посольствомъ, а на разсвѣтѣ 9-го іюня солдаты и боксеры сдѣлали жестокое нападеніе на самое посольство. Нападеніе вели солдаты, а боксеры въ это время успѣли проникнуть и поджечь зданія. Отъ огня и поджоговъ много терпѣло и англійское посольство и первые нѣсколько дней послѣ 8-го іюня насъ постоянно тревожили раздававшійся оттуда звонъ набата и пламя. Но у англичанъ подъ рукою было достаточно и воды въ колодцахъ, были и инструменты, и рабочія руки христіанъ-китайцевъ, которыхъ привели съ собою англійскіе и американскіе миссіонеры. Особенно силенъ былъ пожаръ 10-го іюня, когда на помощь тушить пришли къ англичанамъ и наши матросы. Пріятно было видѣть ихъ работу и страшно было за жизнь смѣльчаковъ, когда они взбирались на горѣвшія балки и ловкими и смѣлыми ударами топора вырывали отъ огня его добычу. Быстро разбросали и разломали они горящее зданіе на глазахъ удивленно смотрѣвшихъ англичанъ. Англичане были въ восторгѣ отъ молодецкой работы и безстрашія русскихъ и долго все еще выражали удивленіе, отчего у русскаго человѣка такое влеченіе и склонность все разрушать скоро и основательно. Пожаръ этотъ былъ на-

столько серьезенъ, а помощь, оказанная русскими настолько очевидна, что на другой день въ приказѣ по посольству англійскій посланникъ сэръ Клодъ Макдональдъ выразилъ за тушеніе пожара свою благодарность русскимъ матросамъ въ лицѣ особенно безстрашнаго матроса Лужникова. Сожженіемъ американскаго миссіонерскаго университета для китайцевъ, включавшаго въ свой кругъ также и миссіонерскія школы, больницы, пріюты и множество миссіонерскихъ зданій, а также сожженіемъ общежитія, устроеннаго правленіемъ Манчжурской желѣзной дороги для русскихъ студентовъ, пріѣхавшихъ изучать китайскій языкъ, солдаты и боксеры закончили истребленіе европейскихъ зданій и вплотную придвинулись къ баррикадамъ французовъ и нѣмцевъ, составлявшихъ общій нашъ оплотъ съ востока. Сожженіемъ же голландскаго посольства, Русско-китайскаго банка, магазина Имбека, русской почтовой конторы китайцы придвинулись вплотную къ баррикадамъ русскихъ и американцевъ, составлявшихъ общій нашъ оплотъ съ запада. Сѣверъ былъ весь въ рукахъ китайцевъ и они постоянно изо дня въ день, изъ ночи въ ночь вели неумолкаемую ружейную пальбу, а временами и пушечную канонаду, направляя все вниманіе на англичанъ и на японцевъ, занимавшихъ вмѣстѣ съ частью австрійцевъ и итальянцевъ паркъ «Фу». Югъ, т. е. городская стѣна,

исключая ту часть, которая, защищая посольства, была забаррикадирована съ обѣихъ сторонъ и находилась въ рукахъ русскихъ и американцевъ, большею частью стѣны, съ башнями надъ Цянь-мыньскими и Ходамыньскими воротами,—находился въ рукахъ китайцевъ.

9
Китайцы
5
5
6
8
УЛИЦА
Китайскіе дома
УЛИЦА
Цяньмыньская ул.
Площадь
Императорск. дворъ
12
10
Китайскія зданія
Монгольск. площадь
Улица
Улица
ИМПЕРАТОРСКІЙ ГОРОДЪ
УЛИЦА
УЛИЦА
11
ГОРОДЪ
Мостъ
Цянь-мынь ворота
Цянь-мынь башни
мъ Дун-танъ
10 Храмъ Нан-танъ
11 Храмъ Бей-танъ
12 Ворота въ Импер. городъ

II.

Народныя массы на улицахъ.— Первыя преграды.— Поимка на Посольской улицѣ перваго боксера.— Значеніе этой поимки.—Планъ Пекина.—Общежитіе русскихъ практикантовъ китайскаго языка.—Начало враждебныхъ дѣйствій и первые русскіе раненые.—Баррикады.

Массовое движеніе китайцевъ по Посольской улицѣ началось числа десятаго мая. Густыми толпами, въ тучахъ поднимаемой ими пыли, проходили они по улицѣ взадъ и впередъ, будучи привлекаемы однимъ лишь безграничнымъ любопытствомъ поглазѣть, какъ это будутъ разрушаться боксерами европейскія зданія и истребляться ненавистные европейцы. Да и какъ было не придти и не поглазѣть, когда боксеры давнымъ-давно распустили въ народѣ молву и славу о своей чудодѣйственной силѣ и неуязвимости. Помимо любопытства, многихъ изъ толпы привлекали, конечно, желаніе и возможность безна-

казанно поживиться имуществомъ европейцевъ, но главное было все-таки любопытство, качество, столь свойственное характеру китайца. Громадное большинство народной массы были люди пришлые изъ пригородовъ Пекина и ближайшихъ селеній. Должно отдать справедливость, что народная масса держала себя тихо, степенно, миролюбиво, съ тѣмъ тактомъ вѣжливости, который такъ присущъ китайцу и всегда подкупаетъ европейца въ пользу китайскаго народа. Попадались лишь единичные типы, которые на встрѣчавшихся съ ними европейцевъ бросали взгляды, полные ненависти, не давали дороги, задѣвали проходя локтемъ, чего обычно никогда не случается съ китайцемъ. Такъ какъ слухи о нападеніи боксеровъ становились все упорнѣе, волненіе и смятеніе среди населенія дѣлалось все замѣтнѣе, а красные мундиры дунъ-фу-сянскихъ солдатъ, которымъ европейцы довѣрять не имѣли никакихъ основаній, появлялись на улицѣ среди толпы все чаще и чаще, а вблизи русскаго посольства на Монгольской площади былъ поставленъ даже дунъ-фу-сянскій пикетъ,— то ради предосторожности рѣшено было прекратить окончательно движеніе телѣгъ и праздно-шатающихся народныхъ массъ по Посольской улицѣ въ предѣлахъ расположенныхъ на ней посольствъ. Чтобы достигнуть этого, были поставлены у самаго крайняго по улицѣ голланд-

скаго посольства легкія загородки и рогатки, сквозь которыя дозволено было проходить только рабочимъ, китайской прислугѣ, торговцамъ, да проѣзжать телѣгамъ съ грузомъ. Народная масса покорно подчинилась этому ограниченію и толпилась изо дня въ день, съ утра до вечера, у самыхъ рогатокъ, все чего-то ожидая. Событія не заставили себя долго ждать.

Во вторникъ, 30-го мая, убитъ былъ на улицѣ за вторыми воротами японскій секретарь, отправившійся на станцію желѣзной дороги встрѣчать ожидаемый японскій дессантъ. Народная масса, когда стало извѣстно о происшедшемъ, заволновалась, прорывала рогатки, но была сдерживаема китайскими полицейскими, наблюдавшими за толпой на улицѣ. Положеніе наше тѣмъ не менѣе было ненадежно, и рѣшено было начать устройство другой преграды, выведя черезъ улицу отъ угла русскаго посольства вторую и болѣе основательную баррикаду, подготовляя себя ко всякой случайности. Въ основаніе этой второй баррикады положены были ящики, наполненные землей и камнями. Баррикада достигала высоты полутора аршинъ и могла сдержать напоръ не только пѣшей толпы, но и дунъ-фу-сянской конницы.

Событіе 31-го мая заставило еще болѣе придать значенія укрѣпленію баррикады. Совершенно неожиданно произошло слѣдующее. Въ

11 час. утра изъ одного изъ многочисленныхъ переулковъ, выходящихъ на Посольскую улицу, выѣхала обычная китайская телѣга, въ которой на облучкѣ, свѣсивъ ноги, сидѣлъ молодой, лѣтъ 15—16, китаецъ въ костюмѣ боксера, т. е. на головѣ имѣлъ краснаго цвѣта повязку съ начертаніемъ гіероглифа «Фо», т. е. Будда, и опоясанъ былъ краснымъ кушакомъ. Внутри телѣги сидѣлъ пожилой боксеръ, у котораго сбоку за кушакомъ былъ заткнутъ ножъ, а въ глубинѣ телѣги сидѣла вся въ красномъ одѣяніи малолѣтняя дѣвочка. Телѣга мирно ѣхала по Посольской улицѣ и возница намѣревался уже свернуть въ переулокъ, какъ въ эту минуту изъ воротъ дома вышли двое европейцевъ и, увидавъ молодого боксера, бросились къ телѣгѣ, намѣреваясь его схватить. Не ожидая такого внезапнаго нападенія и совершенно растерявшись, молодой китаецъ спрыгнулъ съ облучка телѣги и побѣжалъ вдоль улицы, а телѣга быстро скрылась въ переулокъ. Европейцы побѣжали въ догонку за молодымъ боксеромъ съ криками «держи, держи». Боксеръ пробѣжалъ улицу вплоть до русскаго и американскаго посольствъ, у воротъ которыхъ стояли часовые. Услыхавъ крики «держи» и увидавъ бѣгущихъ европейцевъ за боксеромъ, американцы-солдаты тотчасъ же перехватили бѣглеца и задержали его у воротъ Русско-китайскаго банка, приперевъ штыками

въ уголъ воротъ. Боксеръ очутился такимъ образомъ между двухъ ружей и двухъ солдатъ. Въ это время добѣжали и оба европейца. Одинъ изъ нихъ, у котораго была въ рукахъ палка, сталъ наносить ею боксеру удары, но подошедшій въ это время американскій офицеръ попросилъ европейца остановить палочную расправу надъ боксеромъ, который состоитъ плѣнникомъ у солдатъ, и предложилъ въ то же время взять арестованнаго для расправы съ собой. Китаецъ-боксеръ до того былъ напуганъ всѣмъ происшедшимъ съ нимъ, что падалъ на колѣни и умолялъ отпустить его, такъ какъ дурного онъ никому ничего не сдѣлалъ. Но европейцы ухватили его подъ-руки и быстро увлекли за собой обратно по улицѣ. Случай этотъ на насъ, русскихъ и американцевъ, произвелъ очень грустное и удручающее впечатлѣніе, а среди боксеровъ и враждебной европейцамъ массы вызвалъ рѣшимость начать дѣйствовать.

Не прошло и часу времени, послѣ того какъ боксеръ былъ пойманъ, и массы народа хлынули къ русской баррикадѣ. По счастію, все это были еще любопытныя массы, стоявшія у первыхъ рогатокъ и вытиснутыя впередъ вновь прибывшими народными массами сзади. Видя движеніе толпы народа, американцы тотчасъ же выкатили свою пушку-пулеметъ и поставили ее въ уголъ второй баррикады, направивъ на на-

родную массу. Народъ не пошелъ дальше, а внялъ словамъ китайскихъ полицейскихъ и подошедшаго русскаго драгомана миссіи, который толково объяснилъ китайцамъ, что пойманъ былъ одинъ изъ боксеровъ, людей, замышляющихъ дурное противъ европейцевъ и производящихъ смуту въ народѣ, что боксеръ этотъ уведенъ для того, чтобы передать его въ руки китайскихъ властей. Драгоманъ просилъ толпу вернуться обратно на указанное мѣсто и предостерегъ, что если они не послушаются, будутъ ломиться впередъ и производить безпорядокъ, то изъ пушки будутъ стрѣлять и будетъ убито много совершенно невинныхъ людей. Доводы эти образумили и успокоили массу, народъ подался назадъ и все обошлось благополучно и безъ жертвъ. Прошло послѣ этого не болѣе двухъ часовъ времени, какъ пришли китайцы, служащіе въ Русско-китайскомъ банкѣ и сказали, что боксеры сильно взволнованы поимкой одного изъ своихъ членовъ, и что они собрались на совѣщаніе въ количествѣ болѣе двухъ сотъ человѣкъ въ одномъ изъ храмовъ вблизи Ходамыньскихъ воротъ. На совѣщаніи голоса раздѣлились на двѣ партіи: одни предлагали немедленно идти къ мѣсту заключенія своего собрата и силою освободить его изъ рукъ нѣмцевъ, а другіе убѣждали обождать, такъ какъ захваченный ихъ собратъ находится подъ покровительствомъ бога войны и нѣмцы безсильны

причинить ему какой-нибудь вредъ. Послѣднее мнѣніе взяло верхъ и остатокъ дня прошелъ спокойно.

Тревожное настроеніе наше достигло, между тѣмъ, высшей степени, такъ какъ стало очевиднымъ, что надежда на мирное окончаніе возникшихъ смутъ исчезла. Событія быстро слѣдовали одно за другимъ, какъ бы торопя открытіе враждебныхъ дѣйствій со стороны китайцевъ, боксеровъ и солдатъ противъ европейцевъ. Чтобы сколько-нибудь ясно представить себѣ планъ мѣстности, на которой мы находились, необходимо дать нѣсколько указаній на расположеніе въ Пекинѣ европейскихъ зданій среди китайскихъ. Пекинъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ трехъ самостоятельныхъ городовъ, тѣсно соприкасающихся одинъ съ другимъ и входящихъ одинъ какъ бы въ футляръ другого. Центральный Пекинъ это—императорскій, или запретный городъ для всѣхъ обывателей, исключая китайскихъ чиновниковъ и сановниковъ, являющихся въ него по дѣламъ службы. Запретный городъ обнесенъ высокой каменной стѣной, выкрашенной въ красный цвѣтъ. Вокругъ запретнаго города расположенъ манчжурскій Пекинъ, занимающій довольно обширное пространство и также обнесенный высокой и широкой каменной стѣной, на протяженіи тридцати верстъ, въ видѣ правильнаго четырехугольника. Стѣна город-

ская имѣетъ высоту семь саженъ, а ширину пять саженъ. Къ стѣнамъ манчжурскаго города прилегаетъ китайскій городъ, также обнесенный стѣнами, но не столь высокими, не столь толстыми и не столь прочными. Всѣ эти три города сообщаются одинъ съ другимъ посредствомъ девяти воротъ, продѣланныхъ въ стѣнахъ. Ворота на ночь съ заходомъ солнца запираются, а утромъ съ восходомъ солнца открываются. Всѣ европейскія посольства и китайскія правительственныя учрежденія находятся въ манчжурскомъ городѣ, который поэтому и называютъ еще чиновничьимъ городомъ. Въ китайскомъ городѣ сосредоточивается вся дѣловая, торговая и промышленная жизнь; тамъ всѣ магазины и базары. Въ южной части манчжурскаго города размѣстились на протяженіи одной улицы и ближайшихъ къ ней участкахъ зданія посольствъ, дома европейцевъ, магазины, гостинницы, общественныя учрежденія и нѣкоторые христіанскіе храмы. Площадь, занятая европейскими постройками, внѣдренными среди густого населенія китайцевъ, занимаетъ пространство около 500 квадратныхъ саженъ, но и эта площадь находится въ смѣшанномъ владѣніи китайцевъ и европейцевъ, которые въ Пекинѣ своего отдѣльнаго европейскаго участка не имѣютъ. Граничитъ эта часть манчжурскаго города съ остальными частями такъ: съ сѣвера проходитъ стѣна императорскаго города и людная улица,

на которую выходили заднимъ фасадомъ австрійское посольство, китайская академія наукъ «Ханьлинь-юань», смежно съ нею англійское посольство, а черезъ каналъ напротивъ — знаменитые въ осадѣ Пекина садъ и дворецъ князя Сы-Ванъ-Фу или, попросту, «садъ Фу»; съ юга европейскій четырехугольникъ ограничивался вышеупомянутой городской стѣной, отдѣляющей манчжурскій городъ отъ китайскаго; съ востока граничилъ онъ людной Хода-мыньской улицей, а съ запада—площадкой у Цянь-мыньскихъ воротъ, стѣной императорскаго города и другой людной улицей, соединяющейся съ Сѣверной улицей. Весь этотъ четырехугольникъ находится между двумя людными городскими воротами, Хода-мынь и Цянь-мынь.

Ворота Цянь-мынь служатъ выходомъ изъ манчжурскаго города и европейской части въ китайскій городъ и на станцію желѣзной дороги. Чрезъ эти ворота китайскій императоръ изъ своего дворца выѣзжаетъ въ храмъ Земли и Неба для весенняго жертвоприношенія. Ворота Хода-мынь служатъ сообщеніемъ между городами, и чрезъ нихъ идетъ дорога на Тунъ-чжоу. Разстояніе между обоими воротами версты полторы. Надъ обоими воротами построены громадныя, въ четыре яруса, съ бойницами для пушекъ башни. Съ площадокъ этихъ башенъ китайцы и бомбардировали европейскія посольства изъ орудій. Три

большія улицы служили сообщенію европейцевъ со всѣми остальными частями Пекина. Первая улица,—назову ее Застѣнной,—идетъ тотчасъ же вдоль городской стѣны, которая образуетъ одну сторону улицы, а другая сторона улицы образована китайскими постройками, скученными и прижатыми одна къ другой, среди которыхъ въ разныхъ мѣстахъ выходили задніе фасады голландскаго посольства, Русско-китайскаго банка, дома Бадмаева, русской почтовой конторы и американскаго посольства. Слѣдующая улица, самая главная въ европейской жизни, Посольская, западнымъ концомъ упирается на площадку передъ Цянь-мыньскими воротами, а восточнымъ упирается въ Хода-мыньскую улицу передъ воротами того же наименованія. На Посольской улицѣ расположена большая часть посольствъ и европейскихъ зданій, выходящихъ на нее лицевыми фасадами. Первое посольство на этой улицѣ, недалеко отъ ея начала, занимавшее небольшой земельный участокъ, было голландское; саженяхъ во сто отъ него былъ Русско-китайскій банкъ, рядомъ съ нимъ—европейскій магазинъ Имбека, русско-почтовая контора и домъ Бадмаева, американское посольство и нѣсколько китайскихъ лавокъ и домовъ. Другая сторона улицы занята была китайскими домами и русскимъ посольствомъ, которое занимало все противоположное простран-

ство отъ Русско-китайскаго банка до американскаго посольства включительно. Русское посольство, выходя лицевымъ фасадомъ на Посольскую улицу, боковыми своими стѣнами выходило на узенькій китайскій переулокъ, ведущій на Монгольскую площадь, имѣвшую для насъ столь важное значеніе. Близь русскаго и американскаго посольствъ Посольская улица пересѣкалась во всю длину этого четырехугольника каналомъ, выходившимъ изъ-подъ стѣны императорскаго запретнаго города и уходившимъ подъ городской стѣной въ китайскій городъ, въ которомъ онъ впадалъ въ маленькую рѣчку. Каналъ этотъ, съ громкимъ названіемъ Яшмоваго, грязный, съ лужами плѣсневѣлой воды во время жаровъ, наполняется водой только весною, во время таянія снѣговъ, да лѣтомъ, во время дождей. Проходитъ этотъ каналъ черезъ весь Манчжурскій Пекинъ и служитъ для собиранія воды, стекающей съ окрестныхъ возвышенностей. Со всѣхъ четырехъ улицъ черезъ каналъ перекинуты прочные каменные мосты. На каналъ выходятъ стѣны китайскихъ построекъ, а также главнымъ своимъ фасадомъ англійское посольство и вышеупомянутые «Хань-линь-юань» и «Су-Вань-Фу».

Перейдя мостъ съ Посольской улицы, мы встрѣчаемъ по другую ея (правую) сторону сперва рядъ китайскихъ лавокъ, а затѣмъ европейскій магазинъ Кирульфа, Гонконгъ-Шанхайскій банкъ,

германское посольство, пекинскій клубъ, таможенный домъ и затѣмъ вся сторона улицы занята китайскими постройками. Только близъ конца улицы находился второй домъ Бадмаева и общежитіе студентовъ Русско-китайскаго банка, изучавшихъ въ Пекинѣ китайскій языкъ. Общежитіе это помѣщалось въ своемъ домѣ и организовано было лишь годъ тому назадъ по мысли директора Русско-китайскаго банка и члена правленія китайской Восточно-манчжурской желѣзной дороги Д. Д. Покотилова. Исходя изъ совершенно вѣрной мысли, что для такого громаднаго дѣла, каковымъ должна быть Восточно-манчжурская желѣзная дорога, заранѣе необходимо подготовить для службы людей, какъ русскихъ, такъ и китайцевъ, которые бы знали русскій и китайскій языки и условія жизни и службы на Востокѣ, Д. Д. Покотиловъ привлекъ для этой цѣли молодыхъ людей, окончившихъ въ Петербургѣ Коммерческое училище. Чтобы занятія ихъ были успѣшны, онъ создалъ для нихъ общежитіе, нанялъ учителей-китайцевъ, и каждому молодому человѣку выдавалось жалованье въ 1,400 рублей въ годъ. Курсъ предполагался двухгодичный; по окончаніи курса молодые люди заняли бы должности по указанію администраціи дороги. Молодыхъ людей, изучавшихъ довольно успѣшно китайскій языкъ, было четверо: гг. Александровъ, Браунсъ, Васильевъ

и Келеръ. Кромѣ нихъ, въ этомъ общежитіи имѣли помѣщеніе преподаватели русскаго языка въ русско-китайской школѣ, окончившіе курсъ восточныхъ языковъ въ Петербургскомъ университетѣ гг. Мирный и Брахманъ, а также и состоявшій при управленіи дороги С. А. Хитрово, убитый впослѣдствіи китайцами. Въ общежитіи же помѣщался, благодаря любезности г. Покотилова, и профессоръ русскаго языка въ китайскомъ университетѣ г. Бородавкинъ. Русско-китайская школа, имѣвшая также свое прекрасное помѣщеніе, организована была для молодыхъ китайцевъ, которые должны были изучать русскій языкъ. Въ школѣ занимались и очень усердно, дѣлая прекрасные успѣхи, болѣе тридцати человѣкъ китайцевъ въ возрастѣ отъ 14-ти до 20-ти лѣтъ.

Лѣвая сторона Посольской улицы, начиная отъ моста, имѣла съ угла также нѣсколько китайскихъ зданій, а затѣмъ одно за другимъ помѣщались: испанское посольство, японское, гостиница «Hôtel de Pékin», содержимая швейцарскимъ гражданиномъ Шамо, французское посольство, боковой своей стороной выходившее также въ переулокъ, пересѣкавшій здѣсь Посольскую улицу и называвшійся переулкомъ сэра Роберта Гарта по мѣсту его жительства. Затѣмъ далѣе слѣдовало итальянское посольство, и улица заканчивалась сплошь китайскими постройками. Въ пе-

реулокъ сэра Роберта Гарта, кромѣ его дома и зданій китайской таможни и китайско-европейской почты, находилось также и австрійское посольство, занимавшее большое угловое мѣсто на пограничной большой Сѣверной улицѣ. Остальныя европейскія зданія, каково бельгійское посольство, бывшее за австрійскимъ, совершенно среди китайскихъ построекъ, дома преподавателей въ высшей китайской школѣ, американскія миссіонерскія школы, церкви, больницы были отъ нашей центральной части очень далеко, не имѣли для насъ никакого значенія; да къ тому же всѣ они были сожжены боксерами въ первые дни пожаровъ. Для насъ имѣло громадное значеніе сохранить за собой, во-первыхъ, Посольскую улицу и, во-вторыхъ, сообщеніе вдоль канала и переулокъ сэра Роберта Гарта. Для огражденія себя отъ нападеній со стороны китайцевъ, итальянцы и австрійцы также забаррикадировали входы своихъ улицъ еще раньше насъ. Особенно внушительна была баррикада итальянцевъ, которые воспользовались для ея устройства складами лѣсныхъ матеріаловъ, брошенными на произволъ судьбы ихъ хозяевами, бѣжавшими изъ своихъ домовъ. Хотя итальянская баррикада была основательно сложена изъ толстыхъ бревенъ и брусьевъ и выглядѣла очень внушительно, но спустя нѣсколько дней баррикада эта перешла во власть китайцевъ, а итальянское посоль-

ство было сожжено и разрушено. Менѣе всего удачны и прочны были баррикады у австрійцевъ. Занимая угловое мѣсто при пересѣченіи улицъ, австрійцы сдѣлали только одно загражденіе черезъ улицу у своего посольства, перетянувъ улицу отъ угла до угла толстыми проволоками, снятыми съ электрическихъ проводовъ потухшаго электрическаго освѣщенія, такъ какъ электрическая станція была уже разрушена. Посреди улицы австрійцы сдѣлали небольшое прикрытіе изъ сложенныхъ каменныхъ плитъ, а у воротъ посольства поставили, по отзывамъ знатоковъ, привезенную ими старую и плохую пушку. Прикрытіе было крайне недостаточное и могло служить скорѣе наблюдательнымъ пунктомъ въ мирное время, но никакъ не прочнымъ оплотомъ во время нападенія непріятеля. Немудрено поэтому, что австрійцы не въ состояніи были выдержать первый бурный натискъ китайцевъ, которые, занявъ всѣ сосѣднія съ посольствомъ крыши домовъ, улицы и переулки, открыли по австрійцамъ жестокій огонь, осыпавъ ихъ градомъ пуль. Австрійцы оставили посольство и ушли къ французамъ, а китайцы тотчасъ же заняли посольство и предали его сожженію и разграбленію. Одновременно они захватили баррикады у дома сэра Роберта Гарта и по переулку у французскаго посольства. Баррикады были прочныя, земляныя и могли бы долго за-

держать нападеніе китайцевъ, если бы австрійцы не произвели такого поспѣшнаго отступленія. Захвативъ въ свои руки баррикады и дома таможни и Роберта Гарта, китайцы сразу стали угрожать французскому посольству съ тыла и вынудили итальянцевъ, чтобы не быть совершенно отрѣзанными, также оставить свое посольство на сожженіе и удалиться къ французамъ.

Нападеніе на всѣ посольства китайцы открыли одновременно,—въ 8 часовъ утра 9-го іюня. На американское посольство, на Русско-китайскій банкъ и русское посольство нападеніе было сдѣлано съ городской стѣны, съ крышъ сосѣднихъ домовъ, съ деревьевъ. Пули посыпались на насъ градомъ, и сообщеніе черезъ улицу стало чрезвычайно опасно, а баррикада наша черезъ улицу оказалась слишкомъ низка и нисколько насъ не защищала отъ полета пуль. Скоро появились раненые на улицѣ и въ своихъ дворахъ. Съ вышины стѣны и крышъ китайцы прекрасно видѣли всю мѣстность и каждаго, кто только показывался. Первый русскій, который былъ раненъ, пробираясь по переулочку во дворѣ Русско-китайскаго банка, былъ г. Браунсъ, молодой человѣкъ, который, не зная, что банкъ уже былъ оставленъ, шелъ въ свое помѣщеніе. Раненъ былъ г. Браунсъ со стѣны, пуля счастливо прошла вблизи головки плеча, не раздробивъ кости. При такомъ положеніи дѣла прежде всего

необходимо было обезопасить сообщеніе по улицѣ и черезъ улицу, для чего рѣшено было первую нашу баррикаду упрочить каменными плитами, возвысить до роста человѣка и провести новую баррикаду отъ воротъ русскаго посольства къ воротамъ американскаго для безопаснаго перехода черезъ улицу. Днемъ нечего было и думать производить какую-либо работу на улицѣ, надо было ожидать ночи, когда китайцы не могли видѣть рабочихъ. Своими средствами мы не могли производить работъ, люди выбивались изъ силъ, не спали по цѣлымъ ночамъ, а работа была нелегкая. Здѣсь-то и пришли къ намъ на помощь миссіонеры и китайцы-христіане, которые были поселены въ англійскомъ посольствѣ. Всѣхъ рабочихъ христіанъ-китайцевъ укрылось въ англійскомъ посольствѣ человѣкъ двѣсти. Раздѣлившись на артели, они чередовались при производствѣ денныхъ и ночныхъ работъ, какъ у себя въ англійскомъ посольствѣ, такъ и въ другихъ посольствахъ, гдѣ представлялась необходимость. Должно отдать справедливость миссіонерамъ и китайцамъ-христіанамъ: они оказали всѣмъ европейцамъ неоцѣнимыя услуги, способствуя нашему спасенію. Не преувеличивая скажу, что, не будь рабочихъ, не остались бы и мы въ живыхъ. Китайцы-христіане, предводимые миссіонерами, каждую ночь, какъ только темнѣло, являлись съ лопатами и прочимъ ра-

бочимъ инструментомъ, строили новыя баррикады, исправляли поврежденія, сдѣланныя китайцами за день, и работали вплоть до разсвѣта. Въ англійской, русской, американской миссіяхъ и на городской стѣнѣ, въ предѣлахъ защиты насъ отъ китайцевъ, работали миссіонеры-американцы и китайцы-протестанты, а въ французской миссіи, въ саду Фу, работали китайцы-католики съ своими миссіонерами. Работы производились такъ: одни китайцы выворачивали камни и каменныя плиты изъ мостовыхъ, другіе сносили этотъ матеріалъ на мѣсто работъ, а третьи подъ наблюденіемъ миссіонеровъ производили самую работу. Китайцы-христіане работали усердно и за одну ночь успѣвали воздвигать такую твердыню, которая повергала нашихъ враговъ въ изумленіе.

Съ окончаніемъ второй баррикады сообщеніе черезъ улицу стало безопасно, но китайцы, сожигая всѣ сосѣдніе съ нами дома, все тѣснѣе и тѣснѣе охватывали насъ, и очень скоро при нападеніяхъ, которыя они дѣлали часто одновременно на всѣ посольства, пули летѣли къ намъ со всѣхъ сторонъ. По счастью, большинство пуль или перелетали черезъ насъ, или падали, будучи на излетѣ, и не наносили опасныхъ раненій, исключая тѣхъ случаевъ, когда пуля пущена была отвѣсно и съ силой ударялась въ землю. Часты были случаи, что излетныя пули

имѣли силу только пробить матросскую рубаху, сапогъ и, слегка оцарапавъ кожу, оставались спокойно лежать за рубахой. Но были случаи, что излетныя, навѣсно пущенныя пули убивали наповалъ или, какъ это произошло съ врачомъ американскаго десанта, производили глубокія раненія.

Чтобы обезопасить себя съ тыла отъ пуль, летѣвшихъ изъ французскаго, нѣмецкаго посольствъ и изъ сада Фу, пришлось противъ первой русской баррикады возвести вторую, такъ что получился широкій забаррикадированный коридоръ, въ которомъ и помѣщался гарнизонъ, защищавшій со стороны улицы русское посольство. Гарнизонъ состоялъ изъ 18-ти человѣкъ матросовъ! Эти двѣ баррикады, представлявшія весьма сильное укрѣпленіе, получили названіе «Фортъ Сисой-Наваринскій», по имени кораблей «Наваринъ» и «Сисой Великій», съ которыхъ были матросы. «Фортъ Сисой-Наваринскій» имѣлъ и нѣкоторыя особенности, сообразно особенностямъ нашего положенія. Въ углу, который образовался посольскою стѣной, пристроенъ былъ навѣсъ, такъ что получилось открытое помѣщеніе; на землѣ были устроены нары, разложены циновки, а на стѣнкѣ баррикады стояли большіе часы съ боемъ. На карнизѣ стѣны стоялъ музыкальный ящикъ, развлекавшій матросовъ то звуками монотонныхъ ки-

тайскихъ арій, то мелодіями изъ оперъ. Въ стѣнѣ баррикады, обращенной къ китайцамъ, были оставлены дыры для наблюденій за улицей; около отверстій всегда стояли часовые. Другой край баррикады примыкалъ къ китайскимъ постройкамъ, нарочно разрушеннымъ нами, дабы обезопасить себя отъ внезапныхъ нападеній со стороны закоулковъ, которыми такъ обильны китайскія улицы. Въ развалинахъ китайскихъ домовъ тоже сдѣланы были загражденія, и поставлены наблюдательные посты у дыръ, пробитыхъ въ стѣнахъ, на помостахъ подъ крышами. Повсюду стояли часовые. Часовые отбывали смѣну каждые четыре часа днемъ и два часа ночью.

Китайцы, съ своей стороны, продѣлывали все, что видѣли у европейцевъ, съ поразительною точностью. Они строили точно такія же баррикады, ставили часовыхъ и чрезвычайно интересовались узнавать обо всемъ, что дѣлалось у насъ. Съ этою цѣлью они пробовали подкрадываться къ нашимъ карауламъ, пробовали пробивать снаружи стѣны, при чемъ не обходилось иной разъ и безъ курьезовъ, составлявшихъ для насъ злобу дня. Былъ, напримѣръ, такой случай у американцевъ: стоитъ часовой-американецъ на посту у стѣны въ Русско-китайскомъ банкѣ, смежномъ съ американскимъ посольствомъ, и слышитъ, что снаружи кто-то про-

ламываетъ стѣну. Американецъ спокойно наблюдаетъ и скоро видитъ, что сквозь стѣну просовывается ломъ, сверлящій дыру. Американецъ наставляетъ свою винтовку по направленію лома и вдвигаетъ ее въ образовавшуюся дыру, продвигая впередъ по мѣрѣ удаленія лома. Какъ только ломъ былъ вынутъ, американецъ спустилъ курокъ, и у стѣны оказался убитымъ наповалъ китаецъ.

Когда наше положеніе въ отношеніи китайцевъ окончательно опредѣлилось, то мы забаррикадировались со всѣхъ сторонъ. По всѣмъ дворамъ, улицамъ и переходамъ во всѣхъ посольствахъ высились сложенныя каменныя стѣны баррикадъ. Русскія баррикады были аванпостами отъ нападенія съ западной стороны, а французскія и нѣмецкія — съ восточной стороны. Баррикады у французовъ были болѣе замысловаты и изящны, выказывая въ нихъ особыхъ знатоковъ такихъ сооруженій. Французамъ вообще приходилось много труднѣе; положеніе ихъ противъ китайцевъ, обезумѣвшихъ отъ легко доставшейся побѣды надъ австрійцами и итальянцами, было тяжелое: имъ приходилось выдерживать бѣшеныя атаки ежедневно, а силъ у французовъ было очень немного. Китайцы лѣзли на французовъ массами съ двухъ сторонъ, вели противъ нихъ подкопы, закладывали мины. Немудрено, что французы не въ си-

лахъ были долгое время выдерживать массовыя нападенія китайцевъ и вынуждены были мало-по-малу отступать и отдавать свое посольство китайцамъ. Въ половинѣ осады французы были выбиты китайцами изъ $^{2}/_{3}$ своего посольства и держались въ самой малой его части. По счастію, рядомъ съ французскимъ посольствомъ была гостиница г. Шамо, прозванная нами «фортъ Шаброль», съ защитниками которой и соединились французы. Гостиницу Шамо назвали этимъ именемъ еще до начала осады по слѣдующему поводу. Когда начались безпорядки внѣ Пекина на желѣзной дорогѣ, то всѣ жившіе тамъ инженеры собрались въ Пекинъ и переполнили гостиницу г. Шамо. Предвидя нападеніе китайцевъ на Пекинъ, обыватели гостиницы на бельведерѣ крыши устроили баррикаду и первые организовали въ Пекинѣ наблюдательную службу надъ Посольской улицей. За баррикадой на бельведерѣ безсмѣнно, начиная съ вечера, дежурило нѣсколько французовъ, вооруженныхъ револьверами, винтовками... и бутылками вина. Во все время осады г. Шамо былъ виднымъ дѣятелемъ. Онъ продовольствовалъ десанты, доставляя печеный хлѣбъ, а первое время и мясо. Вообще должно сказать, что г. Шамо и супруга его являли примѣръ неутомимой дѣятельности и энергіи. Гостиница Шамо была обращена и въ военный лагерь, и въ провіантскій магазинъ. Самъ онъ, съ

винтовкой за плечами, подъ пулями, разъѣзжалъ въ своей телѣжкѣ, на которой были выставлены три флага: швейцарскій — самъ г. Шамо швейцарецъ, бразильскій — жена его уроженка Бразиліи, и французскій. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ былъ смертельно раненъ мулъ, что и привело къ прекращенію этихъ оригинальныхъ выѣздовъ. Гостиница Шамо представляла обширное каменное зданіе съ номерами во дворѣ. Въ главномъ зданіи жили волонтеры, а въ бывшихъ номерахъ устроены были мельницы. На полу положены были жернова, и оселъ, съ завязанными полотномъ глазами, ходилъ кругомъ, вращая камни и перемалывалъ зерно на муку. Крыши гостиницы и номеровъ были разбиты снарядами, и во многихъ помѣщеніяхъ вмѣсто крыши было видно открытое небо. Шамо пріютилъ у себя много китайцевъ-христіанъ и былъ доволенъ ихъ прилежаніемъ. Но Шамо не только велъ продовольственную часть, онъ съ китайцами проводилъ также и подкопы, устраивалъ мины, возводилъ укрѣпленія и самъ выходилъ на баррикады.

Нападеніе китайцевъ, произведенное на насъ съ городской стѣны 9-го іюня, показало ясно, что городскую стѣну въ предѣлахъ посольствъ необходимо отнять у китайцевъ, иначе они съ высоты стѣны не только перебьютъ всѣхъ насъ по одиночкѣ, но если поставятъ на стѣну пушки, то обратятъ всѣ посольства въ груды

развалинъ, а насъ всѣхъ похоронятъ подъ этими развалинами. Всѣ мы ясно понимали и признавали неотложную необходимость возможно скорѣе овладѣть участкомъ городской стѣны, на которой находились китайскія войска въ количествѣ не менѣе тысячи человѣкъ. На военномъ совѣтѣ посланниковъ рѣшено было отправить международный отрядъ отнять стѣну у китайцевъ. Понимали мы, что пока стѣна въ рукахъ китайцевъ, и жизнь наша въ ихъ рукахъ; но планъ былъ такъ смѣлъ, что у всѣхъ щемило сердце при мысли, что во время подъема отряда на стѣну по отлогой каменной дорогѣ, китайцы перебьютъ смѣльчаковъ со стѣны сверху. Главнокомандующимъ былъ избранъ надъ всѣми десантами англійскій посланникъ сэръ Клодъ Макдональдъ, помощникомъ его — американскій посланникъ г. Конгеръ, адъютантомъ — американскій секретарь г. Сквайрсъ,—всѣ люди энергичные, ясно понимавшіе наше положеніе. Штурмъ стѣны назначенъ былъ на 12-е іюня въ 12 часовъ ночи. Съ ужасомъ ожидали мы наступленія въ этотъ день одиннадцати часовъ вечера, когда назначено было русскимъ, англичанамъ и нѣмцамъ собраться къ американцамъ, чтобы изъ американскаго посольства подъ прикрытіемъ ночи идти на штурмъ стѣны. Въ глубокомъ молчаніи проводили мы нашихъ матросовъ, вышедшихъ раньше англичанъ, чтобы

избѣжать малѣйшаго шума, пославъ вмѣстѣ съ ними мысленно наши благословенія и сердечныя пожеланія успѣха предпріятія. Тѣми же пожеланіями мы встрѣтили и проводили безшумно промелькнувшихъ чрезъ наше посольство англичанъ и затѣмъ жадно ловили ухомъ каждый доносившійся къ намъ звукъ. Слѣдомъ за англичанами столь же безшумно среди ночного мрака промелькнули тридцать паръ рабочихъ-китайцевъ, предводимыхъ энергичнымъ миссіонеромъ-американцемъ Rev. W. Hobart и корреспондентомъ газеты Times докторомъ Morrison'омъ, серьезнымъ и дѣятельнымъ наблюдателемъ совершающихся событій на дальнемъ Востокѣ, остававшимся все время осады въ Пекинѣ.

Какое-то непонятное чувство тревоги, какой-то ощущаемый во всемъ существѣ трепетъ охватилъ меня, когда мелькали мимо скорѣе какія-то видѣнія, поглощавшіяся тотчасъ же тьмой, нежели люди, имѣющіе опредѣленныя формы. Штурмъ стѣны выполненъ былъ въ 12 часовъ ночи, и китайцы-рабочіе вслѣдъ за отрядомъ на указанномъ мѣстѣ закладывали баррикаду. По счастью, враги наши были только китайцы. Безпечные, не выставивъ даже цѣпи часовыхъ вдоль стѣны, они не ожидали ночного нападенія и спокойно большинство изъ нихъ спало, а меньшинство, хотя и бодрствовало, но какъ бодрствуютъ китайцы, лѣниво лежа на циновкахъ

или сидя на камняхъ. Незамѣченными вошли наши по отлогому подъему, и только когда уже вошли на стѣну, китайцы увидали европейцевъ. Американцы поставили свой пулеметъ, и ровно въ 12 часовъ мы услыхали его мѣрную, какъ бы отчеканивающую каждый выстрѣлъ, стукотню. Радостно забилось сердце, когда слышно было, что пулеметъ идетъ по стѣнѣ впередъ, что звукъ отъ насъ его удаляется, и стѣснялось тревогой, когда звукъ пулемета замолкалъ или возвращался обратно. Штурмъ былъ выполненъ блестяще. Китайцы, ошеломленные нападеніемъ и пулеметомъ, бившимъ ихъ въ массѣ, бѣжали, но къ нимъ стали подходить подкрѣпленія, и тогда они начали отвѣтную пальбу. Такъ какъ отрядъ достаточно взялъ пространства, то тотчасъ же съ обѣихъ сторонъ стѣны рабочіе стали класть баррикаду, выкапывая каменныя плиты и кирпичи изъ стѣны. Одна баррикада защищала стѣну со стороны Цянь-мыньской башни, а другая со стороны Хода-мыньской отъ нападенія съ тыла. Работа была страшно трудна: кладка китайской стѣны оказалась идеально прочной, а выворачивать изъ нея плиты и кирпичи занимало много времени. Къ разсвѣту тѣмъ не менѣе было выложено основаніе баррикады,—гдѣ въ одну плиту, а гдѣ были солдаты, тамъ насколько возможно выше. На стѣнѣ остались съ одной стороны русскіе и американцы, а съ другой—нѣмцы. Весь

день пролежали за камнями, прикрывавшими только голову, совершившіе безусловно геройскій подвигъ солдаты; пролежалъ вмѣстѣ съ ними, не сходя ни на секунду внизъ, и начальникъ ихъ, американецъ капитанъ Мейерсъ, личность выдающаяся по своему мужеству, по своей скромности, по своей заботливости, по своей простотѣ. Капитанъ Мейерсъ воскресилъ въ моей памяти лучшіе образцы давно отжившаго рыцарства! Китайцы, придя въ себя отъ неожиданности, но не имѣя смѣлости броситься въ атаку малочисленнаго непріятеля и выбить его изъ-за прикрытія со стѣны внизъ, сами принялись за возведеніе баррикадъ съ обѣихъ сторонъ, и противъ американцевъ, и противъ нѣмцевъ. Положеніе китайцевъ на стѣнѣ было въ высшей степени выгодное: они занимали возвышенныя площадки у городскихъ башенъ надъ воротами и всѣ послѣдующіе дни, не умолкая ни на одну минуту, стрѣляли въ американцевъ и нѣмцевъ, положеніе которыхъ за едва прикрывающими ихъ камнями было самое ужасное. За три дня, что пролежали на стѣнѣ наши, пока баррикады не воз высились на достаточную высоту постройкой ихъ по ночамъ, было убито пятеро американцевъ, одинъ русскій, трое нѣмцевъ, а ранено: американцевъ 14, русскихъ двое, нѣмцевъ пятеро. Огонь былъ такъ постояненъ со стороны китайцевъ, что нѣмцы не въ силахъ были держаться

на стѣнѣ и ушли внизъ, американцы также заявили, что не могутъ долѣе держаться безъ подкрѣпленій, но американскій посланникъ г. Конгеръ прислалъ сказать капитану Мейерсу, что стѣну должно удержать въ своихъ рукахъ во что бы то ни стало, что русскіе и американцы будутъ усилены англичанами, и Мейерсъ остался попрежнему лежать за камнями, а вмѣстѣ съ нимъ остались и американцы, относившіеся къ своему начальнику съ глубокимъ уваженіемъ. Въ теченіе шести дней вылежали американцы и русскіе на стѣнѣ, а въ теченіе шести ночей баррикады были возведены въ ростъ человѣка и плотностью почти въ аршинъ. Мѣсто нѣмцевъ на стѣнѣ и съ другой стороны заняли американцы, а на помощь къ нимъ стали приходить, смѣняясь посуточно, англичане.

Въ самое опасное, тяжелое и горячее время на стѣнѣ у баррикадъ находилось 25 американцевъ, 10 русскихъ и 10 англичанъ. Эта капля въ 45 человѣкъ европейцевъ сдерживала, по меньшей мѣрѣ, съ обѣихъ сторонъ стѣны до тысячи человѣкъ китайцевъ, которые, если бы имѣли сколько-нибудь мужества, то могли съ небольшими даже для себя потерями поглотить, смять, растоптать эту горсточку. Но опять повторю, это были только китайцы: они сами засѣли за баррикады и сыпали градомъ пуль, теперь почти уже не приносившихъ вреда. Но первые шесть

дней на стѣнѣ были поистинѣ ужасны. Капитанъ Мейерсъ отъ изнеможенія, истощенія и нервнаго переутомленія дошелъ до галлюцинацій; онъ насильно былъ сведенъ со стѣны и уложенъ въ постель, въ которой проспалъ 18 часовъ. Матросы и казаки наши, смѣнявшіеся посуточно, возвращались со стѣны въ полномъ упадкѣ силъ, еле волоча ноги, съ вытянутыми, желтыми лицами, впавшими глубоко въ орбиты глазами. Не опасность быть убитымъ, не страхъ нападеній, не напряженное состояніе во время ночи, которую приходилось проводить почти безъ сна, производили такое ужасное, истощающее весь организмъ дѣйствіе, но та ужасная обстановка, которая всегда была на глазахъ и отъ которой нельзя было никуда увернуться. Дѣло въ томъ, что, штурмуя стѣну, американцы изъ пулемета, а солдаты залпами изъ ружей убили много китайцевъ на разныхъ разстояніяхъ. Убитыхъ, которыхъ замѣчали китайцы, они убрали съ собой, которыхъ же не могли взять, такъ какъ они оставалась на сторонѣ европейцевъ, тѣхъ солдаты сами сбрасывали со стѣны внизъ, но все же остались не замѣченными пять или шесть китайцевъ, которые были убиты и упали въ высокой травѣ-бурьянѣ, растущемъ на стѣнѣ, и лежали саженяхъ въ пяти отъ возникшей американо-русской баррикады. Китайцы не рѣшались придти убрать эти трупы; не рѣшались вы-

лѣзти изъ-подъ своего прикрытія и наши, и трупы лежали передъ глазами день и ночь, заражая воздухъ невыносимо-тяжелымъ запахомъ трупнаго гніенія и поражая зрѣніе ужаснымъ видомъ трупнаго разложенія. Какъ ни пытались наши матросы и казаки подтянуть трупы крючьями, чтобы сбросить со стѣны, ничто не удавалось, и люди вынуждены были вытерпѣть дней десять это зрѣлище смерти, пока трупы не истлѣли и не засохли подъ лучами палящаго лѣтняго солнца.

У насъ въ посольствѣ, когда только тянулъ вѣтерокъ со стѣны, и то мы мѣста не находили отъ доносившагося трупнаго смрада. Казаки, идя на стѣну, всегда обращались ко мнѣ съ просьбой дать какого-нибудь «средствія», чтобы хоть сколько-нибудь заглушить этотъ смрадъ, отъ котораго «подходитъ подъ сердце и съ души воротитъ». Насколько ужасно было это трупное вліяніе на солдатъ, проводившихъ дни и ночи въ такомъ сосѣдствѣ, доказываетъ слѣдующій фактъ, случившійся съ однимъ солдатомъ-американцемъ. Онъ, какъ передавали, пришелъ къ капитану Мейерсу, принесъ свою винтовку и сказалъ: «Я сознаю, что нарушаю дисциплину и подлежу смертной казни; вотъ моя винтовка, прикажите меня разстрѣлять, но я не въ силахъ быть болѣе на стѣнѣ, дышать трупнымъ воздухомъ».

По счастью, черезъ шесть сутокъ баррикады заслонили видъ труповъ, а дней черезъ двѣнадцать было заключено перемиріе, и китайцы первымъ дѣломъ вышли къ трупамъ своихъ собратій, завернули ихъ въ циновки и унесли со стѣны... Дополню при этомъ одну характерную для китайскаго характера подробность, имѣвшую мѣсто при уборкѣ труповъ. У нашего десанта было очень мало патроновъ, и вопросъ, гдѣ бы достать патроновъ, былъ однимъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ. Между тѣмъ китайцы имѣли патроны въ избыткѣ, и у каждаго китайца въ поясѣ было не менѣе двухсотъ штукъ, а таковыхъ поясовъ бывало на нѣкоторыхъ надѣто по два и по три. Всѣ убитые лежали въ поясахъ съ патронами, и винтовки у нѣкоторыхъ также валялись на землѣ. Какъ бы достать патроны съ убитыхъ?—часто и много разъ обсуждался этотъ вопросъ среди насъ, но никто не могъ предложить удобоисполнимаго рѣшенія. Когда китайцы во время перемирія стали убирать трупы, то хотѣли унести ихъ вмѣстѣ съ поясами, но наши матросы показывали, что пояса и винтовки должны остаться лежать на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ лежали убитые. Китайскіе солдаты безпрекословно сняли патроны и положили на землѣ, гдѣ было указано нашими матросами, въ первую же за перемиріемъ ночь перелѣзшими черезъ баррикаду и забравшими столь

желанные патроны и винтовки; впрочемъ, винтовки оказались настолько проржавѣвшими, что не годились въ дѣло, такъ какъ отчистить ихъ не было никакой возможности.

Если окружавшіе насъ китайскіе солдаты оказались на наше счастье плохими воинами, то взамѣнъ этого они были прекрасные ученики и въ совершенствѣ перенимали у европейцевъ все, что видѣли. Китайцы не только вывели такія же баррикады, не только засѣли за ихъ защиту, но стали придвигаться къ нашимъ баррикадамъ, строя съ изумительной быстротой одну баррикаду за другой. Рабочихъ рукъ у нихъ было много, а строительный матеріалъ они на телѣгахъ ввозили на стѣну. Свою послѣднюю баррикаду на стѣнѣ они вывели саженяхъ въ сорока отъ нашей, сдѣлали ее гораздо выше нашей и настолько приблизились, что все русское и американское посольство, Русско-китайскій банкъ стали у нихъ на виду. Опять изъ-за прикрытія они стали выбивать нашихъ, и безъ того уже значительно уменьшившихся въ числѣ, защитниковъ. Среди китайскихъ солдатъ были замѣчательные стрѣлки, которые попадали въ щели нашихъ баррикадъ, какъ только замѣчали движеніе матроса, и многихъ такимъ образомъ ранили. Опасность этой баррикады была для насъ настолько велика, что рѣшено было взять ее штурмомъ и выгнать китайцевъ дальше. Теперь

намъ былъ уже извѣстенъ характеръ китайскихъ солдатъ, а потому предстоящая ночная экспедиція, которая назначена была на 19-е іюня, не казалась такой ужасной, какой была первая. Стѣна со времени захвата ея капитаномъ Мейерсомъ обратилась уже въ настоящій каменный забаррикадированный городокъ и получила названіе «Фортъ Мейерсъ»; надпись эта на дощечкѣ была прибита на воротахъ надъ входомъ на стѣну. Тѣмъ не менѣе, послѣ того какъ капитанъ Мейерсъ былъ въ изнеможеніи сведенъ со стѣны, всѣмъ стало ясно, что есть и для героевъ невозможное, что и герои—все же люди, которые нуждаются въ отдыхѣ, снѣ, пищѣ, а потому поднятъ былъ вопросъ о справедливости ходить на стѣну всѣмъ офицерамъ, а не возлагать всю тяжесть пребыванія тамъ только на двухъ американскихъ, которые безсмѣнно оставались и остаются на баррикадахъ. Рѣшено было поэтому назначить очереди ходить на стѣну посуточно для всѣхъ офицеровъ, какъ строевыхъ, такъ и случайно оставшихся въ Пекинѣ, исключивъ лишь начальниковъ десантовъ. Первую очередь взялъ мичманъ русскаго десанта фонъ-Денъ.

Въ отрядъ для штурма китайской баррикады назначено было 15 американцевъ, 10 русскихъ и 10 англичанъ. Общее командованіе принялъ капитанъ Мейерсъ, а надъ русскимъ отрядомъ

штабсъ-капитанъ 9-го Восточно-сибирскаго полка Иванъ Пржемысловичъ Врублевскій, а отъ англичанъ — капитанъ Pool. Ив. П. Врублевскій годъ тому назадъ былъ въ числѣ трехъ офицеровъ командированъ въ Китай для изученія китайскаго языка. Онъ поселился въ Пекинѣ среди китайцевъ и рѣдко бывалъ въ обществѣ. Когда начались уже смуты на улицахъ и пожары, онъ все продолжалъ оставаться въ своемъ домѣ и только на ночь выходилъ спать съ оружіемъ на крышу, чтобы не даться живымъ въ руки врагамъ. Но когда китайцы стали уже дѣлать нападенія на десанты и всѣ европейцы собрались подъ защиту своихъ посольствъ, то и г. Врублевскій пришелъ въ русское посольство. По нынѣшнимъ временамъ это человѣкъ тоже выдающійся: крайне скромный, молчаливый, серьезный, никогда не вылѣзавшій напоказъ и не выскакивавшій впередъ ради дешеваго, безопаснаго для жизни тщеславія, замѣняющаго мужество, г. Врублевскій былъ намъ очень полезенъ, когда нужны были люди во время опасности...

Захвативъ съ собой лѣстницы, весело вышли наши матросы къ американцамъ, скоро прошли англичане, и всѣ собрались на стѣнѣ. Когда окончательно стемнѣло, часовъ около двухъ ночи, весь отрядъ перелѣзъ черезъ свою баррикаду и съ крикомъ «ура» бросился на ки-

тайскую баррикаду. Русскіе съ капитаномъ Врублевскимъ во главѣ бѣжали прямо, а англичане и американцы съ фланговъ. Китайцы, какъ и слѣдовало ожидать, растерялись и побѣжали, но скоро пришли въ себя, и хотя не рѣшились вступить въ бой, но осыпали смѣльчаковъ пулями, которыя, благодаря темнотѣ, пролетали надъ головами. Баррикаду китайскую взяли, причемъ пріобрѣтеніе это стоило жизни двумъ американцамъ убитымъ, раненъ былъ копьемъ капитанъ Мейерсъ, ранено двое русскихъ матросовъ и контуженъ казакъ Жигалинъ. Матросъ Герасимовъ, истый русскій землепашецъ, отъ котораго такъ и вѣяло еще деревней, отдѣлался очень счастливо. Онъ только ухватился было за каменную плиту китайской баррикады и поднялъ голову, чтобы лѣзть, какъ пуля ударила въ эту плиту. Мелкими осколками камушковъ изранило ему все лицо и зашибло глаза. Три дня пролежалъ онъ у меня на койкѣ въ квартирѣ, ничего не видя, такъ какъ былъ не въ состояніи открыть глазъ и поднять запухшія вѣки. Затѣмъ сталъ понемногу открывать одинъ глазъ, потомъ другой, и дней черезъ десять снова вышелъ въ строй. Зато капитанъ Мейерсъ поплатился долгой болѣзнью; рана, нанесенная грязнымъ копьемъ, дала осложненія, и онъ надолго вышелъ изъ строя.

Китайцы послѣ этого второго штурма окон-

чательно потеряли всякую энергію, всякую надежду, они окончательно упали духомъ; даже поставленныя ими на стѣнѣ у Цянь-и Хода-мыньскихъ воротъ пушки не могли придать имъ смѣлости болѣе, какъ на пальбу изъ-за баррикадъ. Мы вздохнули свободно: пережили періодъ поджоговъ и остались живы и невредимы, пережили періодъ нападеній, вытерпѣли и ружейный огонь и пушечную пальбу, узнали силы китайцевъ и перестали ихъ бояться, зная, что въ открытый бой не пойдутъ они на европейцевъ.

Боялись мы теперь только подкоповъ съ ихъ стороны подъ наше посольство и взрывовъ. Подозрительные стуки стали уже слышаться, но нельзя было уловить мѣста, гдѣ идетъ работа. Чтобы оградить себя и отъ этой случайности, фельдфебель Мазнинъ съ матросами, какъ ни были они уже измучены, сами рѣшили прокопать вокругъ нашихъ стѣнъ, которымъ могъ угрожать подкопъ и взрывъ со стороны китайцевъ, глубокую канаву. Довольные, что планъ, ими предложенный, былъ принятъ, матросы охотно принялись за работу, и самъ фельдфебель Мазнинъ всегда вмѣсто отдыха работалъ лопатой около конюшни, которая была наиболѣе опаснымъ у насъ мѣстомъ. А тутъ точно нарочно въ одну ночь китайцы проломали у насъ въ стѣнѣ изъ переулка съ Монгольской площади громадную дыру, въ которую легко могъ

пролѣзть человѣкъ. Приходилось повсюду наблюдать неотступно, а тутъ еще обвалилась стѣна, которую надо было во что бы то ни стало скорѣе возстановить. Миссіонеры, Бородавкинъ, Бѣльченко и я два дня работали съ утра до вечера, пока не укрѣпили брешь хорошо сложенной стѣной изъ каменныхъ плитъ, которыя вырывали въ посольствѣ со всѣхъ мостовыхъ.

Русскимъ и американцамъ пришлось положить много труда на возведеніе баррикадъ и отнятіе таковыхъ у китайцевъ, но на долю англичанъ, а особенно японцевъ въ саду Фу выпало бороться при особо тяжелыхъ условіяхъ. Противъ англичанъ засѣли въ домахъ черезъ улицу дунфусяне и съ крышъ сыпали пулями въ посольство, въ которомъ собраны были женщины и дѣти. Англичане также вынуждены были сдѣлать ночную вылазку, которая удалась вполнѣ. Не только китайскіе солдаты были выбиты, но и самые дома ихъ подожжены. Но китайцы пользовались благопріятными для нихъ условіями мѣстности: они владѣли обширной площадью Ханълинъ-юаня, т. е. академіи наукъ, примыкавшей къ стѣнамъ англійскаго посольства; на площади они построили рядъ баррикадъ, съ которыхъ громили стѣну посольства, а на ближайшей стѣнѣ императорскаго города,—сѣверная наша граница,—поставили пушку, изъ которой громили всѣ зданія посольства и стѣны сада Фу. Поло-

женіе англичанъ было гораздо опаснѣе, нежели наше, такъ какъ они все время осады ожесточенно подвергались обстрѣливанію, и не осталось у нихъ ни одного зданія, которое не было бы болѣе или менѣе повреждено снарядами. Но самымъ опаснымъ и отвѣтственнымъ пунктомъ былъ садъ Фу, открытый для нападеній и со стѣны императорскаго города, и съ прилежащихъ улицъ. Всѣ усилія китайцевъ были постоянно направлены, чтобы овладѣть этой позиціей. Пушками была пробита брешь въ стѣнѣ, чрезъ которую ворвались въ садъ боксеры и солдаты и подожгли дворецъ князя; за развалинами построили баррикады и шагъ за шагомъ выбивали горсть японцевъ, подкрѣпленныхъ австрійцами и итальянцами. Когда я и Н. Ѳ. Колесовъ были въ саду Фу и осматривали позиціи японцевъ, то мы были поражены той массой энергіи и труда, которая была здѣсь приложена. Земляные валы, траншеи, баррикады, канавы, все это говорило, что борьба здѣсь велась каждое мгновеніе за жизнь. Полковникъ Шиба явилъ себя примѣромъ, достойнымъ удивленія и подражанія. Я видѣлъ его наравнѣ съ солдатами работающимъ на баррикадахъ и зорко съ биноклемъ въ рукахъ наблюдающимъ за непріятелемъ. Дни и ночи онъ проводилъ вмѣстѣ съ солдатами, ни на минуту не оставляя своего поста. Только при такой энергіи и мужествѣ и

возможно было отстоять эту рѣшавшую наше положеніе позицію, но зато изъ всѣхъ десантовъ на долю японцевъ выпало и болѣе всего потерь убитыми и ранеными.

Такъ какъ въ англійскомъ посольствѣ собрались всѣ европейцы, жившіе въ Пекинѣ, то изъ мужчинъ составился отрядъ добровольцевъ, который несъ службу наравнѣ съ десантомъ, занималъ караулы, ходилъ на баррикады. Не мало было убито и изъ молодежи, только начинавшей жить. Грустное впечатлѣніе произвела на общество смерть англійскаго аташе Давида Олифанта, 22-хъ лѣтъ, пользовавшагося общими симпатіями,—смерть, вызванная собственной неосторожностью.

Въ англійскомъ посольствѣ было много деревьевъ, которыя служили для китайцевъ показателями, куда направлять снаряды. Чтобы уничтожить эти прицѣлы, какъ только затихала стрѣльба, деревья или срубали совсѣмъ, или обрубали высоко выдающіяся вѣтви. На такую работу и посланъ былъ Олифантъ, когда было совершенно тихо. Когда же началась перестрѣлка, то офицеръ крикнулъ Олифанту, что направленіе выстрѣловъ—въ его сторону, и предложилъ возможно скорѣе сойти съ дерева. Давидъ Олифантъ отвѣтилъ, что скоро срубитъ вѣтвь и тогда сойдетъ; но не суждено ему было окончить работу: пуля пробила ему насквозь

печень и желудокъ. Несчастный свалился съ дерева и черезъ два съ половиной часа умеръ въ госпиталѣ.

Изъ русскихъ въ стѣнахъ посольства никто не былъ ни раненъ, ни убитъ, и только благодаря несчастной случайности убитъ былъ состоявшій при управленіи Маньчжурской желѣзной дороги Сергѣй Хитрово, окончившій курсъ восточныхъ языковъ въ петербургскомъ университетѣ и менѣе года пробывшій въ Пекинѣ. Убитъ онъ былъ на улицѣ 23-го іюня, и тѣло его осталось у китайцевъ. Это — единственная жертва со стороны русскихъ добровольцевъ.

Извѣстіе о смерти Хитрово насъ всѣхъ поразило. Незадолго до этого видѣли его, правда, нѣсколько возбужденнымъ, но никто не предвидѣлъ такой скорой и печальной развязки, тѣмъ болѣе, что онъ пошелъ не одинъ, а съ двумя своими товарищами, которые не сумѣли его своевременно оберечь...

III.

Осаждены. — Добровольцы на постахъ. — Семейные члены русской колоніи переходятъ въ англійское посольство. — Первое нападеніе китайцевъ и отступленіе десантовъ въ англійское посольство. — Недогадливость китайцевъ.— Первыя жертвы войны: убитый Антоновъ и тяжело раненый Ляндовъ. — Указы богдыхана.—Наши мечты о прибытіи войскъ.—Указъ объ охранѣ на мосту.

Всѣ члены русской колоніи въ Пекинѣ и семьи служащихъ въ Русско-китайскомъ банкѣ переселились 30-го мая подъ защиту русскаго посольства, въ которомъ и оставались до 7-го іюня, когда перешли въ англійское посольство — самое обширное, самое благоустроенное. Для русской колоніи въ немъ отведено было отдѣльное одноэтажное зданіе, въ которомъ было пять комнатъ, отданныхъ для жилья, одна большая комната, служившая общей столовой, и

отдѣльная кухня. Изъ китайцевъ-христіанъ распредѣлена была для всѣхъ европейцевъ и прислуга для уборки комнатъ, и поваръ для приготовленія кушаній. Всѣ холостые люди оставались вплоть до 7-го іюня въ своихъ домахъ для защиты зданій отъ толпы поджигателей и грабителей. Служащіе въ Русско-китайскомъ банкѣ молодые люди составили отрядъ добровольцевъ, который несъ караульную службу днемъ и ночью, занимая караулы вокругъ банка по улицѣ и во дворѣ, оказывая тѣмъ помощь американцамъ. Начиная съ 4-го іюня пули стали все чаще и чаще посвистывать, пролетая по направленію Посольской улицы, а китайцы стали дѣлать по ночамъ попытки пробираться мимо стоявшихъ на часахъ добровольцевъ. Попытки ихъ, однако, не удавались, и часовые тотчасъ же открывали стрѣльбу. Только ночью 6-го іюня удалось одному китайцу пробраться мимо перваго часоваго, принявшаго китайца за слугу, но второй часовой по улицѣ, г. Барбье, замѣтилъ ошибку и далъ выстрѣлъ по китайцу. Китаецъ бѣжалъ въ темнотѣ, напутствуемый вдогонъ выстрѣлами. На другой день по утру, осматривая улицу, нашли на ней слѣды крови, разсыпанныя мѣдныя китайскія монеты и кусокъ оторванной полы отъ мундира дун-фу-сянскаго солдата. Позже найдена была и винтовка, которою, несомнѣнно, былъ вооруженъ ночной соглядатай. Столь чуждая

мирному духу военная и притомъ ночная обстановка караульной службы настолько взвинтила нервное настроеніе добровольцевъ, что малѣйшій шумъ, самый ничтожный шорохъ заставлялъ ихъ настороживаться, подозрѣвать крадущагося врага и открывать въ темнотѣ вдоль улицы пальбу. Оказывалось иногда при осмотрѣ на другой день утромъ, что на улицѣ находили убитую собаку, которая своимъ шатаньемъ ночью поднимала такой переполохъ. Американцы послѣ нѣсколькихъ случаевъ такихъ нервозныхъ, напрасныхъ тревогъ стали просить снять добровольцевъ съ карауловъ по Застѣнной улицѣ и сами предложили занимать караулы по улицѣ своими солдатами. Слыша тревожную стрѣльбу, американцы тотчасъ же становились въ ружье, но... непріятеля не было, а была только фальшивая тревога. Къ четыремъ часамъ 7-го іюня въ русскомъ посольствѣ сдѣлалось жутко и пусто: всѣ семьи ушли; нѣкоторыя изъ дамъ оставляли свои дома со слезами на глазахъ, всѣ были грустно настроены. Остались въ русскомъ посольствѣ только люди холостые.

Съ утра 8-го іюня пули стали изобильно падать въ русское посольство, разбивая черепицу на крышахъ, ударяясь въ стѣны, разбивая стекла въ окнахъ, срывая листья и вѣтви съ деревьевъ. Такъ какъ пуль особенно много падало на площадкѣ передъ домомъ посланника и попадало въ стѣны

дома, то надо было ожидать, что при усиленной стрѣльбѣ пули могутъ попадать черезъ окна и въ комнаты. Дабы сохранить цѣлыми портреты Государя Императора и Государыни Императрицы, висѣвшіе на стѣнѣ главной залы, посланникъ М. Н. Гирсъ, г. Бѣльченко и я сняли портреты Ихъ Величествъ со стѣны и перенесли въ церковь, находящуюся противъ дома посланника. Съ утра 8-го іюня стрѣляли не долго, но съ ночи стала доноситься издалека сильная ружейная пальба залпами; пули едва долетали до насъ. Пальба продолжалась не болѣе часа и къ тремъ часамъ утра совершенно стихла. Мы терялись въ догадкахъ, стараясь понять и объяснить эту отдаленную пальбу, и допускали только одно изъ двухъ: или это шелъ отрядъ адмирала Сеймура, или это было проявленіе междоусобицы между войсками китайскихъ генераловъ, враждебныхъ другъ другу и движенію боксеровъ.

Въ теченіе дня была начата сильная пальба только съ Монгольской площади по англійскому посольству. Выяснилось, что въ домахъ на Монгольской площади засѣли солдаты—дун-фу-сяне; въ своихъ красныхъ мундирахъ то и дѣло появлялись они на крышахъ и прятались внизъ послѣ сдѣланнаго выстрѣла. Дун-фу-сяне не подозрѣвали, что, выходя на крышу и будучи прикрыты со стороны англичанъ, они были на виду у русскихъ. Такой несообразительностью вос-

пользовались наши матросы, пробили въ стѣнѣ, выходившей на Монгольскую площадь дыры и, какъ только дун-фу-сяне вылѣзали на крышу, въ нихъ летѣли пули съ русской стороны и китайцы кувыркались съ крышъ на землю. Такъ какъ матросы стрѣляли бездымнымъ порохомъ, то китайцы, не видя дыма, долго не могли понять, откуда ихъ бьютъ, и только послѣ пятишести человѣкъ убитыхъ увидали дыры въ нашей стѣнѣ и перестали вылѣзать на крыши, а переняли нашу систему, т. е. въ стѣнахъ своихъ домовъ и подъ крышами продѣлали также дыры и стрѣляли черезъ нихъ и по-англійскому, и по русскому посольствамъ. Съ восьми часовъ 9-го іюня китайцы сдѣлали первое жестокое нападеніе на Русско-китайскій банкъ, американскую и русскую миссіи. Съ городской стѣны, съ крышъ домовъ, съ деревьевъ и изъ переулковъ они посыпали градомъ пуль. Пальба началась вдругъ, словно по командѣ. Всѣ добровольцы изъ Русско-китайскаго банка перешли въ англійское посольство, чего не зналъ г. Браунсъ, бывшій въ это время на улицѣ. Возвращаясь съ улицы во дворъ банка, онъ и былъ раненъ.

Всѣ мы собрались съ началомъ пальбы въ безопасномъ мѣстѣ, на верандѣ помѣщенія г. Крупенскаго, куда не долетали пули, такъ какъ помѣщеніе это было закрыто другими постройками. Въ это время бѣжитъ ко мнѣ казакъ Жига-

линъ и докладываетъ, что во дворѣ раненъ въ голову казакъ-урядникъ Батуринъ. Тотчасъ же я съ Жигалинымъ побѣжали къ раненому; пробѣжать пришлось черезъ весь дворъ подъ градомъ сыпавшихся пуль, жужжавшихъ и свистѣвшихъ надъ головой и около ушей и стукавшихся въ стѣны домовъ. Пробѣжали мы въ помѣщеніе, гдѣ лежалъ раненый Батуринъ, благополучно. Я сдѣлалъ ему перевязку, успокоилъ его, что рана неопасна, такъ какъ пуля пробила верхній край ушной раковины и прошла по мягкимъ частямъ головы, вырвавъ по пути куски тканей. Распорядившись раненаго положить на матрацъ, поставивъ въ рядъ казаковъ-носильщиковъ, я, при себѣ и самъ помогая нести раненаго, не спѣша, не дергая его торопливыми движеніями, прошелъ весь обратный путь также подъ пулями благополучно. Никто изъ насъ пятерыхъ не былъ даже оцарапанъ. Мнѣ въ первый разъ въ жизни пришлось испытать ощущеніе быть подъ пулями и скажу, что когда я съ казакомъ бѣжалъ къ раненому, то свистъ и жужжаніе носившихся пуль настолько притупили мое самочувствіе, что я помню только одну мысль, неотступно во мнѣ говорившую: «убьетъ — не убьетъ». Я не ощущалъ чувства страха, я не боялся смерти, во мнѣ не было даже чувства сожалѣнія о семьѣ, оставшейся одиноко: я былъ какъ бы внѣ окружающей меня жизни, внѣ

всего, что меня до сего волновало и тревожило. Увидавъ окровавленное лицо Батурина, блѣднаго, ослабѣвшаго, ощутивъ на своихъ рукахъ при перевязкѣ его кровь, услыхавъ его робкій голосъ, спрашивавшій, «опасна ли рана», я вполнѣ пришелъ въ себя. Возвращаясь обратно мимо веранды, на которой попрежнему всѣ толпились въ безопасномъ, закрытомъ углу, я ощутилъ въ себѣ глубокое чувство нравственнаго удовлетворенія. Я былъ счастливъ въ эту минуту: въ умѣ и сердцѣ моемъ промелькнули пять лѣтъ моего пребыванія въ Пекинѣ; много наболѣло за это время на душѣ, пережито много невзгодъ и вытерпѣно много несправедливости. Сознаніе смертельной опасности, которой я только что подвергался, сознаніе исполненной обязанности подъ пулями непріятеля за все меня удовлетворили... Раненаго Батурина я доставилъ въ международный госпиталь, въ которомъ Браунсъ и онъ были первыми ранеными изъ европейцевъ.

День девятаго іюня могъ быть рѣшающимъ наше бренное существованіе, но остается только опять сказать: враги наши были китайцы. Сдѣлавъ такое же отчаянное одновременно съ нашимъ нападеніе и на австрійское посольство, китайцы заставили австрійцевъ поспѣшно оставить свое посольство. При той поспѣшности, съ которой отступили передъ китайцами австрійцы, и при тѣхъ преувеличенныхъ слухахъ объ опасности и силѣ

китайцевъ, которые быстро передались всѣмъ посольствамъ, произошла какая-то неурядица. Кто-то передалъ десантамъ приказаніе о необходимости оставлять посольства и собираться всѣмъ въ англійское. Первыми пришли австрійцы, вслѣдъ за австрійцами пришли итальянцы, за ними шли французы, нѣмцы и русскіе. Всѣ оставили свои посольства, кромѣ японцевъ, которые не двинулись съ мѣста отъ своихъ позицій, да американцевъ, которые не могли пройти черезъ ворота русскаго посольства, такъ какъ, уходя къ англичанамъ, наши заперли на замки всѣ ворота. Когда десанты собрались всѣ во дворѣ англійскаго посольства, то сразу завѣса спала съ глазъ и представилась съ ясностью вся опасность и несообразность оставленія посольствъ беззащитными на произволъ китайцевъ. Замѣшательство, по счастью, было очень краткое, тотчасъ же было приказано русскому десанту возвратиться обратно въ посольство и не покидать его. Китайцы не воспользовались и даже, вѣроятно, не подозрѣвали, какое смятеніе и переполохъ произвели они своимъ нападеніемъ на австрійцевъ въ средѣ десантовъ. Если бы китайцы, пользуясь происшедшей неурядицей, забрали оставленныя французское и нѣмецкое посольства и укрѣпились въ нихъ, то исходъ осады былъ бы для насъ едва ли благопріятный. Но это были китайцы. Они удовлетворились оставленными австрійцами и итальян-

цами зданіями, предали ихъ грабежу и поджогу. Русскіе вернулись въ свое посольство какъ-разъ во время: китайцы уже высматривали съ Монгольской площади нашу стѣну и пробовали лѣзть черезъ нее, но были прогнаны.

Съ 9-го іюня мы очутились такимъ образомъ не только въ осадѣ, но и въ западнѣ: ни выйти нельзя самимъ, ни къ намъ никто пройти не смѣетъ. Жизнь наша вошла въ опредѣленныя рамки, въ которыхъ она и тянулась до окончанія осады. Первыя двѣ недѣли были для насъ особенно тяжелы: день и ночь всѣ были подъ выстрѣлами и висѣли на волосокъ отъ смерти. Не одинъ разъ переживались мучительныя ожиданія, которыя высказывались въ словахъ: «сегодня намъ будетъ конецъ». Жизнь наша приняла всецѣло бивачный, сторожевой, съ постоянной готовностью къ бою, характеръ. Размѣщались мы кто въ своихъ помѣщеніяхъ, кто во дворѣ на лонгъ-шезахъ; Бѣльченко, я и первое время мичманъ ф.-Денъ—въ помѣщеніи близъ главныхъ воротъ посольства, на голыхъ деревянныхъ нарахъ, приготовленныхъ для ожидавшагося русскаго отряда, шедшаго съ адмираломъ Сеймуромъ. Первыя двѣ недѣли спали мы не раздѣваясь, не снимая даже обуви, такъ какъ каждую ночь китайцы возобновляли свои ужасныя атаки съ криками «ша» (убей) и сыпали пулями. Да и спать-то приходилось лишь

урывками, по нѣскольку часовъ. Стрѣльба и пожары не утихали. День былъ для насъ все-таки спокойнѣе, такъ какъ мы могли видѣть все, что происходило вокругъ и что предпринимали китайцы, но съ наступленіемъ ночи, особенно когда зарево пожара поднималось вблизи посольства, мы не смыкали глазъ. А. Т. Бѣльченко, А. В. Бородавкинъ и я прилагали всѣ старанія, исполняя тяжелую работу — таскать воду, тушить огонь, наблюдать поджоги, обходя стѣны посольства, выворачивать каменныя плиты изъ мостовыхъ во дворѣ посольства, подготовляя ихъ для рабочихъ-китайцевъ, сносившихъ на постройку баррикадъ, наблюдать за работами. Сколько разъ пламя пожара, вырывавшееся ночью смежно со стѣною нашей, заставляло меня и Бѣльченко, не смыкая глазъ, быть настороже.

Іюня 11-го китайцы опять сдѣлали большое нападеніе на насъ съ Монгольской площади и старались разломать участокъ стѣны, наиболѣе слабый, вблизи конюшни. Они влѣзли даже на стѣну и выстрѣломъ убили проходившаго въ это время по двору матроса Антонова. Пуля попала ему въ голову, и смерть была мгновенная. Нападеніе китайцевъ было отбито. Іюня 12-го былъ раненъ и очень опасно молодой еще матросъ Ляндовъ. Онъ стоялъ съ другимъ матросомъ въ секретѣ на посту. Замѣтили они,

что крадутся трое китайцевъ-солдатъ къ русской баррикадѣ. Давъ подойти ближе, матросы выстрѣлили и двухъ китайцевъ убили, а третій убѣжалъ. На одномъ изъ убитыхъ, который лежалъ ближе къ Ляднову, было новенькое ружье Маузера, поясъ на китайцѣ былъ полонъ патронами, а у насъ въ патронахъ ощущался большой недостатокъ. Ляндовъ соблазнился новымъ ружьемъ и патронами, вышелъ къ убитому, чтобы снять съ него оружіе. Какъ только Ляндовъ наклонился, грянулъ выстрѣлъ. Пуля ударила въ затворъ винтовки, которая была надѣта на Лядновѣ, сбила затворъ, расплющилась сама и осколками ранила Ляднова въ правый бокъ. Осколки пули раздробили три ребра. Раненаго Ляднова я сопровождалъ самъ въ международный госпиталь. Состояніе его казалось безнадежнымъ. Во время осмотра и первой перевязки вынуто было три большихъ осколка пули, вынуты обломки реберъ, разрѣзъ пришлось сдѣлать отъ спины до груди, захвативъ и плевру. Рана получилась громадныхъ размѣровъ, при дыханіи воздухъ клокоталъ, проникая черезъ рану. Ляндовъ переносилъ всѣ мученія со стойкостью героя и съ покорностью русскаго человѣка волѣ Божіей. Посреди тихихъ стоновъ во время мучительнаго выниманія осколковъ онъ шепталъ: «Ну, что жъ? Умереть надо. Мы на это и пришли сюда. Ничего. Мы защищали христіанъ, такъ Богу угодно! Можно и уме-

реть!» Съ Ляндовымъ передъ этимъ я нѣсколько разъ бесѣдовалъ, стоя по ночамъ у воротъ нашего посольства, когда еще онъ былъ здоровъ. Меня поражала въ немъ простота, ясность и искренность души русскаго крестьянина. Слушая его отрывочно высказываемыя мнѣнія, думалось: крѣпка Русь своимъ народнымъ чувствомъ, своей народной силой, своей простой незлобивой душой!... Пожары вокругъ русскаго посольства временно затихли по 12-е іюня, такъ какъ голландское посольство, Русско-китайскій банкъ, русская почтовая контора представляли изъ себя дымящіяся развалины, отъ которыхъ неслся удушливый дымъ пожарища. Мы загородились отовсюду баррикадами и были разобщены со всѣмъ внѣшнимъ міромъ. Только англичанамъ, американцамъ и японцамъ удавалось еще чрезъ христіанъ-китайцевъ посылать извѣстія въ Тянь-цзинъ о нашемъ тяжеломъ положеніи. Удавалось англичанамъ получать иногда свѣдѣнія и о томъ, что дѣлалось въ самомъ Пекинѣ. Удалось даже англичанамъ получить нѣсколько нумеровъ китайскаго «Столичнаго Вѣстника», въ которомъ были обнародованы распоряженія китайскаго правительства. Распоряженія эти немедленно были съ китайскаго переведены на англійскій и объявлены во всеобщее свѣдѣніе. Вотъ что гласилъ, напримѣръ, правительственный указъ, изданный 8-го іюня: «Съ утвержденіемъ нашей династіи на пре-

столѣ съ иностранцами обходились всегда милостиво. Въ царствованіе Тао-Гуаня и Сянь-фына имъ позволили торговать и они просили тогда разрѣшенія проповѣдывать и свою религію,— просьба, на которую китайцы согласились неохотно. Европейцы вначалѣ подчинялись китайскому надзору, но за послѣднія тридцать лѣтъ они воспользовались терпѣніемъ китайцевъ и стали забирать китайскія земли, притѣсняли народъ и требовали богатствъ Китая. Каждая уступка, сдѣланная Китаемъ, увеличивала увѣренность въ ихъ могуществѣ. Европейцы притѣсняли мирныхъ гражданъ, оскорбляли боговъ и святыхъ людей и разжигали сильнѣйшее негодованіе среди народа. Поэтому были сожжены патріотами ихъ церкви и перерѣзаны обращенные (христіане). Правительство желало предупредить войну, почему издавало указы о защитѣ посольствъ и о милосердіи къ обращеннымъ. Эти указы, объявлявшіе ихэтуанцевъ и обращенныхъ одинаково дѣтьми государства, изданы были въ надеждѣ возстановить старыя отношенія между народомъ и обращенными; указы оказывали чрезвычайную милость иностранцамъ. Но этотъ народъ не знаетъ благодарности и только увеличилъ свои притѣсненія. Вчера была прислана Дюшаларомъ [1]) бумага, въ которой требо-

[1]) Старшина консуловъ въ Тянь-цзинѣ, французскій генеральный консулъ.

вала́сь отъ насъ сдача фортовъ Таку въ ихъ вѣдомство, въ противномъ случаѣ угрожали взять форты силою. Во всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся международныхъ отношеній, мы были всегда вѣжливы, но европейцы, несмотря на то, что называютъ себя цивилизованными, дѣйствуютъ, не обращая вниманія на справедливость, полагаясь только на свою военную силу. Мы управляемъ государствомъ уже около тридцати лѣтъ и обращались съ народомъ, какъ съ нашими дѣтьми; народъ уважалъ и почиталъ насъ какъ божество, а въ срединѣ нашего правленія мы пользовались милостивымъ расположеніемъ императрицы. Кромѣ того, предки наши пришли помочь намъ, и боги отвѣтили на наши моленія: нигдѣ еще не было такого выраженія преданности и патріотизма. Мы объявили войну со слезами на глазахъ въ гробницахъ предковъ. Лучше сдѣлаемъ все, что можемъ, и вступимъ въ борьбу, нежели будемъ искать средствъ самосохраненія, которыя вовлекутъ насъ въ вѣчную немилость. Всѣ наши чиновники, высокопоставленные и низкіе, держатся одного мнѣнія; собралось безъ воззванія нѣсколько тысячъ солдатъ-патріотовъ. Даже дѣти носятъ копья въ защиту государства. Европейцы полагаются на глубокомысленные планы, мы надѣемся на небесное правосудіе. Нечего и говорить о правотѣ нашего дѣла, но и число нашихъ провинцій болѣе двад-

цати, въ нихъ больше 400 милліоновъ жителей. Намъ нетрудно будетъ защитить честь нашего государства». Указъ оканчивался обѣщаніемъ крупныхъ наградъ отличившимся въ бою, а также и для тѣхъ, кто внесетъ подписку на фондъ въ пользу веденія войны. Трусамъ и предателямъ указъ грозилъ тяжкимъ наказаніемъ. Первое время мы довольно часто получали еще свѣдѣнія изъ Тянь-цзина, доставлявшіяся посланными оттуда отъ консуловъ китайцами. Чаще всѣхъ свѣдѣнія доставлялись англичанамъ, японцамъ и американцамъ. Изъ доставляемыхъ свѣдѣній мы знали уже о бомбардировкѣ и взятіи фортовъ Таку, знали о высадкѣ войскъ и считали дни, когда могутъ войска изъ Тянь-цзина придти, чтобы освободить насъ. Такъ какъ всѣ наши мысли направлены были на приходъ войскъ, то нѣкоторые изъ насъ, пользуясь гдѣ-то добытымъ оракуломъ, составили даже табличку, въ которой указывали на три срока прихода освобождающаго насъ соединеннаго европейскаго отряда. Первымъ срокомъ назначено было 16-е іюня, вторымъ—26-е іюня и третьимъ—30-е іюня; всѣ три срока вмѣстѣ съ оракуломъ насъ, конечно, обманули. Увѣренность наша въ скоромъ освобожденіи изъ западни, въ которую мы попали, быстро пропадала и смѣнялась все большимъ и большимъ сознаніемъ тяжелаго положенія, которое легко могло стать безвыходнымъ, такъ

какъ въ провизіи сталъ уже ощущаться недостатокъ и съ 12-го іюня стали выдавать первую уменьшенную порцію хлѣба и мяса. Тщетно мы обсуждали всѣ возможности, почему насъ не идутъ выручать войска. Для насъ было очевидно, что 10—12-титысячный европейскій корпусъ можетъ легко пройти путь отъ Тянь-цзина до Пекина, разбросавъ всѣ китайскія войска, которыя, въ чемъ мы уже достаточно убѣдились, нисколько не отличались военною доблестью и мужествомъ и ужъ если не осмѣливались вступить въ открытый бой съ нашею горстью десантовъ, то вступить въ бой съ цѣлымъ корпусомъ подавно они не осмѣлятся. Вся надежда наша была на русскихъ и японцевъ, какъ ближайшихъ къ намъ, которые всегда могутъ выставить корпусъ войскъ и большей численности. Какъ ни судили и ни рядили мы, пришлось помириться съ мыслью, что вся Европа придетъ насъ освобождать, а пока придутъ англичане, нѣмцы и французы, — отъ насъ могутъ остаться только обглоданныя кости. Пришлось покориться своей участи и терпѣливо ждать.

Полдень 12-го іюня принесъ новый сюрпризъ. На мосту, близъ англійскаго посольства, появилось нѣсколько китайцевъ, которые укрѣпили на шестѣ какую-то доску съ наклеенною на ней бумагой. Китайцы имѣли бѣлый флагъ и что-то кричали по направленію англичанъ, чего разобрать нельзя

было. Въ бинокли можно было разсмотрѣть, что на мосту выставлена была какая-то писанная китайскими іероглифами бумага. Собрались немедленно всѣ драгоманы и, вооружившись биноклями, стали разбирать выставленную бумагу. Текстъ ея скоро былъ разобранъ, и оказалось, что это былъ выставленъ будто бы отъ имени правительства указъ, въ коемъ сообщалось, что правительство принимаетъ всѣ мѣры къ охраненію посольствъ и европейцевъ. Когда было сообщено содержаніе бумаги всѣмъ находившимся въ посольствѣ, то многіе возликовали и считали, что пришелъ конецъ тяжелымъ нашимъ днямъ и что является надежда на скорое наше освобожденіе. Мечты, однако, не сбылись. Пули свистѣли попрежнему и выстрѣлы грохотали со всѣхъ сторонъ.

За выставленною бумагою наблюдали изъ англійскаго посольства все время и увидали, что подъѣхали къ ней нѣсколько верховыхъ китайцевъ, прочли, ударили по бумагѣ кулакомъ, сорвали ее и уѣхали. Предложенное охраненіе китайскимъ указомъ не состоялось, и вызванныя имъ надежды такъ же быстро исчезли, какъ быстро исчезъ и самый листъ бумаги. Съ 13-го іюня опять начались пожары, опять бѣшеная стрѣльба, опять раненые и убитые. Вечеромъ, когда мы всѣ сидѣли на верандѣ, прибѣжалъ матросъ и сказалъ мнѣ, что на третьемъ посту, съ Монгольской площади,

ранили матроса Ильина. Тотчасъ же побѣжалъ я къ раненому, который лежалъ уже безъ движенія, разбросавъ свои сильныя мускулистыя руки. Было темно; принесенный фонарь бросалъ мрачный свѣтъ на каменныя стѣны и на убитаго. Пуля попала въ лѣвый глазъ и пробила черепъ черезъ затылокъ. Густая струя крови заливала лицо покойника. Тяжелое чувство охватило меня при видѣ этого мощнаго, сильнаго, нѣсколько минутъ тому назадъ еще жившаго полною жизнью человѣка, а теперь лежащаго на землѣ «безгласна, недвижима, бездыханна!» Болью въ сердцѣ отозвалась эта смерть. Жалко мнѣ стало убитаго Ильина до слезъ, тѣснило сознаніе той неправды, изъ-за которой гибнутъ жизни, гибнутъ люди... Пули продолжали жужжать, словно пчелы, пролетая мимо уха и надъ головами. Подошелъ еще матросъ, бывшій вмѣстѣ на посту съ убитымъ, и разсказалъ, что дунфу-сянскіе солдаты начали пальбу съ Монгольской площади по постамъ. Ильинъ отвѣтилъ на огонь,—тотчасъ же раздался отвѣтный выстрѣлъ, роковой для матроса. «Даже не охнулъ»,—закончилъ свой разсказъ его товарищъ. На другой день съ утра была попрежнему горячая стрѣльба; люди были заняты всѣ на постахъ, надо было рыть могилу Ильину. Рѣшили похоронить его въ посольствѣ, вблизи церкви, гдѣ имѣется свободный участочекъ земли, на кото-

ромъ много высокихъ, старыхъ кипарисовъ, сосенъ и туй. Я и А. Т. Бѣльченко при помощи іеромонаха о. Авраамія начали готовить вѣчное жилище отшедшему отъ насъ собрату и нашему защитнику. Подошли еще нѣсколько человѣкъ матросовъ—и могила скоро была готова. Принесли тѣло Ильина, одѣтое въ чистую матросскую рубаху. Пришелъ о. архимандритъ, собрались свободные отъ службы товарищи-матросы, и впервые въ стѣнахъ русскаго посольства совершено отпѣваніе и погребеніе «убіеннаго раба Божія воина Іоанна». А пули такъ и жужжали, выстрѣлы грохотали, настроеніе духа вполнѣ отвѣчало тому печальному событію, причастными которому мы были. Отпѣваніе кончилось, трупъ Ильина завернули въ циновку, опустили въ могилу, углы циновки на груди и ногахъ прикрѣпили камнями,—и черезъ нѣсколько минутъ возвысился могильный курганъ, свидѣтель молчаливый надъ тѣмъ, что было человѣкъ!

IV.

Ожесточеніе китайской стрѣльбы.—Недостатокъ мяса и начало питанія кониной. — Голодъ въ Пекинѣ и указъ богдыхана въ отвѣтъ на докладъ цензора.— Неудачная экспедиція въ китайскую кумирню.—Начало сношеній съ китайскимъ правительствомъ.— Заключено перемиріе. — Пеліо въ цзум-ли-ямынѣ.— Появленіе китайскихъ солдатъ.—Продолжаемъ укрѣпляться.—Дальнѣйшія событія.

Обѣщаніе охранять европейцевъ, выставленное письменно 12-го іюня на мосту, не только не уменьшило перестрѣлки, но, словно нарочно, нападенія китайцевъ стали жарче, а пушечная пальба дѣятельнѣе.

Когда китайцы дѣлали передышку отъ стрѣльбы, то повсюду въ посольствахъ земля была усыпана свинцомъ, словно снѣгомъ. Такъ какъ патроновъ у насъ было мало, а конца осады не предвидѣлось, то въ англійскомъ посольствѣ американцы устроили собственноручное литье пуль изъ собираемаго на землѣ свинца. У насъ, въ

русскомъ посольствѣ, о. Авраамій и діаконъ о. Скрижалинъ набирали китайскихъ пуль полные цвѣточные горшки.

Ожесточеніе нападеній со стороны китайцевъ мы объясняли тѣмъ обстоятельствомъ, что имъ доставляли свѣдѣнія изъ Тянцзина объ успѣшной борьбѣ съ европейцами, а также обѣщаніями наградъ со стороны китайскаго правительства. Въ «Пекинскомъ Вѣстникѣ» обнародованъ былъ указъ, въ которомъ выражалось удовольствіе со стороны китайскаго правительства по поводу рапорта генералъ Чжунъ-лу, доносившаго объ удачныхъ сраженіяхъ китайцевъ съ европейцами у Тянь-цзина 4-го, 5-го и 6-го іюня. Въ этомъ указѣ воздавалась также похвала и боксерамъ, которые «безъ всякой поддержки со стороны правительства деньгами или людьми оказали въ этихъ дѣлахъ много услугъ». Боксерамъ въ указѣ обѣщана впослѣдствіи большая милость, лишь бы они продолжали доказывать свою преданность.

Гнетущее дѣйствіе осады стало проявляться и вокругъ насъ: бѣжавшіе мирные китайцы оставляли и животныхъ на произволъ судьбы, а нѣкоторыя животныя, каковы собаки и кошки, оказались даже запертыми въ пустыхъ домахъ. Мучимые голодомъ мулы, ослы, свиньи стали подходить къ намъ по Посольской улицѣ. Особенно настойчиво, несмотря на то, что прогоняли

ихъ, шли къ намъ въ ворота три мула, рослые, красивые, молодые. Среди матросовъ былъ нѣкій Бектемировъ, изъ татаръ Казанской губерніи, высокій брюнетъ, живой и словоохотливый. Онъ первый подалъ мысль поймать муловъ, заколоть ихъ и пополнить мясную порцію, которая стала отпускаться въ уменьшенномъ уже количествѣ. Предложеніе Бектемирова было принято, ему разрѣшено было загнать трехъ муловъ. Надо было видѣть ту искреннюю, дѣтскую почти радость, которою сіяло подвижное лицо Бектемирова, когда онъ загонялъ во дворъ муловъ и привязывалъ ихъ къ дереву. Надо было видѣть ту заботливость, съ которой онъ носилъ муламъ воду для питья, разыскивалъ имъ кормъ, любовно гладилъ имъ шею, хлопалъ по спинѣ. Бектемировъ весь горѣлъ нетерпѣніемъ, когда позволятъ ему заколоть животныхъ, онъ только и мечталъ объ этомъ удовольствіи. Наглядный примѣръ, какъ стойко и прочно хранятся наслѣдственно передаваемыя племенныя особенности, складъ характера, привычки бытовыхъ обычаевъ. Въ каждомъ движеніи Бектемирова, въ каждой складкѣ его лица сквозилъ кочевникъ, степнякъ.

Ждать пришлось недолго: уже предупреждалъ насъ г. Шамб́, продовольствовавшій всѣ десанты мясомъ, что мясо скоро прекратится и придется перейти на конину. Вечеромъ 16-го

іюня было объявлено, что скотъ у г. Шамо́ кончился, и выдано было разрѣшеніе Бектемирову заколоть одного мула. Такимъ образомъ съ 17-го іюня мы начали ѣсть мулину. Мясо мулиное оказалось очень вкуснымъ, всѣ мы ѣли сваренный Бектемировымъ супъ съ большимъ удовольствіемъ. Съ 20-го іюня мы перешли на конину, которая далеко не была такъ вкусна, какъ мулина, и многіе изъ насъ и изъ команды первые дни не хотѣли заставить себя ѣсть конину, но, такъ какъ ничего другого не было, а голодъ «не свой братъ», то мало-по-малу всѣ стали питаться кониной. Попробовали убивать и свиней, подходившихъ близко къ нашимъ стѣнамъ, убивали и подтягивали ихъ туши къ себѣ, но такъ какъ свиньи эти несомнѣнно питались уже трупами убитыхъ китайцевъ, то мясо ихъ казалось настолько отвратительно на вкусъ, что никто не могъ его ѣсть. Начиналась для насъ новая забота и новыя опасенія,—а что если не хватитъ запасовъ, что если идущія къ намъ на выручку войска придутъ мѣсяца черезъ четыре?

Такое грустное настроеніе особенно сильно поддерживалось начавшимся раздаваться изъ сосѣднихъ китайскихъ домовъ воемъ умиравшихъ съ голоду и запертыхъ собакъ и мяуканьемъ кошекъ. Особенно тягостно дѣйствовалъ на нервы протяжный, унылый вой собакъ, раздававшійся подъ рядъ нѣсколько ночей и постепенно затихавшій.

Изъ конины, самымъ видомъ своимъ, темнымъ и жилистымъ, дѣйствовавшей непріятно на воображеніе, варили супъ, который засыпали рисомъ или иной какой крупой, изъ конины дѣлали котлеты или подавали ее подъ соусомъ. Изъ риса, запасовъ котораго было сдѣлано достаточно, варили кашу. Частенько мы и роскошествовали, такъ какъ удавалось добывать консервы изъ ветчины, солонины или коробки сардинъ или фруктовъ. По сдѣланному расчету имѣвшихся запасовъ мы могли при такомъ продовольствіи просуществовать болѣе трехъ мѣсяцевъ. Запасы риса, крупъ, муки и лошади выручали насъ въ теченіе всего тяжелаго времени осады. Лошадей въ Пекинѣ было много: у каждаго почти европейца было не менѣе одной, а въ посольствахъ и у миссіонеровъ было иногда болѣе чѣмъ по десятку. Въ Пекинѣ единственное развлеченіе и удовольствіе для всѣхъ доступное,— это верховая ѣзда и конскія скачки, устраиваемыя весною и осенью. Для скачекъ составлялись компаніи, заводившія свои конюшни, въ которыхъ тренировались по нѣсколько скаковыхъ лошадей, бравшихъ нерѣдко на скачкахъ цѣнные призы. Почти всѣ эти лошади и сохранили насъ, такъ какъ пошли намъ въ пищу.

Положеніе китайскаго населенія, которое оставалось въ Пекинѣ, было также очень бѣдственное и даже болѣе бѣдственное, чѣмъ наше. По слухамъ,

доставлявшимся китайцами-христіанами, среди населенія нерѣдко были случаи смерти отъ голода. Бѣдствія населенія, впрочемъ, подтверждалъ и обнародованный богдыханскій указъ отъ 15-го іюня, который гласилъ слѣдующее: «Одинъ изъ цензоровъ внутренняго города подалъ просьбу относительно раздачи риса. Онъ замѣчаетъ, что патріоты-боксеры часто жгли имущество обращенныхъ христіанъ, которыхъ самихъ убивали, и что рынки отъ этого весьма пострадали, такъ что не только низшіе классы населенія не имѣютъ средствъ къ жизни, но и нѣкоторые изъ средняго класса терпятъ нужду. Поэтому онъ предлагаетъ лучше раздать рисъ, чѣмъ допустить увеличеніе числа преступниковъ. Цензоръ проситъ двѣ тысячи ланъ на этотъ предметъ. Онъ заявляетъ также, что 16-го іюня былъ пожаръ, сопровождавшійся грабежомъ въ окрестностяхъ Цянь-мынь, что произвело сильное возбужденіе среди народа. Чиновники всѣ разбѣжались, магазины закрыты. Было крайне необходимо принять мѣры, что и было сдѣлано, особенно у трехъ воротъ: Шунь-чжи-мынь, Цянь-мынь и Хода-мынь. Іюня 8-го была разграблена гостиница въ китайскомъ городѣ, при чемъ девять человѣкъ грабителей пойманы и казнены на мѣстѣ. Цензоръ говоритъ, что, получивъ императорскій указъ отъ 11-го іюня, предписывающій хватать и казнить мятежниковъ, онъ надѣется, что эти

строгія мѣры подѣйствуютъ, хотя того же числа бродяги, выдававшіе себя за солдатъ, окружили жилище чиновника на Таможенной улицѣ и совершенно его разграбили, убивъ трехъ слугъ. Это вселило ужасъ въ населеніи внѣшняго города и новыя затрудненія на рынкѣ». Проситель заявляетъ, что «онъ и его товарищи сдѣлаютъ все возможное, чтобы поддержать порядокъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ цензоръ намекаетъ, «чтобы тронъ приказалъ князьямъ и сановникамъ, а также начальникамъ боксеровъ дать предписаніе хватать грабителей и чтобы офицеры дѣлали строгое дознаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда грабители выдаютъ себя за солдатъ». Въ томъ же нумерѣ слѣдуетъ и резолюція на докладѣ цензора, которая гласила слѣдующее: «Такъ какъ была жалоба отъ одного изъ цензоровъ на грабежи въ столицѣ, то мы приказываемъ князьямъ, министрамъ, начальникамъ надъ боксерами и надъ войсками предписать своимъ подчиненнымъ задерживать и казнить виновныхъ на мѣстѣ преступленія». Помощь голодающимъ также обѣщана.

Въ такихъ, далеко не блестящихъ условіяхъ находились и мы, и китайцы, а время все шло, да шло. Китайскіе солдаты и боксеры громили насъ не только изъ ружей, но и изъ пушекъ, при чемъ особенно усиленно дѣлали нападеніе на садъ Фу. Особенно сильное нападеніе на Фу

было сдѣлано 14-го іюня, когда потребована была туда англичанами помощь и со стороны русскихъ. Послано было въ садъ Фу матросовъ десять человѣкъ. Китайцы засѣли въ небольшой кумирнѣ около стѣнъ Фу и подъ прикрытіемъ этой кумирни разрушали стѣну сада. Рѣшено было взять кумирню приступомъ и выбить изъ нея китайцевъ. Англичане, японцы и русскіе пошли на приступъ, но встрѣчены были такимъ адскимъ огнемъ и градомъ пуль, что должны были отказаться отъ своего намѣренія и отступить. Изъ-за стѣнъ кумирни сыпались не только пули, но летѣли массами кирпичи и камни, которые китайцы всегда бросаютъ съ поразительною ловкостью. У нашихъ матросовъ убитыхъ, по счастію, не было, но было двое раненыхъ. Матросъ Горячихъ раненъ въ горло; пуля разбила гортанные хрящи, и ему сдѣлана была потомъ въ госпиталѣ ляринготомія, и матросъ Лобаховъ, которому пуля разбила кисть руки. Матросу Бектемирову пуля пробила фуражку. Изо дня въ день до 30-го іюня мы находились подъ огнемъ китайцевъ, мало надѣясь на спасеніе извнѣ и стараясь всѣми силами отдалить отъ себя роковую развязку. Изъ англійскаго посольства посылали какъ только было возможно вѣстниковъ китайцевъ-христіанъ съ письмами въ Тянь-цзинъ, сообщая о нашемъ тяжеломъ положеніи, которое не можетъ долго продолжаться

и по недостатку продовольствія и потому еще, что силы наши съ каждымъ днемъ уменьшались,—каждый день изъ строя нашихъ защитниковъ выбывали и убитые и раненые. Но 1-го іюля въ нашей сумрачной жизни проглянуло солнышко, мы ободрились и насъ освѣтила надежда. Въ этотъ день возвратился китаецъ, который былъ посланъ съ письмомъ въ Тянь-цзинъ. Китаецъ до Тянь-цзина не дошелъ, но принесъ письмо отъ китайскихъ министровъ и китайскаго главнокомандующаго. О своихъ приключеніяхъ китаецъ этотъ разсказалъ въ англійскомъ посольствѣ слѣдующее. Когда онъ выбрался за городскія стѣны, то былъ схваченъ солдатами Чжун-лу и отведенъ къ этому генералу для допроса. Здѣсь прежде всего отняли у него посланное письмо, затѣмъ сильно избили, затѣмъ посадили подъ арестъ, гдѣ и продержали его нѣсколько дней. Затѣмъ призвали его, приставили къ нему проводника-солдата, вручили другое письмо и велѣли отправиться обратно въ Пекинъ въ посольство и вручить это письмо англійскому посланнику. Содержаніе письма, посланнаго будто бы отъ имени князя Цина и всѣхъ китайскихъ министровъ, обнародованное въ англійскомъ посольствѣ, заключало въ себѣ обвиненіе европейцевъ въ томъ, что они первые начали войну съ китайцами, первые начали убивать китайцевъ на улицахъ и что народъ, возмущенный этими

событіями, возсталъ. Что китайцы готовы вступить въ переговоры и прекратить стрѣльбу, если европейцы согласятся также не стрѣлять. Отвѣтъ китайцы просили дать черезъ сутки съ посланнымъ солдатомъ, которому предписано было ожидать отвѣта въ указанномъ за стѣной мѣстѣ.

Черезъ сутки, т. е. 3-го іюля, отвѣтъ былъ данъ посланниками въ смыслѣ желательности перемирія для обѣихъ сторонъ. Стрѣльба, начавшая стихать съ 1-го іюля, къ двумъ часамъ 4-го іюля совершенно прекратилась, и наступило полное затишье. Заключено было перемиріе. Китайскіе солдаты вышли изъ-за своихъ баррикадъ, начали убирать трупы убитыхъ своихъ собратій, а затѣмъ съ громаднымъ любопытствомъ стали вплотную подходить къ нашимъ баррикадамъ, вступать въ разговоры съ матросами, предлагая имъ арбузовъ, яицъ, огурцовъ и отказываясь брать деньги и что-либо продавать изъ продовольствія или живности. Со стороны французовъ также вышли нѣсколько человѣкъ любопытныхъ къ китайскимъ баррикадамъ. Одинъ изъ французовъ, аташе посольства, г. Пеліо, хорошо знающій китайскій языкъ, вступилъ въ разговоръ съ китайцами и былъ приглашенъ ими перейти къ нимъ за баррикаду. Пеліо принялъ приглашеніе, перелѣзъ, несмотря на протестъ своихъ спутниковъ, къ китайцамъ за баррикаду и исчезъ на нѣсколько часовъ. Извѣстіе объ

уходѣ къ китайцамъ г. Пеліо доставило всѣмъ много опасеній за его судьбу. Но каково же было общее изумленіе, когда къ французской баррикадѣ сталъ подходить съ бѣлымъ флагомъ въ рукахъ китайскій солдатъ, который доставилъ записку отъ Пеліо. Въ этой запискѣ г. Пеліо сообщалъ, что онъ находится въ цзумъ-ли-ямынѣ, гдѣ китайскіе министры угощаютъ его шампанскимъ и фруктами, и что онъ скоро возвратится обратно. Это извѣстіе вмѣстѣ съ наступившей тишиной еще болѣе насъ всѣхъ обрадовало и успокоило.

Понятно то нетерпѣніе, съ какимъ мы ожидали возвращенія г. Пеліо, имя котораго было теперь у всѣхъ на устахъ. Вернулся онъ часа черезъ три и разсказалъ слѣдующее. Перебравшись при помощи китайцевъ черезъ баррикаду, онъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ китайскихъ чиновниковъ, прошелъ пѣшкомъ всю Посольскую улицу, а затѣмъ откуда-то явилась телѣга, и онъ поѣхалъ по направленію цзумъ-ли-ямыня: Обращались съ нимъ всѣ по пути очень вѣжливо, вдоль всѣхъ улицъ онъ замѣтилъ въ большомъ количествѣ располагавшихся солдатъ. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ цзумъ-ли-ямыню, тѣмъ солдатъ было больше, всѣ они были вооружены европейскими ружьями. Въ цзумъ-ли-ямынѣ его встрѣтили очень вѣжливо китайскіе министры, посадили за столъ, угощали и раз-

спрашивали подробно о всемъ, что происходитъ въ англійскомъ посольствѣ. Интересовались особенно знать о здоровьѣ посланниковъ и всѣхъ европейцевъ, о здоровьѣ отрядовъ, о численности солдатъ, о количествѣ убитыхъ и раненыхъ, о продовольствіи, о количествѣ его и продолжительности времени, на которое хватитъ этого продовольствія, о движеніи войскъ къ намъ на выручку, о свѣдѣніяхъ, которыя мы получаемъ изъ Тянь-цзина и проч. Г. Пеліо удовлетворялъ китайскихъ министровъ, говоря, что мы всѣ здоровы, продовольствія у насъ очень много и мы въ состояніи держаться до прихода европейскихъ войскъ, какъ бы долго они ни шли, что солдаты наши чувствуютъ себя прекрасно и что убитыхъ и раненыхъ у насъ очень мало, что общій духъ европейцевъ самый бодрый и спокойный.

Насколько удовлетворились китайскіе министры свиданьемъ и разговорами съ г. Пеліо, сказать, конечно, нельзя, но мы были довольны уже тѣмъ, что настала возможность обмѣна между нами и тишина, давшая отдыхъ нашимъ нервамъ. Какъ-то даже не вѣрилось, что нѣтъ болѣе стука и шума отъ выстрѣловъ и полета пуль, нѣтъ грохота и ужаса отъ звуковъ пушечной пальбы и падающихъ повсюду осколковъ разрывавшейся шрапнели. Весь день 5-го іюля прошелъ тихо; китайскіе солдаты и бок-

серы попрежнему лѣзли повсюду, все хотѣли смотрѣть, на все глазѣли. Не хватало у насъ возможности гнать китайцевъ отъ баррикадъ. Словъ они не слушали, а стрѣлять въ безоружныхъ не приказано, о чемъ было вывѣшено распоряженіе отъ сэра Клода Макдональда. Выйти изъ этого затрудненія удалось благодаря тому, что нашли одного китайца православнаго и говорящаго по-русски, который оставался въ качествѣ прислуги и уцѣлѣлъ отъ избіенія. Позвали этого Якова, велѣли ему влѣзть на крышу и кричать, пока хватало голоса, что не приказано китайцамъ подходить близко къ стѣнамъ, что разговаривать можно издали, иначе солдаты будутъ стрѣлять.

Жизнь наша съ 4-го іюля измѣнила рѣзко свой характеръ: она перестала быть опредѣленно-опасной, замкнутой лишь въ кругъ нападеній и отраженій, наоборотъ, она стала чрезвычайно разнообразной и интересной по своимъ явленіямъ и событіямъ. Каждый день приносилъ что-нибудь не только новое, но совершенно неожиданное и притомъ такое, что свойственно только китайскому характеру, но никакому иному. Болѣе чѣмъ гдѣ-либо о теченіи нашей жизни можно было сказать «довлѣетъ дневи злоба его» и самую жизнь по событіямъ можно назвать пестрой жизнью.

Начать съ того, что въ самый день перемирія

въ англійское посольство пришелъ китайскій солдатъ изъ отряда генерала Чжун-лу, одѣтый въ очень опрятную и новую форму, и заявилъ, что онъ желаетъ поступить на службу къ англичанамъ, такъ какъ не хочетъ служить въ китайскомъ войскѣ, гдѣ начальники бьютъ солдатъ. Солдатъ жаловался, что офицеръ саблей ударилъ его и ранилъ ухо, почему онъ и пришелъ просить также лекарства у англійскаго доктора. Китайскій солдатъ заинтересовалъ своимъ появленіемъ; ему завязали платкомъ глаза и провели изъ англійскаго посольства черезъ русское въ американское, гдѣ глаза развязали и въ собесѣдники къ солдату предложили американца г. Песика, личнаго секретаря Ли-хун-чанга и воспитателя одного изъ его сыновей. Г. Песикъ оставался въ Пекинѣ, и во время осады далъ много полезныхъ практическихъ совѣтовъ. Предложивъ китайскому солдату сигару и самъ закуривъ, оба собесѣдника сидѣли, развалясь, въ креслахъ и представляли интересное зрѣлище. Китаецъ-солдатъ безусловно блаженствовалъ и разсказалъ слѣдующую о себѣ исторію. Онъ былъ горнистомъ и игралъ сигналы на раковинѣ, которая принята въ войскахъ Чжун-лу, но офицеръ его отряда, желая показать европейцамъ, что вошли въ Пекинъ дун-фу-сянскіе солдаты, приказалъ ему начать играть сигналы на мѣдной дун-фу-сянской трубѣ. Солдатъ отказался,

такъ какъ онъ никогда не игралъ на трубѣ и не зналъ дун-фу-сянскихъ сигналовъ. За это офицеръ ударилъ его саблей и поранилъ ухо, а солдатъ обидѣлся и ушелъ. На вопросы г. Песика солдатъ, какъ передавали потомъ, сообщилъ, что по войскамъ дѣйствительно отданъ приказъ о перемиріи и что у солдатъ отбираютъ винтовки Маузера, которыми они вооружены. Сообщилъ, что общаго числа китайскаго войска онъ не знаетъ, но что убитыхъ и раненыхъ за все время войны у нихъ болѣе трехъ тысячъ, что послѣдняя атака французскаго и нѣмецкаго посольства имъ стоила болѣе 300 человѣкъ. Сообщилъ также, что китайскіе солдаты не питаютъ никакой вражды къ европейцамъ и очень рады перемирію; что если они стрѣляютъ въ европейцевъ, то, какъ солдаты, обязаны повиноваться начальству, но что сами по себѣ они не будутъ стрѣлять. Китайца-солдата на службу, конечно, не приняли, сдѣлали ему перевязку легкой царапины и отвели обратно съ завязанными глазами. Несомнѣнно, что это былъ подосланный шпіонъ разсмотрѣть и разузнать, что дѣлается у насъ въ посольствѣ. Самый предлогъ былъ придуманъ чрезвычайно характерно для китайскаго изворотливаго мышленія. Вслѣдъ за этимъ китайцемъ сталъ являться къ полковнику Шиба другой солдатъ, дун-фу-сянецъ, который уже доставлялъ свѣдѣнія о движеніи европейскихъ войскъ на Пекинъ, о различныхъ

событіяхъ въ самомъ Пекинѣ, имѣвшихъ для насъ въ то время большой интересъ и отвѣчавшихъ нашей злобѣ дня.

Первая ночь за все время осады прошла спокойно въ посольствахъ, но внѣ Пекина попрежнему слышалась пушечная пальба, видѣлись попрежнему европейскія ракеты. Теперь уже мы не пускались въ догадки, ожидая адмирала Сеймура, а прямо не знали, что все это значитъ.

Съ утра 6-го іюля получили первыя подробныя извѣстія письмами, адресованными англичанамъ, американцамъ и японцамъ о взятіи Тянь-цзина и потеряхъ среди европейскихъ войскъ. Въ письмахъ этихъ сообщалось, что китайскія войска генераловъ Ма, Нѣ-ши-чэна, Чжана, Суна разбиты и бѣжали къ юго-западу отъ Тянь-цзина; что изъ рядовъ европейцевъ также выбыло изъ строя убитыми и ранеными болѣе 700 человѣкъ и что болѣе всего потерь выпало на долю японцевъ.

Въ письмахъ этихъ блеснулъ и для насъ яркій свѣтъ надежды на спасеніе. Войска стали дѣйствительнымъ фактомъ, надо только вооружиться терпѣніемъ и возможно лучше упрочить наше продовольствіе. Китайцы становились менѣе назойливы, перестали налѣзать, но попрежнему отказывались что-либо продавать изъ съѣстныхъ припасовъ. Высказываемое всѣми желаніе объ открытіи китайскаго рынка, на которомъ могли бы мы покупать припасы, все еще не осуществлялось, хотя и

подавались на это надежды. Въ этотъ же день получились въ англійскомъ посольствѣ отъ китайскихъ правителей письма, противорѣчивыя одно другому, при чемъ, какъ говорили среди англичанъ, одно письмо отъ князя Цина носило дѣйствительную подпись князя. Въ этомъ письмѣ высказывалось желаніе китайскаго правительства употребить всѣ мѣры, чтобы сдержать охватившее весь народъ враждебное европейцамъ движеніе и сдѣлать все возможное къ охранѣ посольствъ. Заканчивалось письмо просьбой, обращенной ко всѣмъ представителямъ державъ, помочь и поддержать китайское правительство мудрымъ совѣтомъ. Во второмъ письмѣ отъ китайскихъ министровъ, которому многіе придавали, однако, сомнительное происхожденіе, говорилось, что правительство китайское защищаетъ посольства отъ боксеровъ и старается дать европейцамъ спокойствіе, но европейскіе адмиралы взяли Таку и Тянь-цзинъ, возбудили боксеровъ, которые очень многочисленны и хотятъ непремѣнно сжечь всѣ миссіи. Правительство китайское защищать болѣе европейцевъ не можетъ и снимаетъ съ себя за ихъ безопасность всякую отвѣтственность, при чемъ предлагаетъ въ теченіе 24 часовъ выѣхать изъ Пекина, обѣщая дать отъ себя для безопасности въ пути надежный конвой. Такія разнорѣчивыя письма, полученныя въ одинъ день, показали намъ ясно, что борьба

среди китайскихъ правителей идетъ попрежнему и что вѣрить въ прочность того или иного направленія среди правителей невозможно. Ясно было, что, пользуясь тишиной, непремѣнно должно еще болѣе укрѣпить свою оборону и держаться постоянно насторожѣ. Ночь 6-го іюля и день 7-го іюля прошли спокойно и тихо. Во всѣхъ посольствахъ, въ саду Фу и на стѣнѣ русскіе и американцы укрѣпляли баррикады, а японцы, какъ кроты, рыли у себя траншеи и насыпали земляные высокіе валы. Англичане начали стѣснять насъ въ присылкѣ рабочихъ-китайцевъ, находя, что на стѣнѣ нѣтъ уже такой необходимости въ укрѣпленіи, каковая является въ англійскомъ посольствѣ, составляющемъ теперь самое опасное мѣсто.

Китайцы съ своей стороны, глядя на европейцевъ, также начали возвышать и укрѣплять свои баррикады, а въ ночь на 8-е іюля воздвигли высокую башню, на которой и поставили пять большихъ знаменъ, красиво развѣвавшихся по вѣтру своими яркими цвѣтами. Были здѣсь и черныя знамена съ красными каймами и красными гіероглифами по серединѣ, были бѣлыя съ синими полосами, бѣлыя съ красными. Въ то же время стали доноситься со стороны китайцевъ и подземные стуки; несомнѣнно, они начали рыть траншею, имѣя цѣлью, быть можетъ, подвести ее подъ нашу баррикаду на стѣнѣ, заложить мину и взорвать. Опять стали наши

требовать рабочихъ-китайцевъ отъ англичанъ и получили: просили тридцать человѣкъ на ночныя работы 8-го іюля, а пришло только три китайца, изъ которыхъ одинъ былъ мальчуганъ лѣтъ 15-ти, другой среднихъ лѣтъ рабочій, а третій—старикъ лѣтъ 60-ти. Послѣдній, какъ поднялся на стѣну, закашлялся, сѣлъ на землю, да и остался такъ сидѣть, прося только объ одномъ, чтобы дали ему умереть спокойно.

Не получивъ рабочихъ-китайцевъ, за работу принялись сами наши матросы. Опять оказалась и проявилась великая русская сила,—сила русской народной души. «А и въ горѣ жить—некручинну быть!» Взяли матросы лопаты и ломы, засучили рукава, весело, спокойно, въ тишинѣ, взялись за кирпичи и каменныя плиты, да и выложили сами еще новую баррикаду, да возвысили старую на уровень съ китайской башней. Ловко и прочно работали мускулистыя, сильныя руки, приводя въ изумленіе друзей нашихъ американцевъ, жаловавшихся, что ихъ баррикада становится хуже нашей.

— А вы возьмите да и начинайте ее возвышать,—совѣтовали наши матросы.

— У насъ рабочихъ нѣтъ,—отвѣчали американцы.

— А зачѣмъ вамъ рабочіе, вотъ мы сами работаемъ,—отвѣчали наши.

— У насъ времени нѣтъ,—возражали американцы.

На этомъ закончился краткій разговоръ между американцами и русскими. Кратокъ онъ, но много содержитъ, много говоритъ. Говоритъ онъ, что нѣтъ предѣла русской духовной силѣ, которая живетъ въ народной душѣ. Какъ бы ни былъ истомленъ русскій человѣкъ, но всегда въ немъ живетъ та сила, которая животворитъ и душу и тѣло, которая безъ всякихъ толкованій и размышленій указываетъ и направляетъ его на путь правды...

На письма китайцевъ съ предложеніемъ выѣхать изъ Пекина отвѣтили коротко: имѣя женъ и дѣтей и не имѣя никакихъ перевозочныхъ средствъ, выѣхать не можемъ. Китайское правительство доказало, что оно можетъ защищать европейцевъ въ тѣхъ четырехъ миссіяхъ, въ которыхъ они находятся.

Въ отвѣтъ на это письмо получился со стороны китайцевъ неожиданный сюрпризъ: присланы были четыре телѣги арбузовъ, предназначенныя для посланниковъ и ихъ супругъ, а 9-го іюля получилось изъ цзумъ-ли-ямыня сообщеніе, что ввиду жаркаго времени былъ посланъ для посланниковъ ледъ, но что по пути на подводу напали боксеры и ледъ отняли. День 10-го іюля и ночь прошли тихо. Среди общества все настойчивѣе стали передаваться изъ устъ въ уста поддерживающіе бодрость духа слухи о движеніи японскихъ войскъ, идущихъ освобождать насъ, а ки-

тайцы начали энергично укрѣплять свои баррикады на стѣнѣ и строить новыя, при чемъ работали по ночамъ, освѣщая ракетами всю стѣну. Вечеромъ стала слышна сильная стрѣльба въ сторонѣ императорскаго города. Ночь прошла тихо, но съ утра 11-го іюля снова стали пощелкивать кое-гдѣ одиночные китайскіе выстрѣлы. Къ вечеру выстрѣлы стали учащаться, китайцы стали пускать съ 11-ти часовъ вечера ракеты. По поводу бывшей перестрѣлки, начатой китайцами, былъ посланъ отъ англичанъ запросъ къ генералу Чжун-лу о причинѣ нарушенія перемирія. Отвѣта не было получено, но все стало опять тихо. Получили 12-го іюля отъ цзумъ-лиямыня четыре письма, содержаніе трехъ изъ нихъ было обнародовано и заключало слѣдующее. Въ первомъ письмѣ снова китайцы предлагали намъ выѣхать изъ Пекина и обѣщали дать перевозочныя средства по рѣкѣ, какъ-то: лодки, для женщинъ носилки, обѣщали дать для охраны военные отряды и указывали путь отъ Пекина по каналу до Тунчжоу, а отъ Тунчжоу по рѣкѣ Пейхо въ Тянь-цзинъ. Во второмъ письмѣ сообщалось, что получено на имя европейцевъ много телеграммъ съ запросами о здоровьѣ. Въ третьемъ письмѣ предлагалось отвѣчать также телеграммами на вопросы о здоровьѣ, но не внося въ отвѣты никакихъ указаній на политическое положеніе дѣлъ.

Весь день прошелъ тихо, вечеромъ было сдѣлано нѣсколько одиночныхъ китайскихъ выстрѣловъ. На стѣнѣ китайцы снова въ опредѣленный часъ, а именно около 11-ти часовъ вечера, стали пускать ракеты, освѣщая всю стѣну и наши баррикады.

Все-таки, благодаря состоявшемуся перемирію, общественная жизнь стала развертываться; русское посольство стало постоянно посѣщаться европейцами, проходившими въ свои посольства. Ежедневно стали появляться дамы, посѣщающія свои квартиры. Появились миссіонеры и миссіонерки, занявшіеся устройствомъ общежитій для китайскихъ дѣвушекъ и больницы для китайцевъ. Въ англійской миссіи для развлеченія раненыхъ миссіонерки стали приходить на веранду госпиталя и распѣвать хоралы и пѣсни. Жизнь, однимъ словомъ, приняла переходный характеръ къ мирному положенію. Любопытные, мужчины и женщины, стали посѣщать стѣну и осматривать наши и американскія баррикады и укрѣпленія.

Въ русскую миссію 11-го іюля возвратился съ супругой М. Н. Гирсъ и поселился снова въ своемъ домѣ. Желанія всѣхъ теперь были единодушны: какъ можно долѣе продолжалось бы перемиріе и какъ можно скорѣе пришли бы на освобожденіе насъ европейскія войска. Стремленіе найти вѣрнаго человѣка, который отнесъ бы

письмо къ адмиралу Алексѣеву, заставило Д. Д. Покотилова предложить громадную сумму въ десять тысячъ ланъ, но охотника не нашлось на исполненіе поставленнаго условія, состоявшаго въ томъ, чтобы не только доставить письмо, но и принести отвѣтъ. Охотниковъ трое находилось, но только на исполненіе одной части порученія, т. е. доставленія письма, но обратно принести отвѣтъ никто не соглашался.

Миссіонеры также принимали дѣятельное участіе въ посылкахъ вѣстниковъ, и имъ это удавалось гораздо успѣшнѣе. Среди миссіонеровъ было нѣсколько очень энергичныхъ и дѣятельныхъ людей, но были и прямо невозможные субъекты, и прямо душевно больные. Таковымъ былъ шведъ-миссіонеръ Nastigard. Еще съ самаго начала осады онъ чудилъ настолько, что приходилось его уединять, а затѣмъ онъ воспользовался наступившимъ перемиріемъ и успѣлъ бѣжать. Пропадалъ онъ дня четыре, и всѣ думали, что онъ убитъ, но каково же было общее удивленіе, когда 16-го іюля подошелъ къ англичанамъ китайскій солдатъ и привелъ Nastigard при письмѣ отъ генерала Чжун-лу, въ которомъ сообщалось, что иностранецъ этотъ бродилъ по улицамъ и взятъ былъ солдатами, съ трудомъ спасшими его отъ боксеровъ. Генералъ просилъ такихъ людей не выпускать.

Самочувствіе наше становилось все лучше и

спокойнѣе, но начали тревожить появившіяся заболѣванія среди солдатъ всѣхъ десантовъ дизентеріей. У насъ заболѣло сразу тяжелой формой пятеро, были заболѣванія у англичанъ, итальянцевъ, французовъ, такъ что въ англійскомъ госпиталѣ устроено было отдѣленіе и для заразныхъ, въ которое и были отправлены мною двое изъ русскихъ больныхъ. Оба они погибли. Остальные больные были мною оставлены у себя и размѣщены, насколько позволяло мѣсто; всѣхъ больныхъ оказалось девять человѣкъ, но никто изъ нихъ не умеръ; многіе поправились, другіе же, по освобожденіи нашемъ, отправлены были изъ Пекина. За больными дизентериками опять-таки самоотверженно ухаживалъ въ англійскомъ госпиталѣ о. Авраамій. Вскорѣ, однако, и о. Авраамій свалился съ ногъ отъ истощенія и маляріи. Помѣстилъ я его уже въ нашемъ посольствѣ, въ домикѣ, который занималъ о. архимандритъ и о. діаконъ, начавшіе также прихварывать. Хотя настроеніе наше и стало лучше, хотя враждебное отношеніе китайцевъ замѣтно уменьшилось, но все-таки довѣрія къ китайскому временному правительству мы имѣть не могли, тѣмъ болѣе, что оно проявляло въ отношеніи насъ какую-то странную неустойчивость, не имѣя, видимо, смѣлости направить на насъ всѣ свои силы и не имѣя въ то же время твердости открыто стать на нашу защиту. Про-

тивъ посольствъ несомнѣнно нападенія почти прекратились, но въ сторонѣ католическаго храма Бейтанъ каждую ночь мы слышали пальбу, а иногда доносились какъ будто и звуки взрывовъ. Въ англійское посольство снова прислали для нуждъ посланниковъ нѣсколько подводъ съ мукой, арбузами, овощами и льдомъ и въ то же время, видимо, не желали дать намъ возможность получать необходимое продовольствіе, а въ продовольствіи мы сильно нуждались, истощеніе уже сказывалось на многихъ, однообразіе и недостатокъ питанія подрывали здоровье. Лица всѣхъ осунулись, пожелтѣли, нервы расшатались. Какъ дорого было въ это время хоть какое-нибудь новое, свѣжее блюдо! Случай помогъ русскимъ, хоть одинъ разъ за время осады, поѣсть съ удовольствіемъ. Д. Д. Покотиловъ за дорогую цѣну купилъ цѣлое свиное семейство, состоявшее изъ большой свиньи и пятерыхъ двухнедѣльныхъ поросятъ. Купилъ онъ это семейство у англичанина Peter Turner, который въ Пекинѣ проживалъ въ качествѣ архитектора и подрядчика и не плошалъ, наживая на всемъ бѣшеныя деньги. Не упустилъ Peter Turner и здѣсь пустить въ оборотъ сохранившуюся у него живность, за которую взялъ съ Д. Д. Покотилова 150 ланъ, т.-е. 210 рублей! Д. Д. Покотиловъ устроилъ пиръ для всей русской колоніи, пригласивъ на жареныхъ поросятъ, чѣмъ оказалъ громадную услугу. Такъ

какъ въ числѣ приглашенныхъ была и моя жена съ дочерью, то я прошу принять г. Покотилова отъ меня глубокую признательность за выказанное имъ участіе и вниманіе.

Большую услугу русской колоніи за все время осады оказывалъ также и г. Александровъ, практикантъ китайскаго языка, вмѣстѣ со всѣми членами русско-китайскаго банка находившійся въ англійскомъ посольствѣ. Все время осады г. Александровъ не только былъ наблюдающимъ на кухнѣ, но и самъ помогалъ повару-китайцу готовить кушанья. Всегда веселый, всегда общительный и неутомимый г. Александровъ въ своемъ костюмѣ добровольца отправлялся отъ кухонной плиты, закинувъ винтовку черезъ плечо, отстаивать свое время на часахъ, послѣ чего снова возвращался къ плитѣ.

Доставать продовольствіе такъ и не удалось отъ китайцевъ, которые все только обнадеживали возможностью организовать присылку провизіи. Еще японцамъ удалось какъ-то приручить одного китайца, который приносилъ продавать къ нимъ въ Фу яйца и кое-какіе припасы, но и это скоро прекратилось, такъ какъ бывшіе въ Фу французы, замѣтя, что пробирается къ баррикадѣ китаецъ, застрѣлили несчастнаго совершенно напрасно.

Удалось какъ-то разъ слугамъ американцевъ достать нѣсколько куръ чрезъ застѣнныхъ ки-

тайцевъ. Опять явились надежды завязать торговыя сношенія, опять строились разные планы привлечь китайцевъ къ доставкѣ намъ припасовъ. Вызвались даже оба православныхъ китайца, бывшихъ при о. архимандритѣ, попытать счастья и пошли къ китайцамъ, но ничего изъ этого не вышло, и вернулись они обратно ни съ чѣмъ. Особенно тяжело было положеніе осажденныхъ въ Бейтанѣ, у которыхъ прекращались совсѣмъ уже запасы риса. Въ виду этого въ ночь на 18-е іюля осажденные сдѣлали вылазку съ цѣлью добыть съѣстныхъ припасовъ въ ближайшихъ китайскихъ домахъ или лавкахъ. Но и это имъ не удалось, такъ какъ китайцы подняли по охотникамъ страшную пальбу и заставили ихъ удалиться обратно.

V.

Русская колонія во время осады.— Бомбардировка китайцами посольствъ.— Жертвы бомбардировки.— Счастливые случаи.—Неудачная экспедиція за пушкой.— Капитанъ д'Арси и взрывъ стѣны французскаго посольства.—Положеніе раненыхъ китайцевъ-христіанъ.— Русскіе раненые и русскія женщины-сестры милосердія.— Китайцы принимаютъ опредѣленный планъ военныхъ дѣйствій.

Жизнь русской колоніи въ Пекинѣ во время осады раздѣлилась надвое: одни остались въ русскомъ посольствѣ, чтобы защищать его до послѣдней крайности, а другіе вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми ушли подъ защиту англійскаго посольства. Въ русскомъ посольствѣ остались: 79 человѣкъ матросовъ и казаковъ при двухъ офицерахъ и члены посольства: секретари гг. Крупенскій и Евреиновъ, второй драгоманъ миссіи Колесовъ, студентъ миссіи Бѣльченко и я, врачъ миссіи. Изъ постороннихъ миссіи лицъ

остались г. Бородавкинъ и шт. кап. Врублевскій. Въ англійскую миссію ушли: посланникъ М. Н. Гирсъ съ супругой и семействомъ, первый драгоманъ П. С. Поповъ съ семействомъ, А. П. Корсакова съ дочерью, студентъ миссіи Вульфъ и перешли всѣ служащіе русско-китайскаго банка съ семействами: Д. Д. Покотиловъ съ супругой, Д. М. Позднѣевъ съ супругой и дочерью, Р. И. Барбье съ супругой и дочерью и гг. Александровъ, Вильфартъ, Браунсъ, Брахманъ, Васильевъ, Келеръ, Ксавье, Мирный и Хитрово. Члены Духовной Православной миссіи: архимандритъ о. Иннокентій, іеромонахъ о. Авраамій, діаконъ о. Скрижалинъ и два стипендіата Паргачевскаго гг. Пискуновъ и Осиповъ. При о. архимандритѣ двое православныхъ китайцевъ. Перешелъ начальникъ почтовой конторы въ Пекинѣ Н. И. Гомбоевъ и съ нимъ практикантъ китайскаго языка изъ Ургинской школы г. Полуяновъ. Архимандритъ Иннокентій съ китайцами и Н. И. Гомбоевъ въ скоромъ времени вернулись обратно въ русскую миссію, остальные же члены русской колоніи оставались у англичанъ до конца осады. Такимъ образомъ общее количество русскихъ во время осады въ Пекинѣ было: въ русской миссіи 88 человѣкъ и у англичанъ 26 человѣкъ взрослыхъ и 8 человѣкъ дѣтей, 34 человѣка, а всего 122.

Время отъ девятаго іюня и по четвертое іюля

было для осажденныхъ самое тяжелое. Не было дня, чтобы не было убитыхъ и раненыхъ, не было дня, чтобы то или иное явленіе внутренней жизни не вызывало гнетущаго въ сознаніи чувства... Китайцы вели дѣятельную бомбардировку всѣхъ посольствъ. Гулко неслись выстрѣлы изъ орудій, снаряды пролетали съ плавнымъ, тихимъ свистомъ надъ головами и или разрывались надъ какимъ-либо посольствомъ, или совершали перелетъ далеко въ китайскій или императорскій городъ, смотря по тому, откуда былъ сдѣланъ выстрѣлъ, съ городской ли стѣны, отъ башенъ, или изъ императорскаго города. Чрезвычайно томительное и гнетущее чувство переживалось въ тотъ моментъ, когда пролеталъ въ воздухѣ надъ головой орудійный снарядъ. Звукъ полета снаряда въ воздухѣ совсѣмъ особенный: это не веселый и возбуждающій нервы звукъ полета пуль и ружейной трескотни, это звукъ плавный, спокойный, унылый и въ то же время настойчиво какъ бы говорящій: «никуда не уйдешь, разрушу все и все уничтожу». Напряженно впивался я слухомъ въ движеніе этого звука и ожидалъ, гдѣ онъ окончится. Если снарядъ дѣлалъ перелетъ, то словно гора сваливалась съ плечъ, изъ груди вырывался вздохъ облегченія. «Слава Богу, говорилось невольно, пронесло мимо, не разорвало». Если же раздавался короткій трескъ какъ бы

отъ разбиваемаго камня, то тотчасъ же бѣжалъ узнавать, гдѣ разорвало снарядъ и какія оставилъ онъ послѣдствія.

Болѣе всего снарядовъ китайцы выпускали по англійскому посольству, по французскому, нѣмецкому и японскимъ укрѣпленіямъ въ саду Фу.

Нѣсколько разъ шрапнели разрывались въ англійскомъ посольствѣ, на площадкѣ вблизи помѣщенія русской колоніи и вблизи международнаго госпиталя. Осколки снарядовъ и пули летѣли по всѣмъ направленіямъ, разрушая зданія, но не трогая людей. Было нѣсколько поразительныхъ случаевъ, когда люди оставались невредимы, а осколки и пули пролетали въ двери и окна. Одинъ снарядъ разорвался совсѣмъ близко около крыльца русскаго помѣщенія. Одинъ изъ осколковъ пролетѣлъ въ дверь комнаты, которую занимала А. П. Корсакова съ дочерью и госпожа Покотилова. Осколокъ пролетѣлъ около уха моей дочери и вонзился въ стѣну. Въ другой разъ осколокъ шрапнели пробилъ раму и ставню окна и влетѣлъ въ помѣщеніе, которое занимали со своими дѣтьми г-жи Барбье и Позднѣева; въ третій разъ нѣсколько пуль влетѣло въ комнату которую занималъ П. С. Поповъ съ семействомъ. Пули и осколки попали въ потолокъ комнаты, въ шкафъ, въ которомъ висѣло платье, и въ стулъ, на которомъ лежала дѣтская одежда. Осколками снаря-

довъ передъ русскимъ помѣщеніемъ были убиты только двѣ жертвы: на площадкѣ передъ зданіемъ русской колоніи ходилъ на веревкѣ, привязанный къ дереву мулъ, да рылись въ землѣ куры, взятыя изъ дому и хранимыя, какъ зѣница ока, для дѣтей на случай болѣзни. Во время разрыва снаряда однимъ осколкомъ убитъ былъ мулъ, а другой осколокъ попалъ въ средину куръ, разлетѣвшихся тотчасъ же съ ужаснымъ крикомъ во всѣ стороны. Но одна изъ куръ пала жертвой, т. е. отъ курицы остались только разлетѣвшіяся во всѣ стороны перья, такъ была растерзана она вся осколками. Одинъ разъ снарядъ разорвался не далеко отъ А. П. Корсаковой, которая хотѣла сойти съ крыльца на площадку, направляясь въ госпиталь, въ русскую палату на свое дежурство. При свиданіи она передала мнѣ испытанныя ощущенія во время взрыва въ слѣдующихъ словахъ. «Прежде всего у меня блеснула передъ глазами струя огня, какъ будто бѣгущая по землѣ мнѣ подъ ноги; затѣмъ раздался оглушительный трескъ. Не отдавая себѣ отчета, я закрыла руками голову и плотно зажмурила глаза. Сколько времени прошло въ такомъ положеніи, не знаю, но когда я рѣшилась открыть глаза и сознаніе мнѣ сказало, что я жива и не ранена, то я увидала, что въ нѣскольких шагахъ отъ госпитальнаго крыльца люди суетятся, таская мѣшки, наполненные землей, и заграждая воздвигаемой изъ нихъ баррикадой веранду гос-

питаля. Оказалось, что одинъ осколокъ снаряда влетѣлъ въ коридоръ госпиталя, по счастью, никого не задѣвъ».

Орудійная пальба со стороны китайцевъ была какая-то странная: то они не переставая сыпали снарядами, выпуская въ день болѣе сотни, то пропускали нѣсколько дней совсѣмъ безъ выстрѣла или посылали три, четыре. Самые снаряды были чрезвычайно разнообразны, то попадались новенькіе стальные малаго калибра, но таковыхъ было ничтожное количество, то большіе чугунные, конусообразные, начиненные чугунными шариками старой картечи, были нерѣдко снаряды, начиненные пескомъ, глиной и даже мѣдными китайскими деньгами—чохами. Надо, впрочемъ, сказать, что и вся китайская осада вообще, а бомбардировка въ частности, производила такое впечатлѣніе, что гдѣ-то есть нѣкто, руководящій всѣми дѣйствіями китайцевъ; этотъ нѣкто не даетъ въ руки китайцевъ новыхъ хорошихъ орудій и снарядовъ, которыя, какъ оказалось впослѣдствіи, были у китайцевъ въ изобиліи, а выдаетъ только старые, негодные, да и то въ неопредѣленномъ, но, во всякомъ случаѣ, маломъ количествѣ. Казалось, что промежутки въ нѣсколько дней употреблялись именно на то, чтобы доставать откуда-то эти старые снаряды. Пушки, взятыя впослѣдствіи по приходѣ войскъ на городской стѣнѣ, и оказались именно

старыми, никуда негодными, чугунными орудіями. Старались нѣкоторые объяснить сравнительную ничтожность орудійной пальбы еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть снарядовъ попадала не въ европейскія посольства, а въ императорскій и китайскій городъ, гдѣ и производила разрушенія среди людей и дворцовъ. Тѣмъ не менѣе выдавались дни особенно тяжелые; такими днями были 23, 24 и 25 іюня. Въ эти дни бомбы, шрапнели и гранаты были направляемы, видимо, рукою болѣе опытною, нежели обычно. Въ эти дни и жертвъ, убитыхъ осколками, было много, и самочувствіе наше значительно понижалось. Въ день 23 іюня, начавшійся съ утра очень тихо, канонада вдругъ разгорѣлась съ друхъ часовъ дня. Снаряды усиленно полетѣли по направленію англійскаго посольства. Въ этотъ день съ утра пришелъ въ посольство къ намъ М. Н. Гирсъ, который, какъ началась бомбардировка, отправился навѣстить русскихъ дамъ и успокоить ихъ. М. Н. Гирса сопровождали въ англійское посольство я и А. Т. Бѣльченко. Войдя въ русское помѣщеніе, мы нашли всѣ комнаты пустыми и были обезпокоены, не видя нигдѣ нашего населенія. Пройдя чрезъ весь домъ, мы нашли всѣхъ нашихъ дамъ съ дѣтьми въ большой тревогѣ, укрывшимися въ одной маленькой комнатѣ, въ самомъ дальнемъ углу зданія. Разрывавшіеся снаряды приносили осажден-

нымъ много вреда. Не говоря уже о китайцахъ, женщинахъ и мужчинахъ, которые погибли, убитъ былъ во французскомъ посольствѣ осколкомъ гранаты въ грудь командиръ австрійскаго военнаго судна «Zeuta». Командиръ пріѣхалъ въ Пекинъ вмѣстѣ съ десантомъ, чтобы посмотрѣть китайскую столицу и черезъ два—три дня вернуться обратно къ себѣ на судно. Но возвратиться ему не удалось: убитъ онъ былъ во время обхода укрѣпленій. Сопровождалъ его начальникъ французскаго десанта капитанъ д'Арси, о которомъ создалась цѣлая легенда, какъ о человѣкѣ, котораго смерть не беретъ.

Старое вѣрованіе о судьбѣ находитъ здѣсь еще разъ подтвержденіе. Разсказывали, что еще въ самомъ началѣ бомбардировки капитанъ д'Арси и одинъ изъ добровольцевъ проходили вмѣстѣ. Разорвавшимся снарядомъ у спутника д'Арси снесло полголовы, а самъ капитанъ остался безъ царапины. Во время взрыва китайцами стѣны французскаго посольства 30 іюня капитанъ д'Арси находился въ зданіи, которое было разрушено взрывомъ, и онъ былъ засыпанъ обломками и камнями вмѣстѣ съ четырьмя матросами. При раскопкѣ нашли двухъ матросовъ ушибленными, двухъ матросовъ не могли найти, а капитана д'Арси освободили, какъ ни въ чемъ не бывало.

Взрывъ стѣны французскаго посольства обо-

шелся китайцамъ очень дорого. Въ четыре часа пополудни я услыхалъ оглушительный трескъ и грохотъ въ сторонѣ французовъ. Выбѣжавъ на улицу, я увидалъ огромный столбъ земли и пыли, скрывавшій изъ глазъ часть улицы. Одновременно за французскимъ посольствомъ стали выбрасываться клубы дыма и показался огонь. Весь этотъ день китайцы со стѣны усиленно бомбардировали французовъ, нѣмцевъ и гостиницу г. Шамо̀. Увидавъ столбъ земли, я и предположилъ, что одинъ или даже нѣсколько снарядовъ попали въ крышу зданій и разрушили ихъ, произведя въ то же время и пожаръ. Оказалось, что китайцы подвели подкопъ подъ посольство и взорвали мину, а значительный отрядъ приготовленъ былъ, чтобы ворваться въ брешь въ самое посольство. Вышло, однако, такъ, что китайскій отрядъ во время взрыва находился вблизи мины и былъ взорванъ и засыпанъ. Какъ разсказывали потомъ китайцы, во время этого взрыва погибло у нихъ болѣе 300 человѣкъ солдатъ. Послѣдній несчастный случай, участникомъ котораго былъ и капитанъ д'Арси, произошелъ съ французскимъ офицеромъ Лабруссомъ; случилось это наканунѣ нашего освобожденія, 31 іюля. Офицеръ Лабруссъ также прибылъ въ Пекинъ, чтобы посмотрѣть китайскую столицу и также случайно застрялъ въ осадѣ. Все время онъ несъ во французскомъ десантѣ обязанности

строевого офицера и вечеромъ 31-го іюля, по окончаніи обѣда, вышелъ вмѣстѣ съ капитаномъ д'Арси во дворъ. Было совершенно тихо. Весело разговаривая о скоромъ освобожденіи, Лабруссъ, стоя около д'Арси, былъ убитъ наповалъ пулей въ лобъ, пущенной китайцемъ изъ-за ближайшей баррикады. Вотъ эти четыре случая и создали д'Арси славу неуязвимаго.

Одновременно съ взрывомъ мины, подведенной подъ стѣну французскаго посольства, китайцы сдѣлали отчаянное нападеніе и со стороны городской стѣны, и со стороны международнаго клуба, стоявшаго въ обгорѣлыхъ развалинахъ, на нѣмецкое посольство. Планъ у китайцевъ несомнѣнно былъ таковъ, чтобы, воспользовавшись замѣшательствомъ, которое произведетъ взрывъ среди французовъ и отвлечетъ вниманіе нѣмцевъ, выбить нѣмцевъ и завладѣть ихъ посольствомъ. Нападеніе китайцевъ на нѣсколькихъ часовыхъ, стоявшихъ въ развалинахъ клуба, было настолько стремительное, что китайцы дѣйствительно ворвались въ клубъ и поставили даже свое знамя на площадкѣ, служившей въ обычное время для игры въ лаун-тенисъ. Другая же толпа китайцевъ стремительно понеслась по Застѣнной улицѣ и добѣжала до моста, гдѣ встрѣчена была огнемъ американской баррикады. Между тѣмъ нѣмцы, видя громадный численный перевѣсъ китайцевъ, прислали просить помощи у

русскихъ, и имъ тотчасъ же послано было десять человѣкъ матросовъ, которыхъ повелъ г. Бородавкинъ. Матросы заняли караулы у нѣмцевъ, а нѣмцы, обойдя черезъ переулокъ, зашли въ тылъ китайцамъ на Застѣнную улицу и залпами заставили ихъ бѣжать обратно. Китайцы занялись уже поджогами зданій и, не ожидая такого нападенія, бѣжали въ паническомъ страхѣ, бросая свои винтовки и досками прикрывая свои головы. Нападеніе было отбито съ успѣхомъ, захвачено было и китайское знамя. Единственно, что удалось китайцамъ, это поджогъ зданій вокругъ нѣмецкаго посольства, но пожаръ никакого вреда не причинилъ.

Возвратясь отъ нѣмцевъ, г. Бородавкинъ сообщилъ нѣкоторыя интересныя подробности о нѣмецкомъ посольствѣ. Оказывается, что нѣмцы не возводили у себя никакихъ баррикадъ, не строили совершенно прикрытій и были всегда на виду у китайцевъ. Немудрено, что убитыхъ изъ нѣмцевъ было болѣе, нежели у другихъ.

И все-таки, несмотря на отдѣльные несчастные случаи, должно признать, что судьба насъ хранила. Іюня 25-го китайскій снарядъ попалъ въ русскомъ посольствѣ въ крышу кухни, въ которой готовили пищу наши матросы. Въ кухнѣ въ это время былъ матросъ-поваръ, или «кукъ», какъ именуютъ на Востокѣ, подражая англичанамъ, который варилъ кашу и усердно размѣ-

шивалъ ее въ котлѣ. Раздался страшный трескъ, снарядъ разрушилъ крышу, разорвавшись въ ней, и вся масса земли, черепицы, осколковъ шрапнели посыпалась на плиту, заполнивъ весь котелъ до краевъ и осыпавъ остолбенѣвшаго повара. Придя въ себя, онъ принесъ намъ показать цѣлыя пригоршни мусора, самъ же остался безъ царапины, безъ ушиба; только десантъ въ этотъ день каши не ѣлъ. Въ русскомъ посольствѣ зданія пострадали менѣе всѣхъ остальныхъ посольствъ. Ни одно разрушено не было; только была разбита половина крыши колокольни, да пробита ея стѣна. Пострадала немного крыша помѣщенія посланника, скоро, однако, поправленная новыми черепицами. Кромѣ того, ядромъ, пущеннымъ со стѣны и пролетѣвшимъ по крышѣ американскаго посольства, на которой былъ сбитъ флагштокъ, разрушена часть крыши, былъ пробитъ конекъ и въ крышѣ нашей сторожки при воротахъ и выбитъ кусокъ конька на крышѣ дома, стоявшаго по направленію полета снаряда. Осколки гранатъ и пули попадали лишь въ нѣкоторыя зданія въ русскомъ посольствѣ, да и то въ маломъ количествѣ.

Пушечная пальба приносила вообще много вреда, но особенно была зловредна одна пушка, поставленная на китайской баррикадѣ противъ сада Фу. Снарядами изъ этой пушки была уже пробита громадная брешь въ стѣнѣ сада, снаряды

постоянно мѣшали японцамъ работать и разрушали нерѣдко всѣ труды, разбивая сооружаемую баррикаду. Дабы обезпечить себѣ безопасность, японцы рѣшили совершить экспедицію, чтобы напасть на китайцевъ и отнять у нихъ пушку. Въ экспедиціи участвовали японцы, итальянцы и австрійцы. Предводимый проводникомъ-китайцемъ изъ христіанъ вышелъ маленькій отрядъ, но предпріятіе окончилось очень грустно. Китаецъ-проводникъ запутался въ узенькихъ переулочкахъ и—вмѣсто того, чтобы провести отрядъ въ тылъ китайцамъ, навелъ солдатъ прямо на китайскую баррикаду. Китайцы подпустили отрядъ близко, а затѣмъ открыли по нему огонь. Въ результатѣ получилось восемь человѣкъ убитыхъ и двадцать раненыхъ. Событіе это повергло всѣхъ насъ въ глубокое уныніе: жаль было напрасныхъ жертвъ. Высказывалось даже обвиненіе противъ китайца въ умышленности его ошибки... Но пушка продолжала наносить вредъ, и все-таки отправлена была вторая экспедиція, чтобы захватить пушку, но также безуспѣшно: китайцы убрали пушку на другое мѣсто.

Среди христіанъ-китайцевъ было также много убитыхъ и раненыхъ во время работъ на баррикадахъ и за время бомбардировки. Положеніе раненыхъ китайцевъ было первые дни довольно грустное: въ англійскомъ госпиталѣ не было

мѣста для устройства помѣщенія для китайцевъ раненыхъ, не было даже перевязочнаго матеріала. Нерѣдко можно было видѣть умиравшихъ отъ ранъ китайцевъ, лежавшихъ прямо на землѣ. Одна такая тяжелая картина глубоко запечатлѣлась въ моей памяти. Возвращаясь изъ сада Фу, я увидалъ умиравшаго китайца. Кровь струилась изъ раны на головѣ и покрывала всю половину лица. Лежалъ онъ на землѣ, положенный на бокъ, а передъ потухающимъ уже взоромъ, закрываемымъ завѣсой смерти, поставленъ былъ въ землю самодѣльный небольшой деревянный крестъ. Умирающаго окружали лишь близкіе родные, молча прощаясь съ нимъ и не отрывая отъ него своихъ грустныхъ глазъ. Раненыхъ китайцевъ было настолько много, что миссіонеры-католики, на попеченіи которыхъ китайцы находились, обратились съ просьбой къ русскому посланнику о разрѣшеніи помѣстить раненыхъ, хотя бы только въ количествѣ шести человѣкъ, въ русскомъ посольствѣ. Разрѣшеніе имъ было дано, и для шести раненыхъ отведено было во второмъ дворѣ русского посольства три комнаты, въ которыхъ въ обычное время помѣщались слуги-китайцы. Такъ какъ у миссіонеровъ, приведшихъ раненыхъ, не было ни лекарствъ, ни перевязочныхъ средствъ, то я, съ разрѣшенія посланника, снабдилъ ухаживавшую за ранеными сестру милосердія, француженку, всѣмъ необходимымъ. Въ теченіе нѣ-

скольких дней, пока не былъ организованъ уходъ за ранеными отъ миссіонеровъ докторомъ-французомъ г. Талейракомъ, я заботился о раненыхъ. Изъ этого времени остается также свѣжъ въ моей памяти и слѣдующій случай. Въ первый же день водворенія у насъ раненыхъ китайцевъ доставленъ былъ изъ сада Фу тяжело раненый на работѣ осколкомъ гранаты въ грудь, съ разбитой грудной клѣткой, молодой китаецъ-рабочій. Раненый дышалъ прерывисто; воздухъ, вдыхаемый и черезъ рану, клокоталъ въ легкихъ, пѣня скопившуюся въ ранѣ кровь. Доставившій раненаго миссіонеръ-католикъ, узнавъ отъ меня, что рана безусловно смертельна, тотчасъ же приступилъ къ напутствію. Умирающій юноша воспаленными, встревоженными взглядами все искалъ кого-то и, не находя, черезъ сухія, запекшіяся губы, прошепталъ: «мама, фу-цинъ». Убитые горемъ старики, отецъ и мать, пришли къ умирающему. Радостная улыбка скользнула у него по лицу, а глаза съ выраженіемъ предсмертнаго покоя остановились на лицахъ дорогихъ людей, уста нѣжно прошептали какія-то слова и — погасла жизнь, отлетѣлъ духъ въ ту страну, гдѣ нѣтъ лжи, гдѣ не совершаются убійства человѣческой души и тѣла, но гдѣ живетъ истинная правда...

Тяжело было видѣть также нѣкоторыхъ раненыхъ и изъ европейцевъ. Однимъ изъ первыхъ

такихъ несчастливцевъ былъ американскій военный врачъ Лепидъ, раненый во дворѣ американскаго посольства. Я находился на своемъ обычномъ посту, когда быстро вошелъ къ намъ американскій посланникъ г. Конгеръ и попросилъ меня къ раненому. Подъ пулями перебѣжали мы съ г. Конгеромъ улицу. Докторъ Лепидъ лежалъ блѣдный, съ закрытыми глазами. Пуля, рикошетомъ отъ стѣны, ударила ему въ верхнюю треть бедра и засѣла въ глубинѣ, раздробивъ кость. Страданія и боли раненаго были при движенія нестерпимы. Наложивъ временную повязку, я вмѣстѣ съ американцами помогъ перенести раненаго черезъ улицу, при чемъ пришлось всѣмъ намъ, ради предосторожности отъ летѣвшихъ вдоль улицы пуль, идти пригнувшись. Д-ръ Лепидъ все время осады пролежалъ въ госпиталѣ и едва ли остался живъ. Изъ русскихъ раненыхъ по истинѣ былъ великимъ страдальцемъ матросъ Ляндовъ; о которомъ я уже говорилъ раньше. Это былъ совсѣмъ еще молодой, по первому году службы, но одинъ изъ тѣхъ русскихъ людей изъ народа, въ которыхъ живетъ твердый духъ. Раненъ онъ былъ осколками пули черезъ легкое сзади, при чемъ осколки пули прошли по ребрамъ, раздробили три изъ нихъ и застряли, поранивъ также и плевру. Для отысканія осколковъ пули и вынутія отломковъ реберъ пришлось сдѣлать разрѣзъ чрезъ весь пулевой ходъ, занявшій половину грудной

клѣтки. Страданія Ляднова во время перевязки были жестоки, зіяющая рана была ужасна своимъ видомъ. Болѣе мѣсяца пролежалъ онъ въ госпиталѣ между жизнью и смертью, окруженный общимъ вниманіемъ и заботами русскихъ женщинъ, взявшихъ на себя обязанности сестеръ милосердія по ухаживанію за ранеными и честно выполнившихъ этотъ тяжелый подвигъ. Тяжело раненыхъ въ русской палатѣ лежало за все время осады шестеро, но въ этой же палатѣ помѣщали и нѣмцевъ, и нѣкоторыхъ американцевъ, такъ какъ были изъ русскихъ женщинъ, которыя говорили по-нѣмецки, а миссіонерки, ухаживавшія за ранеными, кромѣ какъ по-англійски, не знали никакого другого языка. Русскія женщины, г-жи Барбье, Клопова, Корсакова, Позднѣева, Титова и іеромонахъ о. Авраамій выказали себя достойными радѣтелями нашихъ раненыхъ. Особенно самоотверженно ухаживалъ за раненымъ Ляднымъ о. Авраамій, проводившій около постели страдальца дни и ночи и бывшій для всѣхъ раненыхъ не только братомъ милосердія, но и другомъ. Ухаживали за русскими и иностранцами ранеными, выказывали заботу о нихъ и оказывали поддержку своимъ вліяніемъ русскимъ женщинамъ, когда одно время миссіонерки-американки хотѣли вытѣснить изъ госпиталя нашихъ труженицъ, супруга и дочь посланника М. Н. и Т. М. Гирсъ. Въ свою оче-

редь и раненые высоко также цѣнили заботы о нихъ русскихъ женщинъ, ободрявшихъ и успокаивавшихъ тревожное душевное ихъ состояніе звуками родной имъ рѣчи. Даже на неподвижныхъ лицахъ японцевъ появлялась радостная улыбка, когда заходила къ нимъ въ сосѣднюю палату г-жа Корсакова и привѣтствовала ихъ нѣсколькими фразами японской рѣчи. Русскія женщины исполнили самоотверженно свой долгъ. Да послужитъ сознаніе исполненной обязанности нравственнымъ для нихъ удовлетвореніемъ...

Остальные русскіе раненые — Горячихъ въ горло, Лобаховъ въ ногу, Кисляковъ тоже, Небайкинъ въ руку и Верхоглядовъ въ голову— оставались въ госпиталѣ недолго и всѣ выздоровѣли. Съ Верхоглядовымъ вышло довольно интересное явленіе. Раненъ онъ былъ на стѣнѣ въ голову осколками пули, застрявшими въ кожныхъ покровахъ головы и въ надкостницѣ. Когда онъ изъ госпиталя выписался и пришелъ въ посольство, то, дѣлая ему перевязки, я замѣтилъ, что одинъ глазъ у него красный, слезоточитъ, вѣко постоянно подергиваетъ. На мой вопросъ о давности заболѣванія Верхоглядовъ отвѣчалъ, что это началось со времени раненія. Снаружи вѣко глазное было совершенно нормально, когда же я его вывернулъ, то на внутренней его сторонѣ, въ глубинѣ, плотно

внѣдрившись, лежалъ кусочекъ свинца отъ пули. Какъ могъ попасть подъ вѣко черезъ глазную щель кусокъ свинца и не повредить глазное яблоко? Случай этотъ еще разъ указываетъ на то, что всегда могутъ быть счастливыя или несчастныя случайности. Я вынулъ осколокъ пули, и глазъ оправился совершенно.

Кромѣ тяжело раненыхъ, которые отправлялись въ международный госпиталь, были и легко раненые, которыхъ я оставлялъ подъ своимъ наблюденіемъ въ посольствѣ. Таковыхъ за все время осады было 15 человѣкъ. Изъ нихъ одинъ, Герасимовъ, о которомъ я говорилъ ранѣе, выдѣлился особенностями своего состоянія. Раненъ онъ былъ на стѣнѣ. Все лицо его было покрыто маленькими ссадинами отъ осколковъ камней, которые разлетѣлись, выбитые пулей; оба глаза его были зашиблены и запухли, такъ что не открывались. Положивъ ему повязку на оба глаза, я оставилъ его на койкѣ въ помѣщеніи и самъ переселился къ нему въ сосѣднюю комнату. Время было ужасное; каждую минуту мы были готовы къ отчаянной битвѣ, и такъ прошло отъ 19 по 26 іюня. Герасимовъ, ничего не видя, что дѣлается вокругъ, страшно волновался, опасаясь, что во время отступленія ночью, его могутъ забыть и, какъ только начиналась ночная стрѣльба, вскакивалъ съ кровати. Чтобы успокоить его, я всѣ ночи просиживалъ съ нимъ, обѣщая, что онъ мной оста-

вленъ не будетъ. Но и самому мнѣ было жутко ожиданіе каждый разъ, когда сыпались на насъ пули. А что если ворвутся китайцы? Мы оба попадемъ къ нимъ на расправу. Для самочувствія гораздо было спокойнѣе, когда я и А. Т. Бѣльченко, съ которымъ мы вмѣстѣ не мало потрудились за время осады и по наблюденію за пожарами, и за тушеніемъ ихъ, и по работѣ въ потѣ лица, выворачивая каменныя плиты изъ мостовыхъ для постройки баррикадъ, не мало времени проводили и подъ пулями, обходя посольство и прислушиваясь къ полету снарядовъ, и урывками, въ спокойное время, вооруженные, бокъ-о-бокъ помѣщались на голыхъ деревянныхъ нарахъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ была личная свобода, была возможность въ случаѣ опасности быть со всѣми вмѣстѣ въ бою и вмѣстѣ погибнуть, а на людяхъ, говорятъ не даромъ, и смерть красна. Просиживая же ночи у кровати Герасимова, я понималъ его чувство и самъ сознавалъ, что мы съ нимъ одиноки... Вскорѣ, однако, переселился ко мнѣ въ сосѣдство Н. И. Гомбоевъ, ушедшій было раньше со всѣми въ англійское посольство. Какъ только начиналась стрѣльба, онъ зажигалъ свѣчку и ожидалъ вмѣстѣ со мной окончанія перестрѣлки. Н. И. Гомбоевъ прекрасный знатокъ Китая; въ Пекинѣ онъ прожилъ болѣе 30 лѣтъ и извѣстенъ, какъ собиратель коллекцій буддистскаго

культа. За послѣдніе два года онъ собралъ коллекцію буддъ, болѣе 600 предметовъ. Это была бы единственная по своей полнотѣ и тщательной выдержанности коллекція, стоившая составителю много труда и много денегъ. Вся коллекція погибла во время пожара русско-почтовой конторы, а то, что отъ нея осталось, было впослѣдствіи раскопано и растаскано любителями изъ русскихъ же безъ его разрѣшенія и вѣдома. Съ глубокимъ огорченіемъ говорилъ мнѣ Н. И., возмущаясь такимъ своеволіемъ и произволомъ: «Я бы хотѣлъ все, что осталось, пожертвовать въ Сибирскій музей, въ которомъ будды мои имѣли бы большое значеніе и принесли бы пользу, но вовсе не желалъ, чтобы ихъ растаскали тѣ, кто имѣетъ въ рукахъ силу». Увы, кромѣ сочувствія, я ничѣмъ не могъ помочь Н. И. въ его горѣ...

Съ 26-го іюня китайцы рѣзко измѣнили свой планъ военныхъ дѣйствій. Они прекратили безцѣльную и безпорядочную ружейную стрѣльбу и стали производить нападенія попрежнему же изъ-за прикрытій, но въ опредѣленные сроки. Нападенія они начинали вдругъ, по командѣ. Время начала стрѣльбы опредѣлялось темнотой вечера: если не было луны, то начинали въ 8 часовъ и прекращали въ десять; въ лунные вечера начинали позже, съ десяти до 12-ти. Нападенія дѣлали обыкновенно два раза въ ночи;

второй разъ всегда на разсвѣтѣ, отъ двухъ до четырехъ часовъ утра. Въ четыре часа утра все замолкало, и наступала тишина до вечера. Въ теченіе же дня бывали лишь одни и тѣ же неизмѣнные выстрѣлы, всегда по одному и тому же направленію; это стрѣляли засѣвшіе гдѣ-либо въ развалинахъ зданій особые «любители», какъ мы называли этихъ китайцевъ, вооруженные старинными пистолями. Имъ, казалось, нуженъ былъ только громкій звукъ выстрѣла, а что зарядъ постоянно стукался въ стѣну дома въ американской миссіи или въ стѣну нашей колокольни, это для нихъ было все равно.

Одновременно съ упорядоченіемъ своей ружейной стрѣльбы китайцы ввели въ кругъ дѣйствій и освѣщеніе мѣстности ракетами. Вмѣстѣ съ этимъ мы стали замѣчать, что начало стрѣльбы и окончаніе ея совпадаетъ съ появленіемъ ракетъ, которыя были приняты китайцами, какъ сигналы. Эта опредѣленная стрѣльба вреда намъ никакого не дѣлала, такъ какъ шальныхъ пуль было сравнительно очень мало, а отъ нихъ-то больше всего и погибло нашихъ защитниковъ. Эти опредѣленныя по направленію пули и пролетали опредѣленно мимо надъ головами.

VI.

Письма изъ Тянь-цзина о движенiи отрядовъ.— Предложенiя цзум-ли-ямыня о выѣздѣ изъ Пекина.— Опасенiя истребленiя насъ.—Случаи убiйствъ китайцевъ.—Китаецъ-солдатъ принесъ письмо полковнику Шиба.— Нападенiя китайцевъ на посольства.—Подняты флаги на стѣны въ ожиданiи прихода войскъ.

Ожиданiя наши извѣстiй о движенiи европейскихъ войскъ стали удовлетворяться не только показанiями китайскаго солдата, приходившаго почти каждый день къ полковнику Шиба, но и письмами, которыя стали доходить до насъ изъ Тянь-цзина. Такъ, 15-го iюля пришелъ обратно китаецъ, посланный англiйскимъ посланникомъ сэръ Клодъ Макдональдомъ еще 29-го iюня, и принесъ отъ англiйскаго консула въ Тянь-цзинѣ г. Карльса слѣдующее извѣстiе: «Follo wing received from Br. consul Tientsin dated Juli 22-го. Uour letter Juli 4 received. There are 24.000 troops landed and 19-го here general Gazellee espec-

ted Taku to morrow. Russian troops are at Peitzai. Tientsin city is under foreign governements and Boxer foules here is exploded. There are plenty of troops on the way if you can keep yourselves in food.

Almust all ladies left Tientsin. Letter of 4 juli gave details of siege up to that date numbers of killed and wounded and toded that chinese troops had fired into the Legation quartee continually since from 20-th and that we were had pressed July 28-th».

Хотя всѣ свѣдѣнія о высадкѣ войскъ въ Таку были для насъ пріятны, но было очень грустно, что ни слова не сказалъ г. Карльсъ о выходѣ войскъ изъ Тянь-цзина въ Пекинъ, а мы теперь только и жили ожиданіемъ этихъ извѣстій. Китайское правительство продолжало все настойчиво намъ совѣтовать выѣхать изъ Пекина, увѣряя въ присланномъ отъ цзум-ли-ямыня письмѣ, что ему легче защищать насъ въ теченіе трехъ дней пути до Тянь-цзина, нежели продолжительное время въ Пекинѣ. Правительство обѣщало сдѣлать все возможное, чтобы защитить насъ, что приготовлены уже носилки для женщинъ и дѣтей, телѣги для тяжестей, лодки и продовольствіе. Но въ этотъ же день пришедшій къ полковнику Шиба китайскій солдатъ сообщилъ, что императрица сама пожелала оставить Пекинъ и рѣшила выѣхать въ Сиань-

фу; что для этого путешествія уже заготовлено во дворцѣ триста телѣгъ, но что Чжун-лу, Дун-фу-сянъ и Ли-бин-хэнъ составили тріумвиратъ и воспротивились отъѣзду императрицы. Солдатъ сообщилъ также, что тріумвиры поклялись уничтожить всѣхъ европейцевъ и что въ Пекинъ вошли четыре тысячи китайскихъ солдатъ. Такъ это или нѣтъ, насъ пока все-таки оставили въ покоѣ, но Бей-тангъ громили каждую ночь, а вокругъ насъ возводили все новыя и новыя баррикады. Особенно для насъ непріятна была баррикада, возведенная китайцами на англійскомъ мосту. Изъ-за этой баррикады китайцы стали угрожать сообщенію англичанъ съ каналомъ и нашему сообщенію съ Шамо. Пришлось и англичанамъ, и намъ возводить отвѣтныя баррикады. Англичане пробовали было заставить китайцевъ прекратить работы и поставили противъ нихъ итальянскую пушку, изъ которой и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по воздвигаемой баррикадѣ, чтобы разрушить ее. Но китайцы послѣ этого открыли по пушкѣ такую страшную стрѣльбу, что не было возможности даже убрать пушку, а комендору при ней пулей раздробило кисть руки. Такимъ образомъ весь вредъ отъ сопротивленія обращался на европейцевъ, а китайцы всегда, какъ кроты, упорно успѣвали возводить по ночамъ свои укрѣпленія и помѣшать имъ не было никакой возможности.

Не дождавшись отвѣта на свое письмо, китайцы опять обратились съ письмомъ, но не къ посланникамъ, а къ сэръ Робертъ Гарту. Письмо было отъ секретарей цзум-ли-ямыня. Они предлагали директору китайской таможни послать въ Европу успокоительную телеграмму относительно положенія европейцевъ. На письмо это сэръ Робертъ Гартъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, но если бы даже онъ и послалъ такое извѣстіе, то никто ему въ Европѣ, послѣ всего происшедшаго, не повѣритъ. Онъ можетъ только дать добрый совѣтъ китайскому правительству, чтобы оно само успокоило Европу и поспѣшило возстановить у себя порядокъ. Послѣ этого письма снова посланники получили письмо отъ имени «князя Цина и другихъ», въ которомъ высказывалось порицаніе китайцамъ-христіанамъ, находящимся подъ покровительствомъ европейцевъ за то, что они стрѣляютъ и убиваютъ китайскихъ солдатъ. Указывая на это, китайскіе министры предупреждали, что можетъ выйти большая бѣда, если китайцы-христіане не будутъ находиться подъ наблюденіемъ. Письмо заканчивалось опять настоятельной просьбой оставить Пекинъ и дать отвѣтъ черезъ 2—3 дня. Посланники собрались на совѣщаніе и рѣшили отправить отвѣтъ въ томъ духѣ, что выѣхать изъ Пекина, не получивъ на это разрѣшенія своихъ правительствъ, они не могутъ. Что же

касается до христіанъ-китайцевъ, то они не имѣютъ никакого вліянія на пребываніе посланниковъ въ Пекинѣ и пользуются только покровительствомъ и защитой отъ звѣрскаго обращенія съ ними китайцевъ-язычниковъ. Между тѣмъ слухи о движеніи европейскихъ войскъ приходили къ намъ ежедневно, возбуждая въ нѣкоторыхъ радость, въ другихъ сомнѣніе, а въ третьихъ, извѣрившихся во всѣ «отрадные слухи», полное равнодушіе. Болѣе придавалось значенія и вѣроятія слухамъ и сообщеніямъ, въ которыхъ говорилось о злыхъ умыслахъ китайцевъ, нежели о скоромъ приходѣ войскъ. Такъ, сэръ Клодъ Макдональдъ получилъ извѣстіе, что 18-го іюля въ Пекинъ вошло девять тысячъ китайскаго войска при 8 пушкахъ; что, пользуясь этими свѣжими силами, Чжун-лу, Дун-фу-сянъ и Ли-бин-хэнъ поклялись въ ту же ночь покончить со всѣми европейцами. Извѣстію этому сэръ Клодъ придалъ большое значеніе. Онъ собралъ у себя всѣхъ европейцевъ, составлявшихъ отрядъ добровольцевъ, и обратился къ нимъ съ рѣчью, призывая каждаго до послѣдней капли крови защищать женщинъ и дѣтей, находящихся подъ защитой англійскаго посольства. Сэръ Клодъ обратился также съ письмомъ и къ европейскимъ десантамъ, прося ихъ тотчасъ же спѣшить на помощь къ англичанамъ, какъ только данъ будетъ сигналъ объ угрожаю-

щей опасности. Вмѣстѣ съ англичанами сильно были смущены и французы, которые также получили свѣдѣнія, что подъ ихъ посольство подведены мины и въ эту ночь все французское посольство будетъ взорвано. Всѣ мы сильно волновались слухами, но въ то же время насъ поражала та спокойная, безмятежная жизнь мирнаго времени, которая доходила до насъ изъ-за стѣнъ китайскаго города. Тамъ была полнѣйшая тишина, доносились только колотушки и оклики полицейскихъ уличныхъ обходовъ, да выкрикиванія уличныхъ продавцовъ съѣстныхъ припасовъ. Ничто не указывало на присутствіе новыхъ народныхъ массъ, и многіе изъ насъ считали слухи, возникшіе въ англійскомъ посольствѣ, невѣрными. По счастью, оно такъ и было: ночь прошла спокойно. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что жизнь въ китайскомъ городѣ шла порывисто. Шт.-капитанъ Врублевскій, ставшій постояннымъ жителемъ на стѣнѣ, такъ какъ дежурства офицеровъ, бывшія аккуратными, когда была дѣйствительная опасность, стали постоянно нарушаться послѣ заключеннаго перемирія, вошелъ въ соглашеніе съ американскимъ вторымъ офицеромъ капит. Голь, чтобы дни дежурилъ на стѣнѣ американецъ, а ночи дежурилъ Врублевскій. Въ помощь часовымъ, какъ подчаски, вызвались ходить теперь также на стѣну и посольскіе добровольцы.

Штабсъ - капитанъ Врублевскій, приходя со

стѣны, всегда приносилъ рядъ интересныхъ наблюденій надъ застѣнной китайской жизнью. Такъ, утромъ 18-го іюля онъ видѣлъ, что китайскіе солдаты схватили двухъ мирныхъ китайцевъ, проходившихъ мимо китайскихъ укрѣпленій. Захваченныхъ солдаты куда-то увели, но скоро затѣмъ былъ выброшенъ на улицу обезглавленнымъ трупъ одного изъ нихъ. Въ другой разъ Врублевскій видѣлъ, что на проходившаго также мирнаго китайца напала цѣлая толпа китайцевъ, выбѣжавшихъ изъ своихъ домовъ. Китайца стали бить; поднялся крикъ, на который пришли солдаты. Узнавъ, въ чемъ дѣло, солдаты китайца застрѣлили, а толпа продолжала терзать убитаго, бросая въ него камни, землю. Замѣчалъ также Врублевскій, что въ улицу стали провозить на мулахъ въ корзинахъ военные запасы. На каждой такой корзинѣ былъ красный флагъ, и солдаты пропускали возчиковъ безпрепятственно мимо своихъ укрѣпленій. Входя въ улицы, возчики красный флагъ снимали и проходили дальше.

Случаи убійствъ мирныхъ китайцевъ мы объясняли тѣмъ, что это были, быть можетъ, возвращавшіеся наши посланные съ письмами изъ Тянь-цзина, такъ какъ очень многіе изъ нихъ обратно не приходили. На стѣнѣ со стороны китайскихъ баррикадъ все было спокойно. Китайскіе солдаты, занимавшіе караулы на стѣнахъ, рѣзко

отличались другъ отъ друга. Солдаты Чжун-лу, занимавшіе караулы у Хода-мыньской башни, оказались очень милыми сосѣдями. За все время перемирія они не только не сдѣлали ни одного выстрѣла по американцамъ, но нерѣдко сами даже набирались смѣлости и подходили къ американцамъ и пробовали вступать въ бесѣду, предлагая отъ скуки поиграть въ какую-нибудь игру или поговорить. Но разговоръ не могъ долго продолжаться, такъ какъ собесѣдники не понимали другъ друга. Солдаты со стороны Цянь-мыньской башни, бывшіе противъ русскихъ и американцевъ, были какіе-то дикіе, какой-то сбродъ; постоянно они все прятались за камни, все выслѣживали и не соблюдали строго перемирія, стрѣляли всегда, если неосторожно показывался нашъ матросъ или американецъ.

Послѣ долгихъ ожиданій мы получили наконецъ 20-го іюля изъ Тянь-цзина два письма. Одно письмо было отъ американскаго консула, а другое письмо принесъ китайскій солдатъ полковнику Шиба отъ японскаго генерала. Въ письмѣ этомъ генералъ сообщалъ, что 20-го—25-го іюля выступаетъ международный отрядъ въ 10 тысячъ человѣкъ. Принесшій это письмо китайскій солдатъ поразилъ всѣхъ своимъ поведеніемъ. Когда полковникъ Шиба предложилъ солдату деньги, то китаецъ отказался ихъ взять, говоря, что онъ далъ слово японскому генералу

доставить это письмо не изъ-за денегъ; что онъ далъ слово и обратно, если ему дастъ полковникъ Шиба письмо, отнести генералу, но что денегъ онъ не возьметъ. На всѣ вопросы о движеніи китайскихъ и европейскихъ войскъ солдатъ отвѣчать отказался. Случай поразительный и оставшійся для насъ не выясненнымъ. Послѣ этихъ извѣстій жизнь въ англійской миссіи пошла еще веселѣе и оживленнѣе. По аллеямъ повсюду стали видны гуляющія группы, слышенъ веселый смѣхъ, радостный говоръ сбывающихся надеждъ. Въ госпиталь стали приходить миссіонерки и устраивали для раненыхъ хоровое пѣніе. Даже русское общество попробовало устроить разъ или два хоровое пѣніе, но далѣе этого дѣло не пошло; болѣе успѣха имѣлъ баронъ Раденъ, бывшій частымъ посѣтителемъ русской колоніи и распѣвавшій романсы подъ аккомпаниментъ піанино, оставленнаго въ столовой.

Китайскіе министры продолжали поддерживать съ посланниками сношенія, выражая любезности, а изъ Тянь-цзина 22-го іюля получено было сразу нѣсколько писемъ. Во всѣхъ письмахъ сообщалось и подтверждалось одно: прибыли новые отряды войскъ, 18 тысячъ, а авангардъ уже вышелъ. Всѣ теперь вѣрили въ свое избавленіе и подтвержденіе выходу войскъ изъ Тянь-цзина видѣли въ любезномъ обращеніи китайцевъ и въ ихъ настойчивыхъ предложеніяхъ о нашемъ выходѣ изъ Пекина. Опять 22 іюля было по этому по

воду получено письмо, а въ пекинской газетѣ обнародованы эдикты богдыхана о необходимости оказывать покровительство европейцамъ. Наше благодушное настроеніе было, однако, жестоко омрачено 23 іюля извѣстіемъ о смертельномъ раненіи нашего матроса Арбатскаго. Смерть его была случайной жертвой, и многіе высказывали убѣжденіе, что смерть эта могла бы быть предотвращена. Дѣло въ томъ, что на развалинахъ Русско-китайскаго банка признано было нужнымъ соорудить новую баррикаду для защиты отъ нападеній китайцевъ. Для работы потребованы были рабочіе китайцы-христіане, которымъ для охраны даны были двое матросовъ: Герасимовъ, уже извѣстный читателю, и Арбатскій. Общее наблюденіе было предложено взять на себя одному изъ добровольцевъ. Матросы наши не удовлетворились ролью простыхъ наблюдателей, а стали и сами помогать работать, для чего, не соображая объ опасности, выходили за камнями впередъ на виду китайцевъ. Въ то время, когда Арбатскій нагнулся, чтобы поднять съ земли камень, китайскій солдатъ со стѣны и выстрѣлилъ. Пуля попала матросу сверху внизъ, прошла вдоль по боковой части отъ ключицы черезъ легкое и вылетѣла, ударившись въ камень; осколками этого камня былъ поверхностно въ нѣсколькихъ мѣстахъ раненъ въ спину Герасимовъ, который тоже

таскалъ камни, и былъ въ это время около Арбатскаго. Справедливо высказывалось мнѣніе, что если считать матросовъ за дѣтей, которымъ нужна заботливая нянька, такъ какъ они не сознаютъ опасности и добровольно себя ей подвергаютъ, то надо было поручить и надзоръ за этими дѣтьми не добровольцу...

На другой день 24-го іюля похоронили Арбатскаго. Въ высшей степени трогательно было его отпѣваніе и грустно сознаніе о напрасно загубленной молодой жизни.

Дни проходили тихо, но по ночамъ понемногу продолжали пострѣливать, а г. Врублевскій все приносилъ, возвращаясь со стѣны, интересныя наблюденія. Нѣсколько дней подъ рядъ онъ замѣчалъ передвиженіе китайскихъ отрядовъ; одни приходили, другіе уходили. Изъ китайскаго города слышалась оживленная перестрѣлка, объяснить которую пытались мы, то возникшимъ междуусобіемъ, то избіеніемъ нашихъ посланцовъ, которыхъ мы все нетерпѣливѣе ждали каждый день. Издалека стали опять слышны сигналы дун-фу-сянцевъ. Стрѣльба опять стала усиливаться по ночамъ въ англійское посольство, при чемъ сигнализація ракетами безусловно служила показателемъ начала и прекращенія стрѣльбы. Китайцы стали собираться большими массами подъ стѣны англійскаго посольства, особенно со стороны Хан-линь-юаня и бро-

сали въ посольство особыя горящія ракеты на смолистыхъ фитиляхъ, оканчивающихся желѣзными остріями. Не обходилось при этомъ безъ курьезовъ. Наши добровольцы-банковцы разсказывали, что, стоя на часахъ у дыръ въ стѣнахъ англійскаго посольства, они видѣли, какъ такія ракеты разсыпались иногда смолянымъ огнемъ, будучи еще въ рукахъ китайцевъ, и обжигали имъ руки и лица. Толпа тогда въ страхѣ и съ криками разбѣгалась во всѣ стороны. Съ 27-го іюля выстрѣлы стали уже доноситься по новому направленію, съ сѣверо-восточной стороны, то есть съ той стороны, откуда мы ожидали прихода нашихъ войскъ. Оттуда стали долетать до насъ и пули, выпускаемыя изъ манлихеровскихъ ружей, стрѣляющихъ бездымнымъ порохомъ. 29-го іюля Врублевскій принесъ со стѣны еще новое наблюденіе: утромъ онъ видѣлъ, какъ за Хода-мыньскими воротами формировался дунфу-сянскій кавалерійскій отрядъ. Отрядъ былъ, однако, очень жалкій: рабочіе кули приводили самыхъ разношерстныхъ истощенныхъ лошадей, а солдаты чѣмъ попало сѣдлали ихъ и спѣшно куда-то уѣзжали. Ночь съ 29-го іюля на 30-е была тревожная; китайцы опять ожесточенно стрѣляли по англійскому посольству, опять слышны были неистовые ихъ крики «ша». Когда затихла стрѣльба по англичанамъ, то началась такая же точно пальба по французамъ и нѣмцамъ.

Въ ночи пролетѣло черезъ русское посольство ядро. Нападенія на французовъ, нѣмцевъ и англичанъ продолжались и 30-го іюля; у французовъ былъ убитъ одинъ матросъ, раненъ итальянецъ. Кромѣ того, вечеромъ произошелъ крайне печальный случай: разряжая неосторожно винтовку, одинъ французъ-матросъ выстрѣлилъ въ грудь другого, пронизавъ насквозь легкое. Раненый скончался на слѣдующій день. Грустное впечатлѣніе на всѣхъ произвели эти послѣднія двѣ жертвы. Въ этотъ же день на стѣнѣ противъ нашей баррикады китайцы также пустили нѣсколько выстрѣловъ и осколками одной пули раненъ былъ въ горло нашъ матросъ. Движеніе китайскихъ отрядовъ, какъ наблюдалъ Врублевскій, еще болѣе усилилось; видно было, что китайскія войска уходили изъ города со знаменами, а другіе входили. Для насъ несомнѣнно было одно: близокъ конецъ нашего сидѣнья. Китайцы зашевелились повсюду. Вдругъ неожиданно въ этотъ день открыли они сильную стрѣльбу и по русскому посольству съ Монгольской площади, но не причинившую намъ никакого вреда и скоро прекратившуюся. Китайскіе министры прислали въ этотъ день письмо посланникамъ, въ которомъ просили назначить время для свиданія, чтобы начать вести переговоры, но когда посланники назначили имъ утро 31-го іюля, то министры не явились, а прислали новаго чиновника, который

передалъ письмо съ заявленіемъ, что такъ какъ европейцы наканунѣ весь день стрѣляли и убили одного китайскаго офицера и 26 солдатъ, то министры не могутъ быть для разговоровъ, опасаясь быть убитыми. Многіе были возмущены подобнымъ отношеніемъ китайскихъ министровъ, но всѣ твердо вѣрили теперь въ скорый приходъ нашихъ войскъ и озабочены были вопросомъ, какъ бы яснѣе указать европейскимъ войскамъ наше пребываніе. Для этой цѣли рѣшено было поднять на стѣнѣ въ предѣлахъ американо-русскихъ баррикадъ флаги: на одной крайней баррикадѣ американскій флагъ, а на другой крайней баррикадѣ русскій флагъ. Американцы особенно были оживлены, и нервы ихъ возбуждены. Они гордились тѣмъ, что на стѣнѣ будутъ подняты только ихъ флагъ да русскій и негодовали на возможность того, что и другія націи могутъ водрузить свои флаги. Съ утра 31-го іюля на высокихъ мачтахъ были подняты на стѣнѣ и стали гордо развѣваться русскій флагъ и американскій. У всѣхъ настроеніе приподнятое, всѣ ожидаютъ рѣшающихъ нашу судьбу событій со дня на день. Большинство было склонно ожидать прихода войскъ на первое августа. Американцы оживленно бесѣдуютъ о возможныхъ послѣдствіяхъ всего совершающагося для Китая, принимаютъ участіе въ предположеніяхъ и наши матросы. Во время этихъ разговоровъ входитъ на

стѣну французскій секретарь Берто и водружаетъ среди нашихъ флаговъ и флагъ французскій. Слѣдомъ за нимъ приходятъ англичане и водружаютъ мачту со своимъ флагомъ. Такимъ образомъ на стѣнѣ развѣваются четыре флага къ великому негодованію американцевъ, считающихъ стѣну только своей да русской. «Французы ни разу не были ни при взятіи, ни при оборонѣ стѣны, англичане были всего нѣсколько дней, а затѣмъ отказались приходить. Какое они имѣютъ право на нашу стѣну, какое они имѣютъ право ставить свои флаги?» говорили они. Единодушное утѣшеніе, да и то не надолго послала американцамъ судьба: дѣло въ томъ, что вѣтромъ сбило англійскую мачту, и англійскій флагъ свалился на землю и долго пролежалъ такъ, пока англичане не узнали объ этомъ и не пришли его снова поднять и укрѣпить.

VII.

Первые вѣстники нашего освобожденія. — Кто были «черные казаки?». — Казакъ Пичуевъ, принявшій по ошибкѣ стрихнинъ.—Письма генераловъ о движеніи на Пекинъ.—Дун-фу-сянскій солдатъ.—Послѣднія нападенія китайцевъ на посольства.—Утро 1-го августа и штурмъ воротъ Пекина.—Бѣгство китайскихъ солдатъ.—Индусы входятъ въ Пекинъ.—Встрѣча ихъ въ посольствѣ и первая жертва.—Входятъ войска.—Погребеніе павшихъ при штурмѣ русскихъ.—Великія могилы.—Не тревожьте ихъ!

Нервно возбужденные, долго не могли нѣкоторые изъ насъ уснуть въ ночь съ 31-го іюля на первое августа. Но вотъ въ два часа пополуночи съ понедѣльника на вторникъ 1-го августа мы услышали за стѣнами города, на разстояніи семи — восьми верстъ отдаленную, но звучно раскатистую въ ночной тишинѣ, равномѣрную трескотню пулеметовъ, какъ попросту называются скорострѣльныя пушки Максима, выбрасывающія въ одну минуту 450—

500 пуль. Когда затихали пулеметы, то до насъ ясно доносилась пушечная пальба. На этотъ разъ не было сомнѣнія, что это европейскія войска подошли къ воротамъ Пекина, и наша мечта, наша надежда на спасеніе, которую мы лелѣяли и въ которой въ концѣ осады уже разочаровались, дойдя почти до полнаго отчаянія, становилась дѣйствительностью. Мы ожидали прихода войскъ, такъ какъ 28-го іюля получено было письмо отъ англійскаго генерала Гезели (Gaselee) и японскаго генерала Фукушима (Fukuchima), начальниковъ идущихъ на освобожденіе Пекина отрядовъ. Сношенія осажденнаго Пекина съ освобожденнымъ Тянь-цзиномъ были чрезвычайно трудны, и изъ добровольцевъ-китайцевъ, вызывавшихся доставить письма, многіе поплатились головами, попавъ въ руки китайцевъ-солдатъ, плотной цѣпью охранявшихъ ворота и не впускавшихъ никого въ городъ и не выпускавшихъ изъ него, если люди имъ казались подозрительными. Тѣмъ не менѣе нѣкоторымъ смѣльчакамъ удавалось пробираться и доставлять свѣдѣнія о нашемъ грустномъ положеніи начальникамъ союзныхъ отрядовъ. Такими посланцами вызывались всегда добровольцы христіане-китайцы, которыхъ въ темную ночь спускали на веревкѣ съ городской стѣны, часть которой находилась въ рукахъ американцевъ и русскихъ; въ костюмѣ нищаго или ра-

бочаго кули успѣвали они за ночь проползти и прокрасться черезъ опасныя городскія улицы, минуя городскія ворота и китайскую стражу. Къ разсвѣту они уже были далеко отъ Пекина и, не вызывая подозрѣнія, шли своимъ путемъ, выполняя взятую на себя роль. Послѣднимъ посланцемъ вызвался быть китаецъ-протестантъ, который былъ посланъ американскимъ миссіонеромъ M. Tewkbsbury и японцемъ M-r Sugi, преподавателемъ японскаго языка въ высшей китайской школѣ иностранныхъ наукъ въ Пекинѣ, извѣстной подъ именемъ Тунъ-вень-гуань. Посланецъ-китаецъ за обѣщанное ему вознагражденіе въ 500 долларовъ (рублей) обязывался дойти до японскаго и англійскаго генераловъ, передать имъ письма и принести отъ нихъ отвѣты. Спущенный ночью со стѣны по веревкѣ американцами, онъ благополучно добрался до города Тунчжоу, находящагося въ 22-хъ верстахъ отъ Пекина. Здѣсь жило его семейство, котораго онъ, однако, не нашелъ, такъ какъ онъ узналъ, что вся его семья была вырѣзана боксерами. Переночевавъ въ Тунчжоу, онъ отправился дальше вдоль рѣки по направленію къ Тянь-цзину и въ скоромъ времени встрѣтилъ по рѣкѣ Пейхо цѣлую флотилію баржей и джонокъ, на которыхъ находилось много раненыхъ китайскихъ солдатъ и много остатковъ разбитаго китайскаго войска, безпорядочно спасавшагося послѣ битвы при

Гангъ-хэ. Спрятавшись въ высокомъ гауленанѣ и наблюдая проплывшую мимо себя флотилію, онъ, по минованіи опасности, вышелъ изъ своего убѣжища и пошелъ дальше. У селенія Цзайцзунъ онъ встрѣтилъ авангардъ союзныхъ войскъ—какихъ; онъ не знаетъ, но здѣсь ему сказали, что европейскія войска спѣшно идутъ двумя колоннами на освобожденіе Пекина. На всѣ наши вопросы о національности встрѣченнаго имъ авангарда, китаецъ отвѣчалъ только одно: «Я видѣлъ много черныхъ казаковъ на коняхъ, а въ рукахъ у этихъ казаковъ были копья». При отрядѣ этомъ онъ видѣлъ много скота, проводниками котораго были отчасти китайцы, но главнымъ образомъ было много японцевъ. Проводникъ отъ авангарда довелъ китайца къ главному отряду, въ которомъ его доставили къ вышеназваннымъ генераламъ, отъ которыхъ онъ и принесъ письма.

Прибытіе посланца благополучно обратно подняло всѣхъ европейцевъ на ноги, и прежде чѣмъ были вывѣшены полученныя письма въ англійскомъ посольствѣ, на мѣстѣ, спеціально отведенномъ для вывѣшиванія сообщеній во всеобщее свѣдѣніе о всѣхъ текущихъ событіяхъ дня, разсказъ о принесенномъ извѣстіи передавался уже повсюду изъ устъ въ уста. Всѣ поздравляли другъ-друга, уныніе смѣнилось надеждой, рѣчь оживилась, можно было услышать веселый женскій

смѣхъ. Вѣстника радостнаго извѣстія, помимо условленнаго вознагражденія въ 500 долларовъ, наградили солидной суммой, добровольно собранной среди европейцевъ, но всю эту сумму до тысячи долларовъ онъ отдалъ въ руки американскаго миссіонера въ пользу христіанъ-китайцевъ, нужды которыхъ къ этому времени достигли высокой степени.

Въ принесенномъ извѣстіи смутило насъ только сообщеніе о черныхъ казакахъ. Между американцами, русскими и англичанами возникъ оживленный обмѣнъ мыслей. Первоначальное мнѣніе, что это русскіе казаки, скоро было оставлено, такъ какъ, во-первыхъ, наши забайкальскіе казаки не имѣютъ пикъ, а, во-вторыхъ, въ лѣтнее время и въ походѣ не носятъ своихъ черныхъ косматыхъ папахъ и черныхъ кафтановъ. Осталось такимъ образомъ два мнѣнія: американцы говорили, что это идетъ ихъ кавалерійскій полкъ, состоящій изъ мулатовъ, метисовъ и негровъ, имѣющихъ дѣйствительно не только смуглый цвѣтъ лица, но даже черный, и вооруженныхъ также пиками. Такая кавалерія была на Филиппинахъ и наводила ужасъ видомъ своимъ на туземное населеніе, разбѣгавшееся изъ своихъ деревень, завидѣвъ лишь приближеніе этого ужаснаго войска, которое населеніе искренно считало людоѣдами, хватающими дѣтей и пожирающими ихъ.

Англичане говорили, что это идетъ ихъ Бенгальскій уланскій полкъ индусовъ изъ Индіи, которые также на черныхъ коняхъ, чернолицы и вооружены пиками. Американцы-солдаты оставались при своемъ мнѣніи и, бесѣдуя съ русскими, съ которыми за все время осады американцы дѣлили всѣ опасности и невзгоды и сдружились съ нами, завели рѣчь о преимуществахъ американскихъ казаковъ, какъ страшнаго войска, передъ русскими, которыхъ населеніе не боится, какъ людоѣдовъ. Разговоръ этотъ закончился дружнымъ смѣхомъ по поводу только-что благополучно окончившагося случая съ однимъ изъ русскихъ казаковъ. Выслушавъ похвалы американцевъ дикости и лютости своихъ казаковъ-людоѣдовъ, одинъ изъ русскихъ, участвовавшихъ въ разговорѣ, спросилъ американцевъ: «а что, ваши казаки могутъ ѣсть стрихнинъ безъ всякаго вреда для своего здоровья, стрихнинъ, отъ котораго умираютъ даже волки? Наши казаки ѣдятъ». Американецъ серьезно взглянулъ на русскаго и, отвѣтивъ «no, sir», сплюнулъ на сторону свою жвачку табаку и прекратилъ разговоръ о качествахъ своихъ чернокожихъ казаковъ. Напоминаніе о стрихнинѣ имѣло громадное значеніе, такъ какъ за нѣсколько дней передъ этимъ одинъ изъ русскихъ казаковъ, по происхожденію бурятъ, по ошибкѣ, вмѣсто хинина, взялъ щепотку стрихнина и преспокойно

съѣлъ его, запивъ водой. Произошелъ этотъ случай благодаря слѣдующимъ обстоятельствамъ. Когда китайцы стали жечь все вокругъ посольствъ и сожгли всѣ зданія вокругъ русскаго посольства, угрожая магазину Имбека, находившемуся какъ-разъ напротивъ посольства, то владѣлецъ магазина оставилъ его и предложилъ русскимъ брать всѣ запасы и всѣ товары изъ его магазина безплатно, такъ какъ все равно нѣтъ надежды на сохраненіе магазина. Самъ Имбекъ ушелъ въ англійское посольство и оставилъ свой магазинъ на произволъ судьбы. Тогда отправлены были матросы и казаки, которые, сколько было возможно, вынесли ящики консервовъ, винъ, бисквитовъ, сластей, минеральныхъ водъ, пива, папиросъ, разныхъ напитковъ, а также музыкальные ящики, велосипеды и между прочимъ вынесли изъ шкафовъ различные духи, одеколонъ, а также банки съ содой, бертолетовой солью, таниномъ, хининомъ, камфорнымъ спиртомъ, стрихниномъ и пр., и пр. Благодаря Имбеку у насъ и у американцевъ, жившихъ только черезъ улицу другъ противъ друга съ утра уже играли музыкальные ящики мотивы изъ оперъ, китайскія мелодіи и разныя бравурныя аріи. Американцы, какъ люди болѣе практичные, взяли себѣ запасы кофе, коньяку, сигаръ и т. д. Началось пиршество во всю: съ утра наши матросы и казаки ѣли консервы изъ

ананасовъ, персиковъ, абрикосовъ, запивая винами и ликерами, заѣдая бисквитами. Цѣлые дни пилось и лилось аполлинарисъ, виши и даже гуніади-яносъ, которая, однако, по горечи своей никому не понравилась. Короче сказать, первые три дня матросы не завтракали и не обѣдали и съѣли два ящика изюму, финиковъ, а фруктовыхъ консервовъ безъ счету. Въ результатѣ всего этого получился рядъ разстройствъ желудка. Хотя и сказано было мною матросамъ относительно осторожности и умѣренности въ потребленіи добытыхъ запасовъ, но убѣжденіе, что черезъ четыре—пять дней придутъ наши войска, было такъ велико, что никто и слушать не хотѣлъ ни объ осторожности, ни объ умѣренности.

Покончивъ съ крупными запасами, матросы стали разбирать добытую мелочь, и какъ-разъ я пришелъ къ нимъ во время разбора этой мелочи и увидалъ груду медикаментовъ и стрихнинъ въ баночкахъ. Разсматривая стрихнинъ, они дѣлали свои предположенія о свойствѣ неизвѣстнаго имъ порошка. Одни говорили, что это, должно быть, зубной порошокъ и предполагали пустить его, какъ таковой, въ дѣйствіе, другіе шли дальше и предполагали, что это шипучій порошокъ, который господа употребляютъ, и что надо его испробовать. Разъяснивъ дѣйствительность и разсказавъ, насколько велико и

сильно дѣйствіе стрихнина, какъ яда, я позвалъ фельдшера и фельдфебеля и приказалъ имъ немедленно убрать всѣ ядовитыя средства и уничтожить. Но казаки, какъ обитатели сибирской тайги, гдѣ приходится имъ вести борьбу съ волками и иными звѣрями, были обрадованы, что имъ попало въ руки такое цѣнное средство, которымъ они могли травить своихъ таежныхъ враговъ, и припрятали стрихнинъ къ себѣ въ сундучки. Многіе изъ нихъ, знакомые съ примѣненіемъ хинина, припрятали и таковой также на ряду со стрихниномъ, Казакъ Пичуевъ, заболѣвшій лихорадкой и получившій должную дозу хинина, желалъ скорѣе выздоровѣть и рѣшилъ, что даваемаго ему хинина мало, почему и пожелалъ добавить изъ своей баночки, но вмѣсто хинина взялъ щепотку стрихнина. Принявъ стрихнинъ, онъ полѣзъ на лѣстницу къ своему отверстію, пробитому въ каменной стѣнѣ конюшни, изъ котораго наблюдали за появленіемъ китайцевъ на противоположной баррикадѣ, и при первомъ же появленіи китайской головы, вылѣзавшей наблюдать за дѣйствіями русскихъ, грохоталъ выстрѣлъ, и косастая голова китайца валилась обратно, пробитая пулей. Бывшіе у насъ въ посольствѣ 7 человѣкъ казаковъ, составлявшихъ постоянную охрану посольства, всѣ выдались какъ замѣчательные стрѣлки и охотники; они просиживали, не шевелясь, цѣлыми

днями, выслѣживая китайца, словно они выслѣживали въ тайгѣ звѣря и не было у нихъ большей радости, если выдавался такой счастливый день, что удавалось имъ сбить по два, по три «кокоса», какъ стали называть китайскія головы. Такъ и Пичуевъ влѣзъ по лѣстницѣ къ своей бойницѣ, но тотчасъ же свалился оттуда внизъ и съ нимъ начались судороги. Немедленно меня извѣстили, и я, узнавъ въ чемъ дѣло, далъ ему противоядія. По счастію, послѣ принятаго лекарства, его тотчасъ вырвало густою массою; тѣмъ не менѣе судороги продолжались и съ большимъ трудомъ, предварительно захлороформировавъ, приступлено было къ промыванію желудка. Весь день Пичуевъ пролежалъ подъ хлороформомъ; къ вечеру положеніе его было очень тяжелое, но судороги прекратились, онъ узнавалъ меня и даже проглотилъ свободно данныя мною ему нѣсколько ложечекъ воды безъ появленія судорогъ. Ночь провелъ почти безъ сознанія, но утромъ, когда я пришелъ къ нему въ 8 часовъ, то нашелъ его сидящимъ на кровати и просившимся идти домой изъ госпиталя. Самочувствіе было хорошее, но тѣмъ не менѣе этотъ день я оставилъ его пробыть въ госпиталѣ, который помѣщался въ англійскомъ посольствѣ. Всѣ больные и здоровые европейцы были чрезвычайно заинтересованы этимъ событіемъ, всѣ были заинтересованы русскимъ казакомъ, на котораго даже

стрихнинъ не дѣйствуетъ, всѣ желали его видѣть. Короче сказать, скромный казакъ Пичуевъ сдѣлался героемъ дня. На другой день Пичуевъ былъ выписанъ, но, по просьбѣ остальныхъ больныхъ, прошелъ по палатамъ, и всѣ могли видѣть, что это дѣйствительно живой русскій казакъ, что это фактъ, а не вымыселъ. Придя домой, тѣмъ не менѣе Пичуевъ нѣсколько дней совѣстился показываться, опасаясь насмѣшекъ, и прятался въ своей каморкѣ, но мало-по-малу все вошло въ колею, и пріемъ стрихнина прошелъ безслѣдно, создавъ лишь для русскаго казака еще новую славу могущаго безвредно принимать стрихнинъ, обладая желѣзнымъ желудкомъ... Но вотъ слухи о письмахъ подтвердились: принесли къ намъ изъ англійскаго посольства копіи съ полученныхъ писемъ. Генералъ Gaselee писалъ слѣдующее: Gaselee. Tzai-Tzung, 26-го іюля. 8 Aug. Strong troops of allies advancing twice defeated enemy. Keep, up your spirits». (Многочисленныя союзныя войска разбили непріятеля. Мужайтесь!»). Отъ японскаго генерала было получено слѣдующее письмо: «Fukushima. Camp at Chang Chang 2 klm of Nan Tzai-Tzung, 8 Aug». Japanese and american troops defeated the enemy at this inst near Peatsan and occupeet Jang Tsun on the 6 th. The allied forses of american, british and russians left Jang-Tzun thsï morning and while marching north. I received

your letter at 8 th. at village, called Jan-Tzai-Tsung. It is very gratulying to learn from your letter that the foreign community at Peking are holding in and belowe mê it is the earnest and unanimous desire of the Liet. General and all of us to arrive at Peking as soon as possible and deliver you from your periculous position. Unless some inforceen event takes place the allied forces will be at Hosivou on the 9 th, at Matou on 10 th; Chang-Chang-wan 11, Tungchow 12, and probable date arrive at Peking 13 or 14». (Фукушима. Лагерь при Чанъ-Чангѣ въ двухъ километрахъ отъ Нанъ-цзай-цзунгъ, 26-го іюля (8-го августа). Японскія и американскія войска разбили непріятеля вблизи Пицзана и заняли Янцзунъ. Союзныя войска американскія, англійскія и русскія вышли сегодня утромъ изъ Янцзуна и пошли на сѣверъ. Я получилъ ваше письмо въ селеніи, называемомъ Ян-цзе-цзунъ. Очень было отрадно узнать о томъ, что европейскія общины въ Пекинѣ держатся, и повѣрьте, что самое искреннее желаніе генералъ-лейтенанта и всѣхъ насъ прибыть въ Пекинъ возможно скорѣе и освободить васъ изъ вашего опаснаго положенія. Если не произойдетъ чего-либо непредвидѣннаго, то союзныя войска прибудутъ въ Хо-ши-ву 9-го августа (новый стиль), въ Матоу 10-го, въ Чангъ-чангъ-ванъ 11-го, Тунчжоу 12-го и, вѣроятно, въ Пекинъ 13-го или 14-го августа).

Письмо генерала Гезели и особенно сердечное письмо генерала Фукушима не оставляли сомнѣнія, что избавители наши близко, и всѣ опасенія наши были лишь въ томъ, что китайцы въ послѣдній день соберутся съ силами и задавятъ насъ, если, спасаясь отъ европейскихъ войскъ, бросятся на Пекинъ. Все-таки открытаго нападенія мы боялись мало, зная характеръ китайцевъ, никогда не принимающихъ открытаго боя, но мы, главнымъ образомъ, боялись веденныхъ ими подкоповъ и возможности взрыва. Давно уже мы слышали подземные стуки и замѣчали, что идетъ какая-то работа, но прослѣдить эту работу, при нашемъ малолюдствѣ, мы были не въ состояніи. Поддерживало насъ сознаніе, что враги наши были китайцы, которые не цѣнятъ времени и никогда не торопятся. Сколько разъ мы имѣли случай убѣдиться въ этой чертѣ китайскаго характера! Итакъ, письма дали намъ основаніе ожидать прихода войскъ. За время осады мы много передумали о возможности нашего избавленія войсками той или иной націи и въ концѣ-концовъ остановились на одномъ: если насъ кто спасетъ, то только японцы. Японцы всегда были въ курсѣ дѣла, они сумѣли даже въ Пекинѣ быть въ курсѣ всего того, что дѣлалось за Пекиномъ, и неутомимый, энергичный ихъ полковникъ Шиба, начальникъ десанта, державшій и шагъ за шагомъ грудью отстаивав-

шій самую опасную и отвѣтственную позицію въ саду Су-ванъ-фу, сумѣлъ организовать полученіе свѣдѣній о движеніи войскъ союзниковъ, которыя доставлялъ ему китайскій солдатъ. Правда, свѣдѣнія эти бывали иногда несомнѣнно вымышленны; но часто они бывали вѣроятны, а, главное, они поддерживали насъ, такъ какъ все-таки мы не были въ конецъ разобщены съ внѣшнимъ, застѣннымъ міромъ. Китайскій солдатъ приносилъ извѣстія о движеніи европейскихъ войскъ, о событіяхъ во внутренней жизни пекинскаго правительства и получалъ за каждое сообщеніе 15—20 долларовъ. Если только онъ остался живъ, то, несомнѣнно, составилъ себѣ порядочный капиталъ.

Англичане получили много письменныхъ извѣстій отъ частныхъ лицъ изъ Тянь-цзина, въ которыхъ сообщалось о текущихъ событіяхъ въ Тянь-цзинѣ, о приходѣ и высадкѣ войскъ и предполагаемомъ выступленіи этихъ войскъ на освобожденіе Пекина. Увы, всѣ эти свѣдѣнія оказывались лишь добрыми желаніями писавшихъ, такъ какъ самыя войска все оставались въ Тянь-цзинѣ и предоставляли насъ самимъ себѣ. Въ такое-то время къ полковнику Шиба сталъ ходить китайскій солдатъ и доставлялъ свѣдѣнія очень вѣроподобныя и толково составленныя, въ которыхъ, подтверждая содержаніе писемъ, разсказывалъ о движеніи

европейскихъ войскъ, объ одержанныхъ ими побѣдахъ надъ китайцами, о дневкахъ, о взятіи тѣхъ или иныхъ мѣстностей, а разъ сообщилъ, что европейскія войска разбиты и снова отступили къ Тянь-цзину. Послѣ этого сообщенія онъ нѣсколько дней не показывался, а въ эти-то дни получено было письмо, что войска взяли Пейцзанъ въ 15-ти верстахъ отъ Тянь-цзина и дальше не идутъ, остановившись здѣсь лагеремъ, выжидая подкрѣпленій и дальнѣйшихъ распоряженій. Такимъ образомъ сообщенія солдата-китайца оказались ложными, а мы такъ имъ вѣрили, или, лучше сказать, хотѣли вѣрить! Въ день полученія писемъ отъ генераловъ китайскій солдатъ снова пришелъ утромъ къ полковнику Шиба и, на упрекъ послѣдняго о ложности сообщеній, признался, что дѣйствительно говорилъ ложь, которую приказывали ему говорить посылавшіе его китайскіе начальники, но что теперь онъ будетъ говорить отъ себя и будетъ говорить только правду. На этотъ разъ онъ дѣйствительно сказалъ все о движеніи европейскихъ войскъ, что потомъ узнали мы вечеромъ изъ полученныхъ писемъ. Сообщенія китайскаго солдата, сходившіяся всегда болѣе или менѣе съ получаемыми въ англійскомъ посольствѣ свѣдѣніями изъ писемъ, подтвердили убѣжденіе многихъ, что и среди китайцевъ-христіанъ, укрывшихся подъ защиту

европейцевъ, есть шпіоны, имѣющіе сношенія съ китайцами. Китайскій солдатъ былъ лишь остроумнымъ эхомъ того, что получалось и было извѣстно европейцамъ. Послѣднее его сообщеніе также подтвердило, что солдаты узнали отъ китайцевъ разсказъ возвратившагося посланца ранѣе, нежели самъ посланецъ дошелъ до англійскаго посольства. Сообщивъ свѣдѣнія о движеніи европейскихъ отрядовъ, китаецъ-солдатъ, предвидя дальнѣйшія событія, прибавилъ: «Теперь вы будете жить, а мы погибать» и тутъ же предложилъ купить свое манлихеровское ружье за 20 долларовъ и 200 патроновъ по 10 долларовъ за сотню, что́ съ удовольствіемъ было исполнено. Это было послѣднее посѣщеніе солдата-китайца и болѣе онъ не показывался. Дни 29-го, 30-го и 31-го іюля провели мы въ томительномъ и напряженномъ состояніи: по всей линіи нашихъ укрѣпленій и на всѣ посольства, но на англійское, французское и русское въ особенности, китайцы дѣлали нападенія по ночамъ, стрѣляя усиленно и днемъ. Было повтореніе, хотя и значительно слабѣе, первыхъ дней осады. Нападеніе съ вечера 31-го іюля было особенно жаркое на англичанъ и длилось съ 8-ми часовъ вечера до 12-ти часовъ ночи. За стѣнами посольства слышны были съ постовъ англичанамъ воинственныя рѣчи боксеровъ, призывавшихъ идти на приступъ, ободрявшихъ робкихъ

бойцовъ тѣмъ, что европейскихъ солдатъ немного и всѣхъ ихъ перебить ничего не стоитъ, но рѣчи боксеровъ не вызвали огня въ трусливыхъ душонкахъ китайскаго сброда и солдатъ, которые ограничились лишь криками «ша» (смерть, убей) да учащенной ружейной стрѣльбою. Передъ разсвѣтомъ китайская атака прекратилась. Какъ только разсвѣло, часа въ четыре, пошелъ, я на стѣну, и передъ глазами развернулась картина, которая останется памятной на всю жизнь: на безоблачной синевѣ неба, по которой расходились яркіе лучи только-что взошедшаго солнца, летали въ разныхъ направленіяхъ дымящіеся шары, падавшіе въ одно мѣсто, а именно въ юго-восточный уголъ городской китайской стѣны съ построенной на ней высокой башней. Это шрапнели и гранаты обстрѣливали стѣну, это былъ разгаръ штурма городскихъ воротъ. Въ бинокль видно было, какъ задымилась крыша башни, видно было, какъ отлетали отъ нея большіе обломки, сбиваемые снарядами. Въ 7—8 верстахъ шло истребленіе людей, лилась кровь, отрывало ноги, руки, разрывало на части туловище, сносило или раздробляло на куски голову, а здѣсь надъ нами, наблюдавшими лишь воздушную картину отдаленнаго боя, мирно раскинулся чудный голубой небосклонъ, утренній свѣжій вѣтерокъ ласкалъ своимъ легкимъ дуновеніемъ лицо, на горизонтѣ стояли покрытыя го-

лубой дымкой горы; все полно было мира, покоя. Но сердце наше трепетало, глазъ, не отрываясь отъ бинокля, слѣдилъ за падающими клубками, ухо жадно хотѣло уловить всѣ звуки борьбы, отъ которой доносились лишь густые удары пушечныхъ выстрѣловъ. Сойдя внизъ въ посольство, за общимъ чаемъ мы убѣжденно высказались, что сегодня, 1-го августа, войска непремѣнно войдутъ въ Пекинъ и искренно желали одного, чтобы это были русскія войска... Между тѣмъ китайцы, сдавившіе насъ со всѣхъ сторонъ кольцомъ каменныхъ баррикадъ, видимо, потеряли всякую энергію и всякую вѣру. Часовые приходили и докладывали, что изъ прилегающихъ къ китайскимъ баррикадамъ храмовъ, бывшихъ мѣстомъ расположенія солдатъ, выходятъ и выѣзжаютъ спѣшно солдаты и въ своей амуниціи, и совершенно полуголые, подобно кули, которые нагружаютъ телѣги мѣшками и разнымъ скарбомъ. Изъ нѣкоторыхъ становищъ было настолько поспѣшное бѣгство, что выбиваемые ружейными выстрѣлами со стѣны нашими матросами, убѣгавшіе не обращали никакого вниманія на падавшихъ убитыхъ и раненыхъ и поспѣшно уходили и убѣгали. Съ китайскихъ баррикадъ выстрѣлы по насъ хотя и продолжались, но единичными фанатиками, засѣвшими въ разрушенныхъ домахъ и выпускавшими заряды все по одному и тому же направленію, нисколько не

смущаясь, что пули ихъ попадали только въ стѣну. Въ томительномъ ожиданіи тянулся день 1-го августа. Всѣ были возбуждены, всѣ были насторожѣ...

Вдругъ въ два часа пополудни бѣжитъ изъ американскаго посольства юноша Фарго Скваирсъ, сынъ секретаря посольства, и кричитъ: «Нѣмцы идутъ по каналу»! Мы тотчасъ же побѣжали на стѣну и дѣйствительно увидали одного за другимъ идущими вдоль канала между городской стѣной и китайскимъ городомъ, смуглолицыхъ, статныхъ, высокихъ, красивыхъ, въ чалмахъ на головѣ, одѣтыхъ въ коричневаго цвѣта амуницію индусовъ, улановъ Бенгальскаго полка, о которомъ говорили англичане. Ихъ велъ, видимо, хорошо знающій мѣстность проводникъ. Пройдя черезъ каналъ по сухому дну и проходя по дну канала подъ городскую стѣну, индусы входили въ Посольскую улицу. Со стѣны мы ихъ встрѣтили радостными, дружными «ура!» русскихъ и американцевъ и слышали отъ нихъ снизу тотъ же сердечный привѣтъ.

Путь ихъ лежалъ черезъ русское посольство въ англійское. Быстро спустившись со стѣны, мы встрѣтили ихъ, усталыхъ и запыленныхъ, входящими въ ворота. Радостно они пожимали намъ руки, мы давали имъ воду, предлагали чай. Въ русскомъ посольствѣ встрѣтилъ

ихъ и англійскій посланникъ сэръ Клодъ Макдональдъ, тотчасъ же пришедшій, какъ только принесъ ему извѣстіе молодой Скваирсъ. Русскія женщины, бывшія въ англійскомъ посольствѣ, были убѣждены, что первыми войдутъ русскіе и готовили имъ самую сердечную, родственную встрѣчу, но и при видѣ входившихъ индусовъ чувство радости было такъ велико, что многія плакали, пожимали входившимъ руки, а мужчины встрѣчали ихъ радостными криками «ура!» Произошелъ при этомъ очень прискорбный случай: чтобы попасть въ англійское посольство, надо пройти было черезъ русское, пройти по узенькой китайской уличкѣ, забаррикадированной нами съ обоихъ концовъ отъ китайскихъ нападеній, пройти рядъ разрушенныхъ китайскихъ домовъ и войти во дворъ англійской миссіи. Здѣсь, въ одномъ его углу, находилось обширное, выросшее за время осады англійское кладбище, съ бѣлыми крестами, поставленными надъ каждой могилой. Войдя въ этотъ дворъ и увидя могилы, одинъ изъ индусовъ отшатнулся назадъ и сказалъ: «Нѣтъ, я дальше не пойду». Одинъ изъ русскихъ, вышедшій встрѣчать солдатъ, поддержалъ его, успокоилъ и провелъ во второй дворъ, гдѣ были всѣ жилыя помѣщенія и гдѣ останавливались пришедшіе индусы. Не прошло и получаса времени, какъ разнеслась вѣсть, что одинъ изъ индусовъ пошелъ осматри-

вать англійскую баррикаду и только высунулъ голову, чтобы взглянуть вдаль, какъ былъ убитъ нѣсколькими пулями, пущенными съ противоположной китайской баррикады. Оказалось, что это былъ тотъ самый индусъ, который, увидя могилы, такъ былъ ошеломленъ зрѣлищемъ смерти, что не захотѣлъ дальше идти. Одинъ за другимъ входили индусы, а въ четыре часа дня вошелъ пѣхотный американскій полкъ, который прошелъ въ американское посольство съ противоположной уже стороны города. Несмотря на то, что войска все входили и входили, изъ разныхъ концовъ города жужжали пролетавшія пули и одной изъ нихъ, бывшей уже на излетѣ, былъ раненъ голландскій посланникъ г. Кнобель, вышедшій также на мостъ вмѣстѣ съ дамами встрѣчать входившія войска. За пѣхотой стала входить англійская артиллерія, вкатывая громадныя пушки; прошелъ цѣлый караванъ маленькихъ муловъ, навьюченныхъ снарядами. Но вотъ забѣлѣлись русскія рубахи и бѣлыя шапки, и одинъ за другимъ выѣхали изъ-подъ моста на своихъ малорослыхъ косматыхъ лошадкахъ молодцы-казаки съ ихъ удалыми офицерами, оказавшими громадныя услуги европейскому населенію Тяньцзина за время осады. Въ 6 часовъ вечера прибылъ генеральный штабъ, который размѣстился въ посольствѣ, равно какъ и казаки съ офицерами, а затѣмъ прибылъ командующій русскимъ

отрядомъ ген.-лейт. Линевичъ. Мгновенно русское посольство зажило шумною, суетливой, многолюдной жизнью. Около 7 часовъ вечера заслышалась хоровая русская пѣсня,—это вошелъ 12-й Восточно-сибирскій полкъ и размѣстился биваками у стѣнъ города. Отъ прибывшихъ офицеровъ мы впервые услыхали подробности штурма воротъ Пекина, узнали, что было 23 человѣка убитыхъ и 105 раненыхъ и что тѣла убитыхъ доставятъ завтра, 2-го августа, для погребенія въ посольство. Раненые остались на перевязочномъ пунктѣ у воротъ Пекина, тамъ же оставались и убитые.

На другой день, 2-го августа, съ ранняго утра началась у насъ въ посольствѣ необычная для насъ военная жизнь; ржали кони, носили казаки фуражъ, пригнали стадо быковъ и коровъ, захваченное по пути, появились телѣги, обозныя двуколки, повсюду, гдѣ только былъ свободный уголъ, размѣстились офицеры. Въ другой части посольства, у церкви, подъ сѣнью кипарисовъ и сосенъ, гдѣ уже покоились убитые за время осады четверо матросовъ и семеро американцевъ, въ тишинѣ, вдалекѣ отъ шумной жизни, которая шла бокъ-о-бокъ, солдаты рыли двѣ глубокихъ братскихъ могилы, одну для убитыхъ офицеровъ, другую для убитыхъ нижнихъ чиновъ. За пять лѣтъ моего пребыванія въ Пекинѣ у насъ въ посольствѣ не было

ни одного покойника, а за время нашей осады, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, было семь смертей: четверо убитыхъ матросовъ, одинъ убитый студентъ Русско-китайскаго банка и двое умершихъ матросовъ отъ дизентеріи. Каждая могила была близка и родственна нашему сердцу, каждая могила говорила не только чувству, но и мысли. Вотъ первая жертва войны—Иванъ Антоновъ, молодой матросъ съ «Сисоя Великаго». Съ самаго прихода въ Пекинъ онъ все грустилъ, а послѣдніе дни былъ страшно тревоженъ и плакалъ, какъ говорили его ближайшіе товарищи. Предчувствіе томило его, и пуля разбила ему голову при нападеніи боксеровъ на русскую миссію, когда нѣкоторые отчаянные смѣльчаки влѣзли на стѣну посольства и со стѣны стрѣляли въ матросовъ, находившихся во дворѣ. Вотъ могила Егора Ильина, который лежалъ на посту на крышѣ, наблюдая за непріятелемъ. Дѣло было вечеромъ и началась сильная перестрѣлка съ «Монгольской площади», въ домахъ которой засѣли солдаты, китайскіе дун-фу-сянцы, вообще хорошіе стрѣлки и смѣлые, сравнительно, солдаты, по большей части окитаившіеся мусульмане изъ западныхъ провинцій Или и Кашгара. Дун-фу-сянцы открыли огонь по миссіи. Ильинъ отвѣтилъ два раза, но на третій разъ только онъ высунулъ голову, чтобы прицѣлиться, какъ грянулъ выстрѣлъ и пуля ударила ему въ правый

глазъ и, пробивъ насквозь черепъ, вышла черезъ затылокъ. Когда прибѣжали доложить мнѣ и я подъ градомъ свистѣвшихъ пуль побѣжалъ къ нему, то нашелъ его уже бездыханнымъ, съ едва замѣтнымъ, угасающимъ пульсомъ.

Вотъ могила американца Кеннеди; это былъ красавецъ въ полномъ смыслѣ слова, юноша съ благороднымъ выраженіемъ лица, скромный, одинъ изъ лучшихъ стрѣлковъ американскаго десанта. Кеннеди и русскій матросъ Небайкинъ сидѣли на стѣнѣ за баррикадой и слѣдили черезъ сдѣланныя въ баррикадѣ дыры за движеніями китайцевъ. Китаецъ - стрѣлокъ,— а изъ китайцевъ многіе превосходные стрѣлки, — замѣтилъ матроса, и когда Небайкинъ позвалъ Кеннеди и, указывая рукою черезъ отверстіе на китайскую баррикаду, сообщалъ имъ замѣченное, а Кеннеди сталъ смотрѣть въ отверстіе, то грянулъ выстрѣлъ, и пуля, разбивъ руку Небайкина, отскочила рикошетомъ въ високъ Кеннеди и положила его на мѣстѣ. Вотъ могила матроса Иванова, убитаго на стѣнѣ также въ голову на посту у баррикады. Вотъ послѣдняя жертва—Николай Арбатскій, смертельно раненый при кладкѣ баррикады въ русско-китайскомъ банкѣ. Въ этомъ же ряду могила американца-сержанта, лучшаго солдата въ отрядѣ американцевъ, человѣка лѣтъ за 50, рослаго, высокаго, красиваго, который участвовалъ

во многихъ битвахъ и сраженіяхъ и погибъ на стѣнѣ отъ шальной пули. Китайцы сдѣлали сильное нападеніе на американскую баррикаду, но были отбиты. Когда уже дѣло кончилось, стрѣльба прекратилась и сержантъ вышелъ изъ-подъ прикрытія, откуда-то прилетѣвшая пуля ударила его въ високъ, и онъ грохнулся на землю безъ звука, безъ стона. Умершіе отъ дизентеріи Корабельниковъ и Шемякинъ оба симпатичные матросы. Первый все время боролся съ болѣзнью, не хотѣлъ ей поддаваться, бравировалъ, но болѣзнь оказалась сильнѣе его, второй сразу поддался болѣзни, упалъ духомъ и безропотно погибъ. Великія могилы 6-ти русскихъ и 7-ми американцевъ, во-истину душу свою положившихъ за братій своихъ, во-истину защищавшихъ христіанскую вѣру и храмъ православный отъ оскорбленій и оскверненій язычниковъ-изувѣровъ, готовились принять къ себѣ достойныхъ по духу сподвижниковъ, пришедшихъ освободить насъ всѣхъ, истомившихся уже въ тяжелой осадѣ... Съ утра было тихо, но пасмурно; издалека доносилась ружейная пальба; американцы, японцы и французы брали ворота императорскаго города, дабы пройти ближайшимъ путемъ на освобожденіе католическаго французскаго храма Бейтангъ, въ которомъ, подъ охраной 30-ти французскихъ и 10-ти итальянскихъ солдатъ при одномъ офицерѣ, заперлось до двухъ тысячъ христіанъ-ки-

тайцевъ и нѣсколько десятковъ миссіонеровъ и сестеръ милосердія. Къ вечеру стрѣльба стихла, но день оставался такимъ же унылымъ и пасмурнымъ. Къ 7-ми часамъ вечера, ко времени, назначенному для погребенія, пошелъ мелкій дождь. Для отданія послѣднихъ почестей и послѣдняго прости, во дворѣ, передъ входомъ въ церковную ограду, выстроился 10-й Восточно-сибирскій полкъ съ хоромъ музыки. У церкви, на колокольнѣ, представляющей собою по архитектурѣ живописный китайскій павильонъ, у могилъ зажгли большіе фонари и факелы, угрюмо мерцавшіе посреди густого мрака; деревья бросали большія тѣни отъ длинныхъ своихъ вѣтвей. Было какъ-то жутко, торжественно, все облекалось въ таинственную, но суровую простоту смерти. Вышло духовенство въ облаченіи, ожидая печальную процессію. Въ отпѣваніи участвовалъ архимандритъ духовной миссіи въ Пекинѣ о. Иннокентій, іеромонахъ той же миссіи о. Авраамій, военный полковой священникъ и діаконъ миссіи о. Василій Скрижалинъ. Процессія входила во дворъ, раздались звуки гимна «Коль славенъ», раздались первые унылые звуки перезвона колоколовъ, и въ ограду церковную вступила процессія, оставившая неизгладимый слѣдъ въ душѣ всѣхъ, кто ее видѣлъ. Предшествуемые факелами возвышались несомые самодѣльные, изъ простыхъ деревянныхъ жердей сколоченные три креста,

за ними слѣдовали три гроба, несомые на плечахъ, въ которыхъ покоились останки убитаго полковника В. А. Антюкова, командира 10-го полка, капитана Винтера, умершаго отъ солнечнаго удара и убитаго при штурмѣ воротъ унтеръ-офицера, а затѣмъ слѣдовалъ рядъ одинъ за другимъ несомыхъ убитыхъ нижнихъ чиновъ, зашитыхъ въ холстины, завернутыхъ въ циновки и просто положенныхъ на носилки. У многихъ видны были окровавленныя, разбитыя снарядами лица и головы, окровавленныя покрывала, напитавшiяся кровью сокрытыхъ жертвъ войны, вызванной алчностью наживы, прикрывавшей подъ личиной интересовъ страны одно лицемѣрiе: алчность эта довела китайскiй народъ до отчаяннаго сопротивленiя, создавъ такое полное ненависти движенiе противъ европейцевъ. Вся обстановка похороннаго шествiя, эти самодѣльные деревянные кресты, мракъ съ мерцающими кое-гдѣ факелами и фонарями, тишина, множество окровавленныхъ убiенныхъ,—серьезное, глубоко прочувствованное душевное состоянiе собравшейся русской общины,—все уносило мысль въ даль первыхъ вѣковъ христiанства, вызывало въ памяти времена гоненiй, катакомбы, таинственное погребенiе замученныхъ жертвъ гонителей и мучителей христiанъ. Началось отпѣванiе. Въ русскомъ посольствѣ есть церковь во имя Срѣтенiя Господня, существующая болѣе 200 лѣтъ. За по-

слѣдніе два года изъ членовъ миссіи и русской колоніи образовался очень стройный хоръ, замѣнившій прежде пѣвшихъ китайцевъ. Всѣ послѣдніе наши убитые и умершіе отпѣвались при участіи пѣвчихъ, при чемъ отпѣваніе происходило у самой могилы и обычно сопровождалось жужжавшими пулями, пролетавшими надъ нашими головами, или съ сильнымъ щелканьемъ и стукомъ ударявшимися въ стѣны церкви или колокольни. На этотъ разъ была полная тишина, и только зарево пожара говорило, что гдѣ-то идетъ борьба. Среди этой тишины отчетливо выдѣлялись слова ектеніи, просящей объ упокоеніи душъ убіенныхъ воиновъ и о прощеніи имъ всѣхъ ихъ согрѣшеній вольныхъ и невольныхъ. Когда началось отпѣваніе, когда раздалось пѣніе высоко-поэтическихъ канововъ, созданныхъ чуткою душою Іоанна Дамаскина, слышно было, какъ у многихъ изъ пѣвчихъ дрожали голоса, какъ слезы подступали къ горлу. Да и у многихъ изъ насъ стѣсняло дыханіе, слезы благодарственныя за наше избавленіе, слезы любви, уваженія и вѣчной памяти къ этимъ великимъ могиламъ показывались на глазахъ. Да, мы пережили страшную жизненную бурю, воздвигнутую житейскимъ моремъ, мы вышли здравы и невредимы изъ великихъ напастей, мы входили снова въ обычную житейскую пристань... Окончилось отпѣваніе, возвысились два большихъ

земляныхъ могильныхъ холма, всѣ живые уже спокойно разошлись по домамъ, предавшись своимъ житейскимъ заботамъ, оставивъ мертвыхъ подъ сѣнью ихъ могильнаго покоя. Для русскаго человѣка, заброшеннаго на чужбину, храмъ Божій является великимъ утѣшеніемъ души. Какъ ясно подтвердилось это во время осады. Русскія семьи, очутившіяся среди чуждыхъ имъ условій жизни въ англійскомъ посольствѣ, находились съ перваго же дня своего пребыванія въ томъ тяжеломъ и, казалось, безвыходномъ положеніи, въ которомъ особенно чувствовалось лишеніе церковной службы, которую имѣли онѣ у себя въ обычное время каждое воскресенье. Спасенія для нихъ, казалось, не было, и чувствовалась потребность приготовиться къ смерти. По невозможности совершать службу въ посольской церкви, о. Авраамій отслужилъ въ русской колоніи обѣдницу. Какъ торжественно было его служеніе, какъ искренна была молитва готовившихся къ смерти подъ шумъ и грохотъ выстрѣловъ, какимъ единымъ стадомъ были всѣ колѣнопреклоненные во время пѣнія «Отче Нашъ» передъ старинною иконою св. Николая Чудотворца, принесенною двѣсти лѣтъ тому назадъ плѣнными казаками албазинцами въ Пекинъ и передъ которою было не мало совершено моленій въ прежнія тяжелыя годины! По окончаніи обѣдницы о. Авраамій запасными дарами причастилъ всѣхъ русскихъ въ англійской

миссіи и раненыхъ въ госпиталѣ. И такова сила молитвы: всѣ мятущіеся, всѣ страшившіеся смерти послѣ причастія совершенно успокоились и принялись за исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей, смѣло смотря въ глаза неизвѣстному будущему. Вслѣдствіе неимѣнія просфоръ не было возможности совершать литургію въ посольской церкви вплоть до 29 іюня, когда о. архимандритъ выучилъ китайца Луку приготовить просфоры. Это была первая обѣдня въ русскомъ посольствѣ за время отъ 4-го іюня. Церковь была попрежнему полна молящимися, попрежнему пѣлъ нашъ русскій хоръ, но какая рѣзкая представлялась во всемъ разница! Не было слышно звона колоколовъ, вся стѣна паперти установлена была винтовками, а церковь вмѣщала въ себѣ свободную отъ службы смѣну матросовъ и казаковъ съ перекинутыми черезъ плечо на ремняхъ кожаными сумками съ патронами, загорѣлыхъ, исхудалыхъ, въ порванной трудовой одеждѣ, съ приставшей къ ней землей, такъ какъ они пришли только что съ карауловъ. Съ какимъ неземнымъ величіемъ и какою непоколебимою защитой явилась въ этотъ моментъ чаша искупленія человѣка отъ смерти, вынесенная архимандритомъ для причащающихся! Съ какою твердою вѣрою подходили одинъ за другимъ къ чашѣ эти смотрящіе въ глаза смерти люди. Понималось ясно,

что только во время опасности крѣпнетъ вѣра и очищается сердце человѣка... Спустя нѣсколько дней послѣ погребенія убіенныхъ воиновъ пришлось мнѣ услышать мнѣніе, что неумѣстно оставлять кладбище въ стѣнахъ русскаго посольства, что въ ближайшемъ будущемъ всѣхъ здѣсь похороненныхъ перенесутъ на новое кладбище, которое будетъ устроено заботами духовной нашей миссіи. Какъ, неужели рѣшатся потревожить васъ, великія могилы? Неужели рѣшатся удалить вашъ прахъ изъ мѣста его упокоенія, пріобрѣтеннаго вами своею кровью? Неужели рѣшатся выселить вашъ прахъ изъ земли, которую вы запечатлѣли своею смертью, отдавъ намъ въ защиту вашу жизнь? Вы здѣсь защищали своею грудью нашу жизнь и жизнь близкихъ намъ, вы грудью своей защищали этотъ Божій храмъ отъ поруганія, и храмъ Божій пріютилъ васъ подъ своею сѣнью. Это мѣсто вы навѣки за собою закрѣпили и да не поднимется ничья рука нарушить вашъ покой. Въ храмѣ этомъ будутъ возноситься постоянно молитвы за васъ, убіенныхъ за нашу свободу; идя въ Божій храмъ, нельзя миновать ваши могильные холмы съ охраняющими ихъ крестами, и всегда найдется кто-нибудь, который, проходя мимо, вспомнитъ то великое дѣло, которое вы совершили и помянетъ васъ въ молитвахъ своихъ. Да охранитъ васъ церковь, которую вы защи-

щали, да охранитъ васъ крестъ святой, въ который враги наши стрѣляли изъ пушекъ, разбили половину крыши, но крестъ остался непоколебимъ.

Кому мѣшаютъ ваши могилы? Чей взоръ могутъ онѣ омрачить или смутить? Могилы заняли слишкомъ много мѣста, могилы лишили живущихъ здѣсь свободы движенія и прогулокъ, превративъ пустопорожнее мѣсто въ кладбище, могилы удручаютъ слабый духъ, напоминая о неминуемой смерти, прихода которой не только не желаютъ, но страшатся даже мысли о ней, ужасаются всякаго намека на нее, всякаго напоминанія... Все это смущеніе возможно облечь въ изящную форму, которая не устрашитъ ничьего духа, живущаго суетой этого міра. Кто мѣшаетъ всѣ кости убіенныхъ ради нашего освобожденія соединить здѣсь же въ одну общую братскую могилу, а надъ ней поставить изящный мраморный памятникъ, на которомъ на память потомству начертать имена всѣхъ, принесшихъ жизнь свою за наше избавленіе? Кто мѣшаетъ памятникъ этотъ окружить заботами и любовью, разбивъ вокругъ него клумбы съ цвѣтами, украсивъ эту смертную сѣнь красотою жизни и ея чудными дарами? Не удалять надо эти великія могилы, а надо приложить всѣ старанія, чтобы сохранить ихъ въ мѣстѣ ихъ упокоенія и сохранить о покоющихся въ этихъ могилахъ вѣчную память!

VIII.

Климатическія условія лѣта.—Русская молодежь по опредѣленію матросовъ.—Число европейцевъ и китайцевъ-христіанъ, бывшихъ въ Пекинѣ.—Числовой составъ десантовъ и количество убитыхъ и раненыхъ.—Почему китайцы не могли всѣхъ насъ уничтожить?—Трусъ ли китаецъ и способенъ ли онъ быть хорошимъ солдатомъ?—Движеніе европейскихъ отрядовъ на освобожденіе Пекина.—Ген.-лейт. Линевичъ нашъ освободитель.—Штурмъ пекинскихъ воротъ.—Свѣтлыя и темныя явленія русской жизни въ Пекинѣ.—Выходъ изъ Пекина.

Погода стояла сухая, жаркая, но знойные дни выдавались рѣдко.

Послѣ знойныхъ дней время-отъ-времени проносились ливни съ грозами, но всегда лишь въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и освѣжали воздухъ, да наполняли водой наши колодцы и цистерны. Въ водѣ мы никогда не нуждались. Кромѣ того, въ русскомъ посольствѣ была заполнена въ запасъ хорошей водою цистерна и былъ свой до-

вольно обильный водою колодецъ; въ англійскомъ посольствѣ были также цистерны и два колодца, изъ которыхъ вода въ одномъ была настолько мягка и вкусна, что употреблялась только для питья и для чая. Вообще питьевая вода въ Пекинѣ, добываемая исключительно только изъ колодцевъ, невысокаго качества, она жестка и солоновато-горьковата на вкусъ. Чай на дождевой водѣ составлялъ для насъ лакомство. Сильные ливни, которыхъ за все время лѣта было только три, служили для насъ не только отдыхомъ, но и развлеченіемъ. Одинъ изъ такихъ ливней разразился вечеромъ послѣ душнаго и жаркаго дня 9-го іюля,—дня, вообще памятнаго для насъ нѣкоторыми подробностями. Въ этотъ день впервые директоръ китайской таможни сэръ Робертъ Гартъ получилъ изъ цзунъли-ямыня письмо, въ которомъ справлялись о его здоровьи и здоровьи служащихъ таможни, а посланники получили извѣщеніе, что въ виду жаркаго времени былъ для нихъ посланъ ледъ, но что боксеры по пути напали на посланныхъ и отняли у нихъ подводы со льдомъ. Пожалѣли мы ледъ, но были утѣшены налетѣвшей грозой и ливнемъ. Хотя ливень шелъ всего два часа, но сила его была такова, что дворъ нашъ и улицы покрыты были сплошь водой, которая доходила въ иныхъ мѣстахъ до четверти аршина глубины. Нѣкоторые изъ европейцевъ были за-

стигнуты ливнемъ въ гостяхъ у нѣмцевъ и возвращались оттуда босикомъ, вѣроятно, въ первый разъ въ своей жизни, такъ какъ должны были беречь оставшуюся у нихъ на ногахъ единственную пару обуви. Посольская молодежь была настолько рада этому ливню, что рѣшила воспользоваться образовавшимися глубокими лужами и выкупаться въ нихъ, барахтаясь наподобіе молодыхъ тритоновъ.

Молодежи русской въ Пекинѣ было много, и первое время матросы наши, привыкшіе всегда и всему отводить извѣстное опредѣленное мѣсто, были смущены, не зная, подъ какую кого подвести рубрику. Но приглядѣвшись и ознакомившись съ характерами, они всѣхъ насъ раздѣлили на три группы. Насъ, чиновниковъ посольства, они назвали общимъ именемъ «вольные», наименованіе, которое матросы прилагаютъ ко всякому штатскому человѣку. Молодежь, служащую въ русско-китайскомъ банкѣ, они назвали «посадскими»,—терминъ хорошо извѣстный въ Кронштадтѣ и имѣющій свое опредѣленное значеніе; наконецъ, нѣсколько лицъ, которые жили въ Пекинѣ для изученія китайскаго языка, они назвали почему-то «европейцами». Мы много смѣялись такому раздѣленію по категоріямъ, но несомнѣнно наблюдательный умъ матросовъ подмѣтилъ въ насъ какія-то характерныя особенности, заставившія ихъ дать намъ эти клички.

Въ тяжелыя времена нашей жизни во время осады всегда выдавались какія-либо обстоятельства, которыя отвлекали хотя на время наше вниманіе отъ тревогъ и опасеній. Вѣдь почти три мѣсяца провели мы въ тягостно напряженномъ, нервномъ состояніи, не предвидя, чѣмъ оно можетъ окончиться. Нѣкоторые были въ самомъ началѣ смутъ глубоко убѣждены, что самое лучшее было бы всѣмъ русскимъ заблаговременно оставить Пекинъ, а главное, пока возможно, не подвергать опасностямъ и лишеніямъ женщинъ и дѣтей, для которыхъ дать надежный конвой до Тянь-цзиня, а оттуда отправить въ Японію. Многимъ изъ европейцевъ и ихъ семей удалось выѣхать изъ Пекина. Всѣ русскія семьи остались, а ихъ было большинство: женщинъ 10, а дѣтей въ возрастѣ отъ полутора года и до 16 было 9, и всѣ, за исключеніемъ одного только мальчика, дѣвочки.

Общее число перенесшихъ осаду въ Пекинѣ европейцевъ выразилось въ слѣдующихъ числахъ. Солдатъ всѣхъ десантовъ было 419 чел., офицеровъ 24. Въ англійскомъ посольствѣ, помѣщалось европейцевъ 414, изъ нихъ было мужчинъ 191, женщинъ 147, дѣтей 76. Русскихъ было, исключая десантъ, 46. Въ остальныхъ посольствахъ оставалось на жительствѣ человѣкъ 25, миссіонеровъ болѣе ста. Такимъ образомъ общее число европейцевъ въ Пекинѣ было 1009 ч.

Китайцевъ-христіанъ въ англійскомъ посольствѣ было 366, изъ нихъ было мужчинъ 190, женщинъ 107, дѣтей 69. Къ этому числу должно прибавить 1,900 человѣкъ обоего пола, укрывшихся въ Су-Ван-Фу и сосѣднемъ Чжан-Ши-Фу и около 1,700 укрывшихся въ храмѣ Бей-Тангъ. Всѣхъ спасенныхъ китайцевъ въ Пекинѣ было слѣдовательно 3,616 человѣкъ обоего пола. За время осады изъ солдатъ и офицеровъ было убито и умерло отъ ранъ 75 чел., а ранено 169. Офицеровъ было убито четверо: одинъ австрійскій, одинъ англичанинъ, два француза. По количеству убитыхъ и раненыхъ десанты распредѣлялись въ слѣдующемъ порядкѣ:

Число человѣкъ десанта.		Убито.	Ранено.
Русскихъ . . .	79	4	19
Англичанъ. . .	79	6	26
Французовъ . .	75	18	43
Американцевъ .	63	7	11
Нѣмцевъ. . . .	50	13	17
Австрійцевъ . .	30	4	11
Итальянцевъ. .	28	13	13
Японцевъ . . .	25+18	10	29
	419+18	75	169

У японцевъ, по счастливой случайности, оказалось въ Пекинѣ проживающими 18 человѣкъ, имѣющихъ военное образованіе, такъ что ихъ десантъ былъ усиленъ этой пріятной находкой и въ общемъ выразился въ 43 человѣка.

Изъ двухъ мѣсяцевъ настоящей осады самыми тяжелыми и полными неизвѣстности были для насъ первыя три недѣли, когда съ утра мы не знали, останемся ли живы къ вечеру, а встрѣчая ночь не знали, встрѣтимъ ли слѣдующее утро. Для насъ было несомнѣнно, что китайскія войска, особенно дун-фу-сянцы, могутъ раздавить насъ, но дун-фу-сянцы ни разу не сдѣлали на насъ открытаго нападенія и въ большинствѣ ушли скоро изъ Пекина. Оставались противъ насъ безоружные боксеры, толпы всякаго уличнаго сброда, дезертиры-солдаты и солдаты Чжунлу. Боксеры и сбродъ были для насъ не опасны, солдаты дун-фу-сянцы, засѣвшіе въ домахъ Монгольской площади, были немногочисленны, регулярныя китайскія войска, занявшія позиціи на стѣнѣ и у башенъ, держались оборонительно, но ни одного раза, если не считать дня 9-го іюня, не переходили въ наступленіе.

Раздумывая во время осады надъ нашимъ положеніемъ, я лично держался того мнѣнія, что если мы погибнемъ, то погибнемъ только отъ народныхъ массъ, но что давать насъ на истребленіе этимъ народнымъ массамъ съ боксерами во главѣ вовсе не входило въ намѣреніе китайскаго правительства, которое далеко не было такъ ослѣплено въ своей ненависти, чтобы не понимало всей страшной опасности, которой оно подвергало себя и всю страну. Мнѣ всегда ка-

залось, что китайское правительство ведетъ правильную съ своей точки зрѣнія игру. Политическое положеніе страны было крайне шаткое, положеніе самого правительства было крайне опасное, такъ какъ начавшееся движеніе боксеровъ угрожало гораздо больше манчжурской династіи и было направлено одинаково и противъ европейцевъ съ христіанами и миссіонерами, и противъ правительства. Не только боксеры, войска, но и старая китайская партія требовала обузданія алчности европейцевъ и укрощенія ихъ высокомѣрія, постоянно оскорблявшаго національное самолюбіе китайскаго народа. Правительство, должно отдать справедливость, долгое время колебалось. Долгое время оно вело двусмысленную политику, успокаивая европейцевъ и не предпринимая никакихъ серіозныхъ мѣръ противъ движенія боксеровъ. Лишь рѣдкими минутами находило на правительство просвѣтленіе, и тогда отдавались приказанія усмирить боксеровъ. Одно изъ такихъ приказаній, отданное умному генералу Не-Ши-Чену, было имъ блестяще исполнено: боксеры были жестоко разбиты. Но старая партія опять взяла верховенство, и умный генералъ впалъ въ немилость.

Чѣмъ бы закончилось движеніе боксеровъ, если бы взятіе фортовъ Таку сразу же не обострило отношеній и не отрѣзало всякіе пути къ мирному улаженію возникшихъ недоразумѣ-

ній? Несомнѣнно, китайское правительство было страшно возбуждено и раздражено взятіемъ фортовъ и не могло иначе на него смотрѣть, какъ на объявленіе войны и начало военныхъ дѣйствій. Прямое послѣдствіе этого раздраженія и выразилось въ ультиматумѣ цзунъ-ли-ямыня 6-го іюня объ оставленіи европейцами Пекина и открытіи 9-го іюня враждебныхъ дѣйствій со стороны китайскихъ войскъ. Старая партія взяла окончательный перевѣсъ въ правительствѣ, но верховенство этой партіи въ отношеніи европейцевъ проявлялось все-таки лишь въ томъ, что дана была полная свобода дѣйствій боксерамъ и всякому сброду, да поставлены войска, какъ наблюдательная сторожевая цѣпь вокругъ всѣхъ посольствъ и вокругъ всего Пекина. Всѣхъ своихъ регулярныхъ войскъ, бывшихъ въ Пекинѣ, правительство не пускаетъ въ дѣйствіе противъ европейцевъ, а держитъ ихъ только наготовѣ. Противъ кого? Да, возможно, что противъ тѣхъ же самыхъ боксеровъ и всякаго сброда, который, если бы могъ осилить европейцевъ, то навѣрно насъ не пощадилъ бы. Но погибель наша не входила въ планы китайскаго правительства, и тогда эти стоявшія наготовѣ войска явились бы нашими защитниками. Что регулярныя войска были въ Пекинѣ, кромѣ тѣхъ отрядовъ, которые занимали стѣну, это доказывается разсказомъ г. Пеліо, видѣвшаго ихъ

бивуаки на улицахъ, это доказывается и тѣми наблюденіями, который дѣлалъ со стѣны г. Врублевскій, и тѣми сообщеніями, которыя получались о приходѣ войскъ въ англійскомъ посольствѣ. Наконецъ, что правительство не имѣло намѣренія допустить насъ до истребленія, это доказывается всего лучше тѣми мирными попытками переговоровъ, въ которыя оно вступало. Чѣмъ же объясняется все-таки такая странная и лицемѣрная политика китайскаго правительства? Объясняется она прежде всего желаніемъ сохранить свою власть и направить движеніе боксеровъ не противъ династіи, а на поддержку династіи. Отсюда данная свобода дѣйствій боксерамъ противъ христіанъ-китайцевъ, отсюда признаніе ихъ патріотами. Къ чему же стремилось китайское правительство за время всей смуты. Оно стремилось, и это безусловно входило въ его планы, къ удаленію всѣхъ европейцевъ изъ Пекина. Удаленіе это, во-первыхъ, развязывало правительству руки въ улаженіи своихъ внутреннихъ дѣлъ, и, во-вторыхъ, снимало съ него всякую заботу и отвѣтственность передъ Европой за все происшедшее и могущее произойти, а также и предотвращало всѣ тѣ ужасы расправы, которыхъ китайское правительство не могло не предвидѣть, когда всѣ представленія старой китайской партіи оказались несостоятельными, когда китайскія войска

оказались безсильными, а европейскія войска шли побѣдоносно въ Пекинъ.

Теперь остается еще одинъ вопросъ. Отчего весь тотъ многотысячный сбродъ, подкрѣпляемый китайскими отрядами, не задавилъ насъ? Сколько было противъ насъ этого сброда и солдатъ — сказать, конечно, невозможно, но во всякомъ случаѣ за послѣднее время было не менѣе 3—4 тысячъ, а въ первые дни было гораздо больше. Относительно всей массы сброда, котораго было, быть можетъ, и десять тысячъ, я держусь того мнѣнія, что сбродъ этотъ шелъ главнымъ образомъ ради грабежа, и послѣ первыхъ же неудачъ весь разсыпался. А неудача для него была на первыхъ же порахъ весьма чувствительная. Когда уличныя толпы сброда разграбили и сожгли миссіонерскія зданія американцевъ за Хода-мынь, то послѣ этого вся ихъ массовая волна устремилась на посольства. Стонъ и гулъ стоялъ въ воздухѣ, когда стала до насъ доноситься быстрая трескотня скорострѣлокъ. Мы ничего не могли понять, что происходитъ, и только спустя нѣкоторое время принесли извѣстіе, что эти толпы сброда были встрѣчены китайскими войсками, стоявшими у Хода-мынь и производившими изъ своихъ скорострѣлокъ страшное избіеніе несшагося на европейцевъ сброда. Возможно, что въ этомъ сбродѣ и была для насъ самая сильная опасность, которую предотвратили регулярныя китайскія войска.

Насколько китайскій уличный сбродъ былъ трусливъ и деморализованъ, можно было убѣдиться спустя нѣсколько дней послѣ этого происшествія, когда было сдѣлано остатками его нападеніе на голландское посольство. Прежде всего сбродъ этотъ, проникнувъ въ посольство, предался грабежу, но достаточно было сдѣланныхъ нѣсколькихъ залповъ со стороны нашихъ матросовъ, чтобы шайка грабителей разбѣжалась. Опасными оставались слѣдовательно только тѣ отряды китайскихъ войскъ, которые по приказанію ли, а также и добровольно вели противъ насъ оборонительную войну. Почему они ни разу не сдѣлали серіознаго для насъ нападенія? Несомнѣнно потому, что не получали приказаній. Когда они получали приказанія дѣлать нападенія, они дѣлали, какъ это и было на французовъ, нѣмцевъ и на японцевъ. Здѣсь китайскіе солдаты шли въ атаку, взрывали мины, бросались на приступъ. Но во всѣхъ этихъ посольствахъ были только десанты, а посланники находились въ англійскомъ посольствѣ. Почему эти солдаты, несомнѣнно лучшіе, не могли выбить небольшую горсть европейцевъ? Опять-таки выскажу только мое личное мнѣніе. Несомнѣнно одно, что китайскіе солдаты пока — плохіе солдаты. Плохи они не потому, что они трусы, — нѣтъ, я китайца трусомъ не назову, но мѣрить характеръ китайца одною мѣркою съ характеромъ европейца нельзя.

Характеръ китайца настолько самобытенъ и сложенъ, что требуетъ долгаго изученія. Прежде всего китаецъ не имѣетъ воинственнаго азарта; тысячелѣтіями китайскій народъ воспиталъ въ себѣ вѣжливость и особое самолюбіе—понятное только китайцу, но котораго не пойметъ европеецъ. Силу ума китаецъ всегда предпочитаетъ силѣ кулака. Уважая и преклоняясь передъ силой мышленія, хотя бы китайскаго, онъ презираетъ европейскую науку уничтоженія людей. Китаецъ страстно любитъ жизнь и попусту не будетъ давать себя уничтожать, но когда, по его китайскимъ понятіямъ, онъ оскорбленъ до того, что «потерялъ лицо», онъ спокойно кончаетъ самоубійствомъ. Китайскій солдатъ не трусъ, но онъ не обученъ быть смѣлымъ, онъ не обученъ владѣть собой, онъ не привыкъ быть солдатомъ, какъ европеецъ. Но кромѣ того, что китаецъ не обучается быть солдатомъ, онъ не видитъ и примѣра военнаго въ своемъ офицерѣ. Китайскій офицеръ неизмѣримо ниже стоитъ китайскаго солдата; если дать китайскому солдату хорошаго офицера, то китайскій солдатъ обратится въ хорошаго, смѣлаго и даже храбраго солдата. Примѣры этому наблюдались не одинъ разъ, какъ во время осады Тянь-цзина, такъ и во время нападеній на отрядъ Сеймура. Конница генерала Не-ши-чена и его солдаты стойко бились и стойко погибали, но и самъ Не-ши-

ченъ былъ убитъ. Другіе же генералы и китайскіе офицеры первые показывали примѣръ бѣгства. Даже солдаты, вооруженные прекрасными маузеровскими ружьями, и тѣ не обучены правиламъ стрѣльбы. Солдаты, какъ подтверждаютъ всѣ европейцы-офицеры, въ большинствѣ случаевъ стрѣляютъ безъ прицѣла и наугадъ сыпятъ пулями. Мы сколько разъ сами наблюдали надъ способомъ стрѣльбы даже дун-фу-сянскихъ солдатъ съ Монгольской площади, солдатъ сравнительно обученыхъ и вооруженныхъ скорострѣльными ружьями. Выйдя на крышу дома, солдатъ держитъ ружье сбоку себя и стрѣляетъ по тому самому способу, какъ онъ привыкъ пускать стрѣлу изъ лука. Другіе стрѣляли, держа ружье надъ головой, третьи прямо вверхъ, для шума. Я глубоко убѣжденъ, что если китайская армія получитъ европейскую организацію, получитъ хорошихъ офицеровъ и будетъ серіозно обучаться военному искусству, то это будетъ сила, съ которой считаться Европѣ будетъ нелегко. Даже о теперешнемъ китайскомъ солдатѣ можно сказать, что онъ хорошій ученикъ и навѣрно извлекъ изъ войны много полезныхъ для себя уроковъ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить слѣдующія положительныя качества китайскаго солдата: выносливость, терпѣніе, наблюдательность. Осажденнымъ европейцамъ въ Пекинѣ помогало, кромѣ того, что китайцы были плохіе солдаты, еще и тотъ страхъ, который

всякій китаецъ чувствуетъ передъ европейцемъ, какъ чародѣемъ, колдуномъ, что выражаетъ китаецъ однимъ словомъ «заморскій чортъ». Къ этому присоединялась еще увѣренность среди китайцевъ, что на самомъ дѣлѣ у насъ войска гораздо больше, нежели то количество, которое извѣстно офиціально. Китайцы убѣждены были, что кромѣ десантовъ, вошедшихъ въ Пекинъ открыто, прибыло въ Пекинъ много солдатъ, переодѣтыхъ въ обычные не военные костюмы. Всѣ эти обстоятельства благопріятствовали нашему спасенію. Китайскія войска, потерпѣвшія пораженія подъ Тянь-цзиномъ, въ остаткахъ своихъ бѣжали на юго-западъ. По тому же направленію отступили и всѣ войска, бывшія въ Пекинѣ и оставившія его послѣ взятія города европейскими отрядами. Сколь велико количество китайскихъ войскъ, сгруппировавшихся потомъ вокругъ генерала Дун-фу-сяна и принца Туана, дать отвѣтъ на этотъ вопросъ никто не можетъ, но едва ли кто станетъ возражать, что всѣ эти войска уже не тѣ войска, которыя были передъ европейцами въ началѣ войны. Въ настоящее время это войска уже обстрѣлянныя, войска горячо сочувствующія своимъ предводителямъ и готовыя проявить большую силу мужества, одушевленныя патріотизмомъ. Чтобы эти войска съ своими предводителями покорились европейцамъ, этого ожидать невозможно, но что

глубокая ненависть прочно укоренилась въ нихъ, а также и въ китайскомъ народѣ къ европейцамъ,—это несомнѣнно.

Для насъ, осажденныхъ въ Пекинѣ, было счастіемъ и то обстоятельство, что войска пришли къ намъ на освобожденіе не слишкомъ поздно, не давъ ни минуты времени одуматься китайскимъ правителямъ, которые никогда не выдерживали быстраго и энергичнаго натиска и терялись передъ рѣшительностью дѣйствій. Если бы войска еще замедлили выходомъ изъ Тянь-цзина, то едва ли имъ удалось тогда пройти къ Пекину столь легко. Китайцы готовились затопить всю пекинскую равнину водой изъ каналовъ и производили спѣшно работы по отведенію въ нихъ русла рѣки.

Путь отъ Тянь-цзина до Пекина для русскихъ и безъ того былъ тяжелъ. Шли русскіе и японцы первыми, слѣдуя правымъ и лѣвымъ флангами. Объ этомъ движеніи нашихъ отрядовъ я скажу лишь немногое, что имѣетъ интересъ и что я передаю со словъ участниковъ.

До 20-го іюля всѣ войска оставались въ Тянь-цзинѣ. Когда выступилъ русскій отрядъ, онъ нашелъ, что вся мѣстность вокругъ Тянь-цзина была наводнена. Пришлось пойти въ обходъ на соединеніе съ главными силами союзниковъ. На состоявшемся военномъ совѣтѣ высказывались мнѣнія остановиться и ждать подкрѣпленій, но

этому выжиданію воспротивились японскій генералъ и русскій генералъ-лейтенантъ Линевичъ. Японскій генералъ сказалъ, что онъ можетъ ждать только до 28-го іюля, и если тогда никто не пойдетъ изъ союзниковъ, то онъ одинъ пойдетъ съ японцами на Пекинъ. Ясно представляя всю неосновательность выжиданій и находя, что въ ожиданіяхъ и безъ того пропущено много времени, генералъ-лейтенантъ Линевичъ высказался за немедленное движеніе впередъ. Этимъ рѣшеніемъ мы были спасены, такъ какъ продовольствія у насъ оставалось на три дня, а при лишеніяхъ мы могли протянуть, самое большее, недѣлю. Справедливо поэтому мы всѣ считаемъ освободителемъ нашимъ генералъ-лейтенанта Линевича, который ясно понялъ, что нужна не медлительность, а быстрота. Китайцы между тѣмъ возводили по пути отрядовъ земляныя насыпи, выкапывали рвы и наполняли ихъ водою. Къ 22-му іюля русскій отрядъ подошелъ близко къ Янцуну. Китайцы залегли за желѣзнодорожной насыпью и открыли адскій огонь противъ русскихъ, бывшихъ подъ командой полковника Модль. Несмотря, однако, на открытый огонь, казачья сотня бросилась на насыпь и выбила оттуда китайцевъ, которые и бѣжали. Не обошлось безъ жертвъ и у насъ: убитъ офицеръ Пироговъ и семь человѣкъ казаковъ. Полковникъ Модль занялъ всю насыпь и первую

деревню. Къ вечеру подошли всѣ силы союзниковъ; по общимъ отзывамъ участниковъ, союзники плохо слушались другъ друга, и только энергія генералъ-лейтенанта Линевича и его личное мужество и примѣръ, который онъ всѣмъ подавалъ, будучи всегда впереди, служили еще спайкой для всѣхъ иностранныхъ отрядовъ.

Въ ночь на 23-е іюля нашъ отрядъ придвинулся къ Бейцану, но китайцы и тутъ такъ наводнили мѣстность, что пришлось уйти обратно на соединеніе съ японцами, также имѣвшими дѣло съ китайцами на своемъ флангѣ и разбившими китайцевъ. Генералъ Линевичъ рѣшилъ и теперь, не теряя времени, идти впередъ и не давать одумываться китайцамъ, которые сдѣлали-было попытку пустить свою конницу противъ англичанъ, но англичане двинули противъ китайцевъ бенгальскій уланскій полкъ, и китайцы разбѣжались. Дни 23-го и 24-го іюля были для русскаго отряда днями постояннаго боя съ китайцами, и полковникъ Модль взялъ и вторую деревню по направленію Янцуна. Въ день 25-го іюля дана была дневка усталому отряду, и въ этотъ день похоронили всѣхъ убитыхъ. Похороны были торжественны, но необычны. Вырыли глубокую могилу, опустили убитыхъ, внутрь могилы опустили крестъ и засыпали землей, стараясь сдѣлать мѣсто покоя незамѣтнымъ для китайцевъ, которые, какъ это было

извѣстно, разрывали иногда могилы и надругались надъ убитыми.

Взявъ продовольствіемъ сухари на три дня, русскіе пошли далѣе. Іюля 27-го — 28-го были взяты безъ боя Хесиву и Матоу, а 28-го войска подошли къ Тунчжоу, рѣшивъ взять его 30-го іюля штурмомъ; китайцы, однако, еще наканунѣ оставили городъ на произволъ судьбы. Отъ Тунчжоу до Пекина 22 версты. Посланъ былъ передовой отрядъ изъ казаковъ разыскивать дорогу, а въ 2 часа дня вышелъ изъ Тунчжоу ген.-майоръ Василевскій. 31-го іюля русскій авангардъ подошелъ къ Пекину и остановился въ трехъ верстахъ. Было темно. Разразилась гроза. Раскаты грома и блескъ молній заставили думать, что идетъ бомбардировка Пекина, но около 10-ти часовъ вечера гроза прекратилась, и рота штабсъ-капитана Горскаго пошла къ пекинскимъ воротамъ, дошла до безпечно спавшихъ китайскихъ часовыхъ, которые и были всѣ переколоты штыками. Другой отрядъ охотниковъ пошелъ отыскивать дорогу къ воротамъ, но вблизи былъ замѣченъ китайцами, открывшими огонь и ранившими офицера Ѳеоктистова. Изъ Пекина доносилась послѣдняя китайская стрѣльба по посольствамъ. Рѣшено было двинуться въ Пекинъ, и передовой русскій отрядъ вошелъ въ первыя ворота, составлявшія входной уголъ въ стѣнѣ китайскаго города, подходящій здѣсь къ

стѣнѣ манчжурскаго города. Войдя черезъ первыя ворота, отрядъ попалъ въ четырехугольный дворъ, въ которомъ были еще вторыя ворота въ городъ и найденъ былъ входъ на стѣну. Въ 2 часа ночи русскіе были уже на стѣнѣ, а противъ вторыхъ воротъ выставлены были двѣ пушки. Китайцы замѣтили со стѣны манчжурскаго города русскихъ, и отъ башни, которую русскіе назвали «проклятой», открыли ужасный огонь. Вошедшій на стѣну генералъ-майоръ Василевскій былъ раненъ въ грудь навылетъ черезъ легкое. Изъ 18-ти человѣкъ солдатъ при пушкѣ было убито 14, и пушка осталась подъ выстрѣлами. Здѣсь пришелъ на помощь со своей ротой штабсъ-капитанъ Горскій, и на рукахъ пушку вывезли стрѣлки его изъ-подъ непріятельскаго огня. На стѣнѣ въ это время былъ адъ; убитымъ или раненымъ былъ каждый, кто рѣшался перебѣжать небольшую площадку. Но подошли главныя силы русскаго отряда, загремѣли пушки и «проклятая» башня, занятая дунфу-сянами, замолчала...

Освобожденіе наше стало дѣйствительностью, и только теперь выказался во всей силѣ тотъ страшный упадокъ силъ, который оставила на насъ осада.

Не говоря уже про лишенія и невзгоды, которыя неизбѣжно надо было претерпѣть всѣмъ безъ исключенія, было не мало и такихъ явле-

нiй, крайне тягостныхъ, которыхъ и можно было, и должно было избѣжать. Жизнь русской колонiи, какъ я уже говорилъ, раздѣлилась на двѣ жизни: въ англiйскомъ посольствѣ семейные и въ русскомъ посольствѣ холостые. Наша холостая жизнь въ посольствѣ приняла отчасти общинный характеръ. Такъ какъ слуги-китайцы, за исключенiемъ одного слуги-католика Ли, бѣжали, то пришлось волей-неволей нарушить господствующую черту нашей бытовой жизни—жить только для себя—и признать нѣкоторую общность. Ли, слуга второго секретаря миссiи, сталъ для всѣхъ насъ девяти человѣкъ готовить чай, завтракъ и обѣдъ; всѣ собирались за общiй столъ. Благодаря тому обстоятельству, что удалось сдѣлать много запасовъ въ консервахъ изъ магазина Имбека, наше продовольствiе было несравненно полнѣе и лучше, нежели продовольствiе русской колонiи въ англiйскомъ посольствѣ, получавшей лишь въ обрѣзъ на каждаго человѣка паекъ отъ комитета общественнаго продовольствiя, организованнаго англичанами. Въ составъ этого комитета входили представители отъ каждой нацiональности. П. С. Поповъ былъ представителемъ отъ русскихъ...

Въ то время какъ наша молодежъ имѣла въ изобилiи не только всегда хорошiй хлѣбъ, горячiй супъ, конину, рисовую и ячменную кашу, но имѣла консервы ветчины, сардинъ, консервы

фруктовъ, сгущеннаго молока, имѣла въ изобиліи случайно попавшія въ руки прекрасныя вина, коньякъ, ликеры и шампанское, въ англійской миссіи многіе русскіе терпѣли лишенія даже въ питаніи самомъ необходимомъ. Вслѣдствіе такого неравномѣрнаго распредѣленія продуктовъ и скопленія ихъ въ однихъ рукахъ, среди нѣкоторыхъ лицъ въ столь тяжелое для каждаго время возможны были излишества и кутежи, а въ русской колоніи, гдѣ были женщины и дѣти, женщины, которыя несли тяжелыя обязанности по уходу за ранеными въ госпиталѣ, многіе и многія не имѣли во время глотка вина, чтобы поддержать падающія силы.

За время нашей осады среди русской колоніи наиболѣе ярко выказались какъ свѣтлыя, такъ и темныя стороны нашей бытовой жизни. Свѣтлымъ явленіемъ въ нашей жизни несомнѣнно была русская женщина. Съ утра до вечера въ первые дни осады русскія женщины-труженицы шили мѣшки, которые, будучи насыпаны землей, послужили для защиты мужчинъ на баррикадахъ; во время военныхъ дѣйствій русскія женщины были радѣльницы за русскими и иностранными ранеными и несли тяжелую обязанность сестеръ милосердія со всей искренной заботливостью и добротой женскаго сердца.

Во время опасности, когда мужчины потеряли голову, русскія женщины явились героинями.

Это было 9-го іюня, въ день перваго жестокаго нападенія китайцевъ на австрійцевъ.

Когда десантъ и всѣ мужчины оставили русское посольство и перешли въ англійское, то русская женщина, первая, увидавъ входившій десантъ, поняла прежде всего сердцемъ своимъ, что русскіе не должны были дѣлать этого. Русская женщина разсѣяла тотъ туманъ, который затемнилъ сознаніе мужчинъ. Десантъ вернули. Какъ велика должна быть наша признательность русской женщинѣ за то, что она жила сердцемъ, что она была мужественна духомъ и поняла ту опасность, которую создавало отступленіе.

Свѣтлымъ явленіемъ въ жизни нашей во время опасности явился также и о. Авраамій. Онъ былъ всегда нашимъ другомъ.

Всѣ русскія семьи возвратились обратно на свое полураззоренное пепелище въ русское посольство 3-го августа. Въ отсутствіе хозяевъ во всѣхъ квартирахъ произведенъ былъ полнѣйшій разгромъ. На каждомъ шагу приходилось встрѣчаться съ недочетами по хозяйству и лишеніями въ полученіи жизненныхъ продуктовъ.

. . . .

. . . .

Наконецъ, 19-го августа окончательно назначено днемъ выѣзда, и въ 8 часовъ утра двинулся нашъ поѣздъ, составленный изъ сотни военныхъ

фуръ, нагруженныхъ скарбомъ и сопровождавшійся окончившимъ свою тяжелую службу десантомъ. Мы всѣ отправлялись въ Японію. Проѣзжая по улицамъ Пекина, полнымъ разрушенія, покидая, быть можетъ, навсегда городъ, въ которомъ я прожилъ пять лѣтъ, и притомъ пять лѣтъ самыхъ тяжелыхъ въ моей жизни, я хотя и свободно вздохнулъ, но въ то же время мной овладѣло и грустное чувство. Грустно было сознавать, что эти пять лѣтъ оставили въ душѣ такой осадокъ горечи. Въ молодости всѣ дрязги жизни, людскія обиды и несправедливость чувствуются, правда, сильнѣе, но вѣдь молодыя силы кипятъ, стремятся впередъ, невзгоды легко забываются и переживаются, а въ старости онѣ оставляютъ въ душѣ больное мѣсто.

Вглядываясь, однако, въ истощенныя лица, на которыхъ привѣтливо играли, согрѣвая тепломъ, лучи солнца, я постарался отбросить мрачныя думы. Есть на свѣтѣ и добрые люди, есть на свѣтѣ и любящія сердца. А впереди все же насъ ждала жизнь, смерть же осталась назади.

3 2044 019 029 52

